

ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 19. № 4

Журнал “**Вестник Пермского университета. Политология**” является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семененко – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор К. А. Сулимов

© Редакционная коллегия, 2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

Алексеев Д. О. Макрополитическая идентичность жителей Тайваня в дискурсе политических элит Демократической Прогрессивной Партии в период президентства Цай Инвэнь.....	5
Устинкин С. В., Самсонов А. И. Потребительские стандарты населения как фактор обеспечения национальной безопасности.....	15
Аркадов Д. А., Филатова О. Г. Теоретическая модель цифрового (не)взаимодействия органов власти и граждан: парадокс выбора и логика бюрократии в дизайне сервисов на примере Санкт-Петербурга.....	27
Курбатов А. В. Прошлое как символический ресурс для воображения будущего: на примере выступлений депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва	38
Турицева К. П. Символическое vs. проблемно-ориентированное законодательство в экологической сфере: институциональные последствия конфликта восприятия (на примере инициатив субъектов РФ)	49
Помигуев И. А., Федосейкин Д. И. Роль исполнительной и законодательной ветвей власти в бюджетном процессе постсоветских стран: опыт сравнительного исследования.....	64
Сорбалэ А. Б., Миронова П. В., Мельникова Е. С., Важсенина С. А., Филюшкина А. А. Политика климатической устойчивости местных сообществ в системах многоуровневого управления: сравнительный анализ индийских штатов Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш	74
Михеев А. К. Законодательные коалиции при доминировании одной партии: стратегии взаимодействия «Единой России» с парламентской оппозицией в сфере экологии (IV–VII созывы)	92

Международные отношения

Маслова Е. А., Иванов Г. Н. Взаимодействие стран ЕС в ООН: конкуренция и механизмы координации позиций.....	102
Рыхтик М. И., Панько Н. К. Тайваньская проблема в логике спирали конфликта: внутренние и внешние факторы эскалации	112
Артееев С. П. Тюркский мир как этномир: альтернативный взгляд на политическое измерение идентичности.....	122

История и теория политики

Mishurin A. Carl Schmitt's liberalism.....	136
--	-----

Обзоры и рецензии

Евсеев Я. С. Что мы знаем о влиянии экономических санкций на политическое выживание лидеров: аналитический обзор литературы.....	144
Гаврюсова К. В. Политика идентичности в контексте национальных выборов в США (рецензия на книгу: Tauna S. Sisco, Jennifer C. Lucas, Christopher J. Galdieri (2023) Identity politics in US national elections)	154

К сведению авторов	158
--------------------------	-----

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, Perm State University

CONTENT

Political Institutions, Processes, Technologies

Alekseev D. Macropolitical identity of Taiwanese people in the discourse of political elites of the Democratic Progressive Party during the presidency of Tsai Ing-Wen	5
Ustinkin S., Samsonov A. Consumer standards of the population as a factor of ensuring national security	15
Arkatov D., Filatova O. Theoretical model of digital (non-)interaction between authorities and citizens: choice paradox and bureaucratic logic in service design on the case of Saint Petersburg	27
Kurbatov A. The past as a symbolic resource for imagining the future: based on speeches by deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VIII convocation	38
Turtseva Ch. Symbolic vs. issue-related legislation in environmental sphere: institutional consequences of the perception conflict (on the example of Russian regions)	49
Pomiguev I., Fedoseikin D. Executive and legislative bodies in the budgetary process of post-soviet states: a comparative study	64
Sorbale A., Mironova P., Melnikova E., Vazhenina S., Filyushkina A. Community-based climate resilience policy in multilevel governance systems: a comparative analysis of the Indian states of Jammu and Kashmir and Himachal Pradesh	74
Mikheev A. Legislative coalitions under the dominance of one party: strategies of interaction between United Russia and the parliamentary opposition in the sphere of ecology (IV-VII convocations)	92

International relations

Maslova E., Ivanov G. EU countries interaction in the united nations: competition and mechanisms of coordination	102
Rykhtik M., Panko N. The Taiwan issue within the logic of the conflict spiral: internal and external factors of escalation	112
Arteev S. The Turkic world as an ethic world: an alternative perspective on the political dimension of identity	122

History and theory of politics

Mishurin A. Carl Schmitt's liberalism.....	136
--	-----

Reviews and analysis

Evseev Y. What we know about the impact of economic sanctions on leaders' political survival: an analytical literature review	144
Gavryusova K. Identity politics in the context of US national elections (a review of Tauna S. Sisco, Jennifer C. Lucas, Christopher J. Galdieri. (2023) identity politics in us national elections)	154

Information for the authors	162
-----------------------------------	-----

Политические институты, процессы, технологии

УДК- 323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-5-14

МАКРОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ТАЙВАНИЯ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПРОГРЕССИВНОЙ ПАРТИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНСТВА ЦАЙ ИНВЭНЬ

Д. О. Алексеев

Алексеев Даниил Олегович, аспирант, Департамент политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: d.alekseev@hse.ru (ORCID: 0009-0002-2710-7556).

Аннотация

Рассмотрен дискурс политических элит Демократической прогрессивной партии (ДПП) Тайваня во время двух президентских сроков ее представителя Цай Инвэнь (2016–2024) с целью изучить, каким образом и под воздействием каких факторов менялась модель макрополитической идентичности жителей острова Тайвань. Для анализа, основным методом которого стал критический дискурс-анализ Фэрклафа, были взяты транскрипты речей высших руководителей ДПП за рассматриваемый период. В ходе исследования выявлено, что определенные фрагменты речей определяют и влияют на тот или иной компонент тайваньской идентичности, каждый из которых, в свою очередь, формирует макрополитическую идентичность жителей острова в целом. Результаты работы показали, что в ходе первого президентского срока Цай Инвэнь усилила национальный компонент макрополитической идентичности тайваньцев, отвергнув призыв лидера КНР к воссоединению под лозунгом «Одна страна, две системы». Во время второго президентского срока, неверно оценив возросшую поддержку избирателей, она усилила акцент на идеологических различиях КНР и Тайваня и призвала ДПП к изменению статус-кво в отношениях между ними. Однако призыв двигаться к независимости Тайваня не нашел поддержки у большинства жителей острова.

Ключевые слова: Тайвань; Китай; макрополитическая идентичность; дискурс; политические элиты.

Введение

Актуальность темы статьи связана с тем, что уже длительное время «тайваньская проблема» – вопрос о взаимоотношениях Китайской Республики (Тайвань) и Китайской Народной Республики (КНР) – находится в фокусе внимания мировой и региональной политики. В январе 2024 года на Тайване прошли очередные президентские выборы, победу на которых одержал кандидат от правящей Демократической прогрессивной партии Тайваня (ДПП) Лай Чинде, набрав 40 % голосов избирателей¹. Он сменил на этом посту другого представителя ДПП Цай Инвэнь, и этот факт, по словам Лай Чинде, разрушил «восьмилетнее проклятие» (имеется в виду, что до этого ни одна политическая партия на острове не смогла продержаться у власти более двух президентских сроков²).

Это избрание интересно для нас тем, что Лай Чинде и Цай Инвэнь являются выходцами из одной политической партии и придерживаются схожей позиции в подходах к решению «тайваньской проблемы». Данный вопрос напрямую связан с тайваньской идентичностью, при интерпретации которой две основные политические партии занимают во многом противоположные позиции: ДПП стремится создать независимую Республику Тайвань, а Гоминьдан – возродить Республику

© Алексеев Д. О., 2025

¹ Taiwan's Elections: A Fraught But Not Dire Equilibrium Endures [online]. Available at: <https://www nbr.org/publication/taiwans-elections-a-fraught-but-not-dire-equilibrium-endures/> (Accessed: 01 March 2025).

² Chairperson Lai Ching-te's Remarks at the 21st DPP National Party Congress Official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan [online]. Available at: https://www.dpp.org.tw/en/press_releases/contents/117 (Accessed: 15 March 2025).

лику Китай; ДПП стремится к плюрализму культуры и поддержке коренных народов острова³, а Гоминьдан восхваляет китайскую культуру и хочет создать синтез китайской и местных культур⁴.

Что касается историографии исследуемой в работе проблемы, то, несмотря на то что демократизация тайваньского общества проходила в 1990-ые годы, в то время у ДПП не было шансов победить на президентских выборах, так как народ Тайваня находился под сильным воздействием идеологической пропаганды Гоминьдана (Mau-kuei, 2000). Победа этой партии стала возможной только в XXI веке, когда политические атрибуты приобрели большее значение для формирования характера национального самосознания, чем этнический фактор, что способствовало переходу от этнического к политическому национализму на Тайване (Chen, 2012). Согласно исследованию Ян Чжун, тайваньцы не отказываются от своих китайских корней, но, находясь в принципиально иной политической и социальной среде, многие из них не считают себя китайцами (Zhong, 2016), что постепенно привело к формированию тайваньской идентичности, отличной от китайской (Keng, 2017).

Далее рассмотрим ряд ключевых работ, посвященных интерпретации тайваньской идентичности в период президентства представителя ДПП Цай Инвэнь. Так, Итан Ли и Энью Джан исследовали изменение тайваньской идентичности в ходе смены политических партий на Тайване (с 1996 по 2016 год) и пришли к выводу о том, что главным условием, повлиявшим на ее формирование, являлась демократизация острова, которая способствовала изменениям политической и социальной среды, происходивших либо по инициативе элит, либо по инициативе народных масс⁵. По мнению экспертов, активное развитие тайваньской идентичности в сторону «тайванизации» происходило в период президентства Цай Инвэнь (2016–2024), которая в своих речах старалась уменьшить значимость «китайскости» населения Тайваня (Demir, 2023). Она смогла это сделать, потому что к этому времени принесла свои плоды политика первого президента Тайваня от ДПП Чэнь Шуй Бэня, на одобрении которой вырос будущий избирательный округ Цай Инвэнь (Каимова, Денисов, 2023). При этом в отношении КНР Цай Инвэнь выбрала позицию, не свойственную другим президентам Тайваня: она не придерживалась жесткого подхода в вопросе получения независимости, как Чэнь Шуй Бэнь, но и не смягчала риторику в отношении КНР, как представитель партии Гоминьдан Ма Инцзю. Она маневрировала между этими подходами, полностью не отрицая, но и не принимая их, создав свою уникальную политику (Yu-Shan Wu, 2016).

На основе анализа приведенных источников можно заключить, что во время президентства Цай Инвэнь происходили изменения в интерпретации тайваньской идентичности. Но при этом в них остались без ответа такие актуальные вопросы, как, например: от какой интерпретации этой идентичности Цай Инвэнь и ее команда отказались, а какой отдавали предпочтение? как в период ее президентства менялись риторика и политика Тайваня в отношении идентичности? почему народ Тайваня в 2024 году вновь избрал президентом кандидата от ДПП? и др. С учетом этого исследовательский вопрос работы сформулирован так: каким образом и под воздействием каких факторов в дискурсе политических элит ДПП менялась модель макрополитической идентичности жителей острова Тайвань в период президентства Цай Инвэнь?

Теоретические и методологические основания исследования

Теоретические основы работы составили исследования таких авторов, как Александр Вендрт (социальный конструктивизм) (Wendth, 1993), Эрик Хобсбаум (Хобсбаум, 2002) и Крен Калхун (Калхун, 2006) (политические теории о нации).

Социальный конструктивизм позволяет проследить, как люди действуют по отношению к объектам, в том числе и к другим акторам, сообразуясь со значимостью для них этих объектов. В рамках исследования мы сможем проследить, какие компоненты идентичности представляют наибольший интерес для Цай Инвэнь и Лай Цинда. Политические теории о нации как о продукте интеллектуальной инженерии элит Эрика Хобсбаума и о нации как о дискурсивном проекте Крейга Калхуна по-

³ 民进党党纲官网 [电子源] DPP official website [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/download> (accessed: 15.03.2025).

⁴ 国民党政策平台官方网站 [电子源] KMT Policy Platform Official Website [online]. Available at: http://www.kmt.org.tw/p/blog-page_3.html (accessed: 15.03.2025).

⁵ Li Y., Zhang E. (2017) Changing Taiwanese Identity and Cross-Straits Relations: a Post 2016 Taiwan Presidential Election Analysis, *Journal of China Political Science*, 22, pp. 17–35.

могут нам понять, как высказывания представителей политической элиты ДПП соотносятся с проектом партии, представленной в ее политической платформе.

В качестве ключевой аналитической категории в исследовании выступает концепция макрополитической идентичности, указывающая на совокупность различных способов идентификации с сообществами, «стоящими за» современными государствами⁶. Эту концепцию использует О.Ю. Малинова, отмечая, что в случаях, когда вопрос о том, можно ли называть такое сообщество нацией, вызывает споры, как это имеет место на Тайване, понятие «макрополитическая идентичность» позволяет учитывать различные основания идентификации, представленные в публичном пространстве, и анализировать возникающие между ними конфликты (Малинова, 2010). Однако во многих случаях процесс конструирования макрополитической идентичности оказывается очень непростым, так как обусловлен конкуренцией различных проектов нациестроительства в наднациональной системе координат (Малинова, 2012). Соответственно, «идентификацией с макрополитическим сообществом можно считать интернализацию правил, норм и ценностей, коллективно осмыслиенных в рамках групп через солидарность поверх политических и идеологических границ на уровне государств» (Акопов, 2015).

В качестве основного метода исследования автор использовал дискурс анализ речей представителей политических элит ДПП, в том числе транскрипты официальных выступлений президента Тайваня Цай Инвэнь, а также речей председателей ДПП на сессиях Национального конгресса партии с 2016 по 2024 год. Основным методом исследования их содержания стал критический дискурсивный анализ (CDA) Фэрклафа, предполагающий в дискурсе «сложную структуру со своим словарем, грамматикой и риторикой, а также набором обычных и конвенций, взятых в их первоначальных “синхрониях”», когда «социальный контекст подчинен языковому контексту, который ограничивает первый своими языковыми конвенциями и доступными ему интеллектуальными ресурсами» (Boedeker, 2010). Метод CDA воспроизводит предложенную Фэрклафом трехмерную модель, в которой коммуникативное событие состоит из трех измерений, каждое из которых подлежит тщательному, но неформализованному анализу: 1) устный/письменный текст (семантические, синтаксические и другие особенности); 2) дискурсивная практика производства текста (контекст создания сообщения); 3) социальная реальность, обрамляющая дискурсивную практику (Fairclough, 1993).

Классификация речей по предназначению и характеристике отражаемых в них компонентов макрополитической идентичности

В ходе анализа эмпирических данных было выявлено, что определенные фрагменты выступлений представителей высшего руководства ДПП создают и влияют на тайваньскую идентичность. Анализ содержания речей и использованных в них устойчивых лексем позволил классифицировать эти фрагменты как отражающие следующие виды макрополитической идентичности Тайваня: национальную, идеологическую, внешнеполитическую и партийно-политическую. Учитывая, что макрополитическая идентичность является обобщающим понятием для всех этих видов, в данной работе они классифицируются автором как «компоненты макрополитической идентичности» жителей Тайваня.

Для анализа были выбрано 28 выступлений представителей высшего руководства ДПП следующих типов: инаугурационные речи (3), обращения по случаю Национального дня Республики Китай (8), новогодние обращения (7), заявление президента Цай Инвэнь по поводу «Послания председателя КНР Си Цзиньпина соотечественникам на Тайване» (1), выступления председателей ДПП на национальных конгрессах партии (9). Что касается целевой аудитории, то во всех речах, кроме выступлений в качестве председателя ДПП на национальном конгрессе партии, Цай Инвэнь предстает в качестве президента Республики Китай и обращается ко всем жителям острова Тайвань. Во время выступлений в качестве председателя ДПП на национальном конгрессе партии Цай Инвэнь, а с 2023 года Лай Циндэ предстают в качестве представителей руководства партии и обращаются к однопартийцам и жителям острова, которые поддерживают ДПП.

В ходе анализа выявлено, что каждое выступление содержит характеристики нескольких компонентов макрополитической идентичности жителей Тайваня, и на основе этого в общей сложности в 28 речах Цай Инвэнь и Лай Циндэ было выделено 104 таких компонента. При этом важно отметить, что, оценивая компоненты идентичности, мы имеем в виду не просто упоминание в тексте выступления вышеперечисленных лексем, а одно или несколько предложений, которые являются смысловой единицей текста.

⁶ Политическая идентичность и политика идентичности (2012) Т. 1. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН. 208 с.

В ходе анализа к национальному компоненту нами отнесены фрагменты речей, где лидеры ДПП упоминают такие словоформы, как: *национальный, суверенитет, Тайвань, Китайская Республика, «Одна страна, две системы», коренные народы, этнический, язык, поколение* и др. В характеристику внешнеполитического компонента идентичности включены фрагменты речей, где используются следующие словоформы: *названия государств, регионов мира, Тайваньский пролив, стороны пролива, материковый Китай, международный порядок, статус-кво*. В идеологический компонент вошли фрагменты речей, содержащие лексемы: *демократия, демократический, авторитаризм, авторитарный*, – а в партийно-политический – *ДПП, Гоминьдан, партия*.

Далее в работе представлены результаты исследования выступлений руководства ДПП за два президентских срока. Все они были изучены с применением критического дискурс-анализа на трех уровнях: языковых текстов выступлений, дискурсивной практики (процессов создания, распространения и потребления текстов) и дискурсивных событий как примеров социокультурной практики. При представлении результатов анализа текстов в силу ограниченности объема статьи мы не приводим детального описания каждого из них, а обратимся к наиболее примечательным за рассматриваемый период.

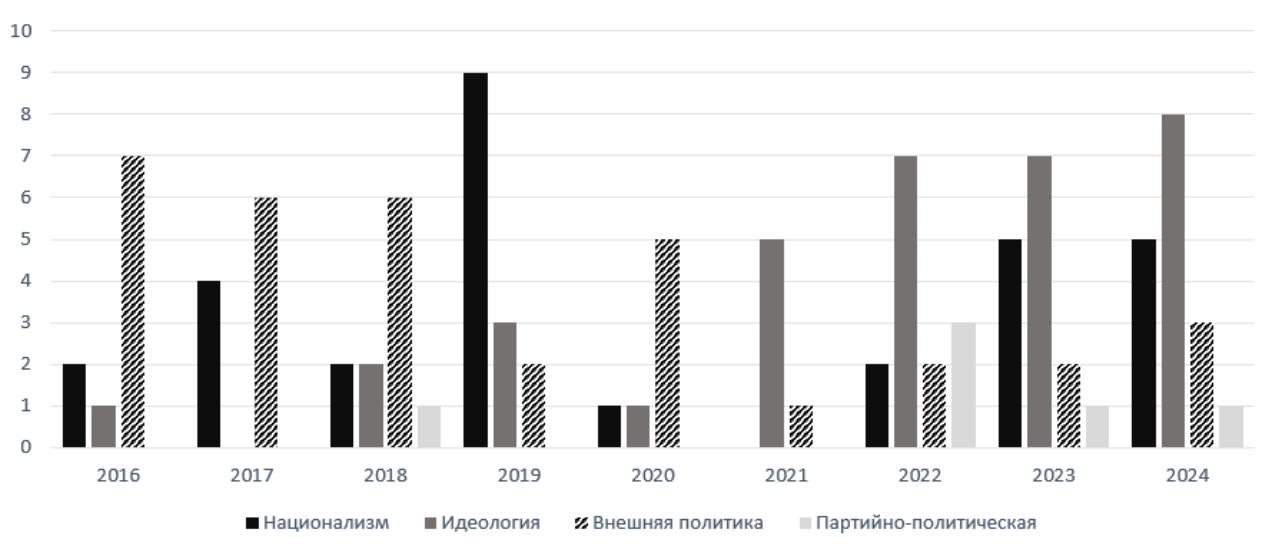

Рис. Компоненты макрополитической идентичности жителей острова Тайвань в речах лидеров ДПП с 2016 по 2024 год⁷

Особенности макрополитической идентичности жителей Тайваня в речах лидеров ДПП в первый президентский срок Цай Инвэнь (2016–2020)

Анализ транскриптов выступлений

Со времени инаугурации в мае 2016 года до конца 2018 года Цай Инвэнь в своих выступлениях делала акцент на внешнеполитическом компоненте идентичности и избегала радикальных заявлений в отношении Китая (рисунок). Например, в инаугурационной речи она отметила: «Две правящие партии по обе стороны пролива должны отбросить багаж истории и начать позитивный диалог на благо людей по обе стороны пролива»⁸. Аналогичную позицию она заняла и в выступлении на праздновании дня основания Китайской Республики в этом же году, подтвердив позицию на установление устойчивых отношений между двумя сторонами и поддержание статус-кво мира⁹.

На изменение ее позиций по этому вопросу повлияло выступление первого января 2019 года председателя КНР Си Цзиньпина по случаю 40-летия публикации «Послания соотечественникам на Тайване»¹⁰, в котором четко прозвучал обращенный к жителям острова призыв к воссоединению с

⁷ Составлено автором.

⁸ Inaugural Address of ROC 14th-term President Tsai Ing-wen official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan, Resources, Part 4 Important Speeches [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/en/resources> (Accessed: 01 March 2025).

⁹ President Tsai's 2016 National Day Address official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan, Resources, Part 4 Important Speeches [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/en/resources> (Accessed: 01 March 2025).

¹⁰ 1 января 1979 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей выпустил «Послание соотечественникам на Тайване», провозглашающее политику материка по мирному воссоединению, в которой содержится призыв

КНР под лозунгом «Одна страна, две системы»¹¹. Уже 2 января 2019 года Цай Инвэнь, выступая от имени народа Тайваня, отвергла этот призыв, заявив, что ДПП «никогда не принимала “Консенсус 1992 года”¹² в трактовке Пекина как “один Китай” и “одна страна, две системы”»¹³. По ее словам, подавляющее большинство тайваньцев решительно выступают против «одной страны, двух систем», и это противодействие является «тайваньским консенсусом»¹⁴. По поводу начавшихся в июне 2019 года антикитайских протестов в Гонконге президент Цай заявила, что, хотя «недалеко от Тайваня Гонконг находится на грани хаоса из-за провала “одной страны, двух систем”, Китай все еще угрожает навязать острову ту же модель»¹⁵. В других выступлениях в 2019 году Цай Инвэнь продолжила делать акцент на этих протестах, заявляя, что защита национального суверенитета Тайваня является ее обязанностью как президента, а принятие модели «одна страна, две системы» означает политическую смерть Китайской Республики и изменение всей жизни тайваньцев.

В 2019 году в речах президента также трижды упоминался тезис, характеризующий идеологический компонент идентичности. Так, во время новогоднего обращения к народу Тайваня Цай Инвэнь заявила, что демократия и авторитаризм не могут сосуществовать в одной стране, что народ Гонконга показал нам, что «одна страна, две системы» нежизнеспособны¹⁶. В этом тезисе мы впервые за рассматриваемый период видим противопоставление Тайваня и КНР на основе несоответствия политических режимов, и в последующих речах руководства ДПП частота упоминания этого тезиса только возрастает.

Анализ дискурсивных практик

Во время первого президентского срока Цай Инвэнь с 2016 по 2018 год одновременно занимала пост председателя ДПП. Несмотря на то что в ноябре 2018 года она ушла с поста председателя партии в связи с поражением на местных выборах, в 2019 году она продолжила выступать на пленарных съездах партии. Всего Цай Инвэнь произнесла четыре речи на сессиях национальных конгрессов ДПП (18-й национальный конгресс в 2016 и 2017 годах и 19-й национальный конгресс в 2018 и 2019 годах). В них она обращалась в первую очередь к своим однопартийцам и избирателю, поддерживающему ДПП. В остальных выступлениях за четыре года Цай Инвэнь выступала в качестве президента Республики Китай в ходе следующих событий: инаугурация, обращение по случаю Национального дня Республики Китай, новогодние обращения, выступление с заявлением по поводу «Послания председателя КНР Си Цзиньпина соотечественникам на Тайване». Во всех этих выступлениях она обращалась ко всему народу Тайваня.

Анализ дискурсивных событий

В 2016–2018 годах Цай Инвэнь делала акцент на внешнеполитических компонентах идентичности, касавшихся характера взаимоотношений с Китаем, в которых призывала к установлению с ним предсказуемых и устойчивых связей и поддержанию статус-кво. Национальный компонент идентичности в ее речах за эти годы выражался преимущественно в продвижении мер, направленных на улучшение положения коренных народностей острова Тайвань. Так, в 2016 году был принят закон, предписывающий использовать в бюллетенях для голосования языки местных народов, а в 2017 году Цай заявила, что ее партия будет «использовать примирительный механизм, чтобы добиться переходного правосудия для аборигенов»¹⁷, стремясь исправить дискриминационное отношение к коренным народам.

В 2019 году доминирующим в выступлениях Цай Инвэнь стал национальный компонент идентичности. Увеличение числа его упоминаний в 2019 году, по сравнению с 2018 годом, в четыре с половиной раза стало реакцией президента Тайваня в первую очередь на направленное Председателем

прекратить разделение и содействовать визитам, перевозкам через пролив, почтовым службам и экономические обмены. С этого момента заложилась традиция каждые 10 лет публиковать новые «Послания соотечественникам на Тайване».

¹¹ 习近平出席《告台湾同胞书》发表40周年纪念活动 [online]. Available at: <http://tw.people.com.cn/GB/43949/423685/index.html?TPWlanWarnChecked=0> (Accessed: 01 March 2025).

¹² Консенсус 1992 года – политический термин, появившийся после встречи в 1992 году представителей КНР и Республики Китай. Ее основным достижением стало достигнутый консенсус о том, что существует Единый Китай, но каждая из сторон имеет право на свою собственную интерпретацию.

¹³ President Tsai issues statement on China's President Xi's "Message to Compatriots in Taiwan" Official website of the Presidential Office of the Republic of China (Taiwan) [online]. Available at: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (Accessed: 01 March 2025)

¹⁴ President Tsai issues statement on China's President Xi's "Message to Compatriots in Taiwan" Official website of the Presidential Office of the Republic of China (Taiwan) [online]. Available at: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (Accessed: 01 March 2025).

¹⁵ President Tsai delivers 2020 New Year's Address Official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan, Resources, Part 4 Important Speeches [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/en/resources> (Accessed: 01 March 2025).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Chairperson Tsai's Speech at the 2nd Session of the 17th DPP National Congress official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan, Resources, Part 4 Important Speeches [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/en/resources> (Accessed: 01 March 2025).

КНР Си Цзиньпином Послание соотечественникам на Тайване. Начавшиеся в 2019 году в Гонконге протесты дали возможность президенту Цай начать активно использовать в речах и идеологический компонент идентичности, акцентируя внимание жителей острова на различиях политических режимов КНР и Тайваня.

В 2020 году на очередных президентских выборах на Тайване Цай Инвэнь снова одержала победу, получив 57,13 % голосов¹⁸ (на выборах 2016 года она набрала 56,12 %¹⁹). При том, что разница составила всего один процент, количество проголосовавших в ее поддержку существенно выросло: в 2016 году за Цай Инвэнь проголосовало 6 894 744 избирателя²⁰, а в 2020 году – 8 170 231²¹. Значительный рост числа голосов в ее поддержку связан в том числе с ростом явки избирателей на выборы (в 2020 году она составила 74,9 %²² против 66,27 % в 2016 году²³) и свидетельствует о том, что за прошедшие четыре года тайваньский избиратель стал более политически активным. Этот выбор избирателей позволил Цай остаться президентом Тайваня на второй срок и стал свидетельством одобрения ее политического курса большинством населения.

Особенности макрополитической идентичности жителей Тайваня в речах лидеров ДПП во второй президентский срок Цай Инвэнь (2020–2024)

Анализ транскриптов выступлений

Важнейшим в выступлениях в ходе второго президентского срока Цай оставался идеологический компонент идентичности, выражавшийся в противопоставлении политических режимов Тайваня и КНР (см. рисунок). Так, в инаугурационной речи в мае 2020 года она заявила, что отношения по обе стороны пролива достигли исторического поворотного момента²⁴. Уже через два месяца после повторного избрания президентом, вдохновленная выросшей поддержкой избирателей, на 19-м Национальном конгрессе ДПП в июле 2020 года Цай Инвэнь заявила, что партия больше не может довольствоваться статус-кво, и поручила департаменту политики ДПП начать разработку нового видения развития Тайваня на ближайшие 20–30 лет²⁵. Однако ее призыв к отказу от статус-кво не нашел поддержки у большинства жителей острова, и уже в октябре 2021 года президент Цай изменила свою официальную позицию на менее радикальную, призвав к сохранению статус-кво и подтвердив, что сделает все возможное, чтобы не допустить его одностороннего изменения²⁶. Ее быстрое возвращение к прежней, более гибкой, позиции, по нашему мнению, связано с тем, что именно эта опция в настоящее время устраивает большинство населения Тайваня.

При этом в последующие годы во многих выступлениях Цай продолжала подтверждать не-принятие политики «одна страна, две системы», подчеркивая различия между Тайванем и Китаем, в первую очередь в характере политического режима. Так, в мае 2022 года она отметила, что различия между двумя сторонами пролива происходят из исторических факторов и различного опыта в демократическом развитии²⁷; обращаясь к нации по случаю празднования 2024 года, подтвердила, что тип отношений с Китаем, которые Тайвань будет формировать в будущем, должен определяться присущими последнему демократическими процессами²⁸.

¹⁸ 2020 Presidential and Vice-Presidential Election Official website of the Central Electoral Commission [online]. Available at: <https://web.cec.gov.tw/english/article/30467> (Accessed: 01 March 2025).

¹⁹ 2016 Presidential and Vice-Presidential Election Official website of the Central Electoral Commission [online]. Available at: <https://web.cec.gov.tw/english/article/21796> (Accessed: 01 March 2025).

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Inaugural address of ROC 15th term President Tsai Ing-wen official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan, Resources, Part 4 Important Speeches [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/en/resources> (Accessed: 01 March 2025).

²⁵ Chairperson Tsai's Speech at the 1st Session of the 19th DPP National Congress official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan, Resources, Part 4 Important Speeches [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/en/resources> (Accessed: 01 March 2025).

²⁶ President Tsai delivers 2021 National Day Address official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan, Resources, Part 4 Important Speeches [online]. Available at: <https://www.dpp.org.tw/en/resources> (Accessed: 01 March 2025).

²⁷ President Tsai delivers 2022 National Day Address official website of the Presidential Office of the Republic of China (Taiwan) [online]. Available at: <https://english.president.gov.tw/News/6348> (Accessed: 01 March 2025).

²⁸ President Tsai delivers 2024 New Year's Address official website of the Presidential Office of the Republic of China (Taiwan) [online]. Available at: <https://english.president.gov.tw/NEWS/6662> (Accessed: 01 March 2025).

Что касается Лай Чиндаэ, то на 20-м Национальном партийном конгрессе в 2023 году в качестве Председателя ДПП он заявил, что Тайвань не первый раз в истории находится на перекрестке демократии и авторитаризма, и призвал однопартийцев и всех сограждан смело двигаться вперед и становиться сильнее на пути к демократии²⁹. В других выступлениях он отмечал, что воссоединение с КНР станет возвратом к авторитаризму и что такое возвращение в прошлое для Тайваня недопустимо. Таким образом, оставаясь в русле политического и идеологического курса Цай Инвэнь, как председатель ДПП в своей риторике он продолжил фокусироваться на различиях двух политических режимов.

Анализ дискурсивных практик

Во время второго президентского срока Цай Инвэнь занимала два поста: президента Китайской Республики (2020–2024) и одновременно Председателя ДПП (2020–2022)³⁰. С 2023 года по настоящее время должность Председателя ДПП занимает нынешний президент Китайской Республики Лай Чиндаэ. Транскрипты речей, которые были проанализированы в этом разделе, принадлежат этим двум политическим лидерам (наш анализ ограничивается речью Лай Чиндаэ на 21-м Национальном партийном конгрессе в июле 2024 года).

За период второго срока пребывания у власти на Тайване для анализа нами были использованы транскрипты речей Цай Инвэнь в качестве президента и председателя ДПП. В качестве президента Республики Китай Цай обращалась ко всему народу Тайваня в выступлениях на своей инаугурации, по случаю Национального дня Республики Китай и наступления Нового года. Что касается членов ДПП и поддерживающего ее избирателей, то в качестве председателей ДПП Цай Инвэнь и Лай Чиндаэ обращались к ним с речами в 2020–2022 и 2023–2024 годах соответственно.

Анализ дискурсивных событий

В ходе второго президентского срока Цай Инвэнь сделала попытку изменить статус-кво в отношениях с Китаем, однако она не нашла поддержки у многих жителей острова. Так, в период с июля 2020 года по октябрь 2021 года одобрение народом Тайваня тезиса «немедленное установление статус-кво» выросло с 25,8 до 27,3 %, а общее число респондентов, поддерживающих тот или иной вариант статус-кво с Китаем, превысило 80 %^{31,32}. Это связано с тем, что, по мнению многих жителей острова, попытка изменения статус-кво на основе провозглашения независимости Тайваня чревата реальной угрозой применения КНР военной силы. Из этого можно заключить, что сложившийся статус-кво наиболее приемлем для большинства тайваньцев.

В 2024 году Лай Чиндаэ был избран президентом Тайваня, набрав всего 40,05 %³³ голосов избирателей, получив более чем на 17 % голосов меньше, чем Цай Инвэнь в 2020 году³⁴. С учетом понизившейся явки на выборы (в 2024 году составила 71,86 %³⁵ против 74,9 % в 2020 году³⁶), общее количество проголосовавших за кандидата от ДПП в 2024 году упало до 5 586 019³⁷ (в 2020 году их было 8 170 231 чел.)³⁸. Эти результаты позволяют полагать, что снижение в 2024 году поддержки ДПП отразило негативную реакцию многих жителей острова на попытку Цай Инвэнь ужесточить позицию партии по поводу возможной независимости Тайваня, которая в то время была поддержана и Лай Чиндаэ. Кроме того, это вызвано тем, что во время предвыборной кампании он не смог четко сформулировать будущий политический курс ДПП в отношении КНР.

²⁹ Chairman Lai Ching-te's Address at the DPP's Second Assembly of the 20th National Party Congress official website of the Democratic Progressive Party of Taiwan [online]. Available at: https://www.dpp.org.tw/en/press_releases/contents/71 (Accessed: 15 March 2025).

³⁰ В 2022 году она ушла с этого поста после поражения партии на местных выборах.

³¹ Taiwan Independence vs. Unification with the Mainland (1994/12~2024/12) Election Study Center, National Chengchi University [online]. Available at: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963> (Accessed: 01 March 2025).

³² Центр изучения выборов Национального университета Чэнгчи представляет данные опроса в виде 7 переменных, 4 из которых относятся к статус-кво, а именно: установление статус-кво с последующим определением политического статуса Тайваня, установление статус-кво с последующим движением к независимости, установление статус-кво с последующим движением к объединению с КНР, немедленное установление статус-кво.

³³ 2024 Presidential and Vice-Presidential Election official website of the Central Electoral Commission [online]. Available at: <https://web.cec.gov.tw/english/article/41410> (Accessed: 01 March 2025).

³⁴ 2020 Presidential and Vice-Presidential Election official website of the Central Electoral Commission [online]. Available at: <https://web.cec.gov.tw/english/article/30467> (Accessed: 01 March 2025).

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

Учитывая существенное снижение электоральной поддержки ДПП на выборах в 2024 году, на церемонии инаугурации новый президент Лай Циндэ заявил о необходимости дальнейшего движения Тайваня в сторону демократии, но не противопоставлял его Китаю и не допускал критики в адрес последнего, одновременно продвигая тезис о том, что мир и стабильность в Тайваньском проливе необходимы для глобальной безопасности и процветания.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о том, что за рассматриваемый период руководство ДПП во главе с Цай Инвэнь предприняло несколько попыток изменить модель макрополитической идентичности жителей Тайваня, не все из которых получили у них поддержку. В 2016–2018 годах Цай Инвэнь в выступлениях делала акцент на внешнеполитическом компоненте идентичности, призывая к развитию устойчивых связей с Китаем и поддержанию статус-кво, и в целом их характер ненамного отличался от позиции ее предшественника – представлявшего Гоминьдан президента Ма Инцзю.

Катализатором первого предпринятого ДПП под руководством Цай изменения модели макрополитической идентичности жителей острова стал внешнеполитический фактор – послание Си Цзиньпина народу Тайваня, в котором он призвал его объединиться под лозунгом «Одна страна, две системы». Цай Инвэнь отвергла этот призыв, заявив, что подавляющее большинство тайваньцев против признания Тайваня частью Единого Китая, оценив эту позицию как «тайваньский консенсус». В дальнейшем в своих выступлениях президент Цай не отказывалась от подобной более жесткой трактовки, что свидетельствует об увеличении с 2019 года значимости национального компонента в предлагаемой ДПП модели макрополитической идентичности тайваньцев. С 2019 года был усилен и ее идеологический компонент, когда Цай Инвэнь стала активно продвигать тезис о том, что демократия и авторитаризм не могут существовать в одной стране, противопоставляя КНР и Тайвань на основе несоответствия политических режимов. Для обоснования необходимости изменения идентичности жителей Тайваня Цай упоминала начавшиеся в июне 2019 года антикитайские протесты в Гонконге, где модель «Одна страна, две системы» реализуется на практике.

При этом, неверно истолковав возросшую поддержку избирателей в ходе своих вторых президентских выборов, в июле 2020 года Цай Инвэнь призвала ДПП начать подготовку к изменению сложившегося статус-кво с Китаем и разработать новую концепцию развития Тайваня на перспективу. Однако призыв двигаться к независимости Тайваня не нашел поддержки у большинства жителей, полагавших, что столь радикальное изменение Тайванем политических подходов вызовет резкое обострение отношений с Китаем. С учетом этого важного фактора в июле 2021 года Цай вновь поддержала тезис о сохранении статус-кво с Китаем, подтвердив, что не допустит его одностороннего изменения. Таким образом, она формально вернулась к прежней модели идентичности жителей Тайваня, хотя в 2022–2024 годах в выступлениях политической элиты ДПП сохранился акцент на идеологическом компоненте идентичности, что выражалось в подчеркивании различий политических режимов Тайваня и КНР.

В целом за исследуемый период политические элиты ДПП смогли внести изменения в ряд компонентов модели макрополитической идентичности жителей острова Тайвань (в первую очередь национального и идеологического), которые были направлены на усиление ее различий с КНР. Что же касается попытки президента Цай радикально изменить эту модель в сторону полной независимости Тайваня, то она не была одобрена большинством жителей острова и привела к некоторому ослаблению политических позиций ДПП.

Список литературы / References

- Акопов, С. В. (2015) Человек многомерный: транснациональная модель идентификации с макрополитическими сообществами (метатеоретический анализ). СПб.: Алетейя, 296 с. [Akopov, S. V. (2015) *A multidimensional person: a trans-national model of identification with macro-political communities (meta-theoretical analysis)* [Chelovek mnogomernyj: trans-nacional'naya model' identifikacii s makropoliticheskimi soobshchestvami (metateoreticheskij analiz)] St. Petersburg: Aletheia, 296 p. (In Russ.)].
- Каймова, А. С., Денисов, И. Е. (2023) ‘Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности’, *Сравнительная политика*, 13(1-2), сс. 116–138. [Kaimova, A. S., Denisov, I. E. (2023) ‘The Status of Taiwan and the Evolution of Taiwanese Identity’ [Status Tajvanya i evolyuciya tajvan'skoj identichnosti], *Comparative Politics*, 13(1-2), pp. 116–138. (In Russ.)].
- Калхун, К. (2006) *Национализм*. пер. А. Смирнова. М.: Издательский дом «Территория будущего», (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 288 с. [Calhoun, K. (2006) *Nationalism* [Nacionalizm] trans. A. Smirnov. M. Publishing house “Territory of the Future”, (Series “University Library of Alexander Pogorelsky”) 288 p. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2010) ‘Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере’, *ПОЛИТЭКС*, 6(1), сс. 5–28. [Malinova, O. Yu. (2010) ‘Constructing Macropolitical Identity in Post-Soviet Russia: Symbolic Politics in the Transforming Public Sphere’ [Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoj Rossii: simvolicheskaya politika v transformiruyushchejsya publichnoj sfere], *POLITEX*, 6(1), pp. 5–28. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2012) ‘Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в XXI веке’ в: И. С. Семененко (отв. ред.) *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. М.: РОССПЭН. сс. 332–354. [Malinova, O. Yu. (2012) ‘Between the ideas of nation and civilization: dilemmas of macropo-litical identity in the 21st century’ [Mezhdu ideyami nacii i civilizacii: dilemmmy makropoliticheskoy identichnosti v XXI veke] In: I. S. Semenenko (ed.) *Political identity and identity politics. Vol. 2: Identity and socio-political changes in the 21st century*. M.: ROSSPEN. pp. 332–354. (In Russ.)].
- Хобсбаум, Э. (2002) ‘Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе’ в: Андерсон, Бауэр, Хрок и др. (ред.) *Нации и национализм*. М.: Практис, с. 333. [Hobsbawm, E. (2002) ‘The Principle of Ethnicity and Nationalism in Contemporary Europe’ [Princip etnicheskoy prinadlezhnosti i nacionalizm v sovremennoj Evrope] In: Anderson, Bauer, Hrock et al. (eds.) *Nations and Nationalism*. Moscow: Praxis, p. 333. (In Russ.)].
- Boedeker, H. E. (2010) *Reflection of historical semantics in historical cultural studies History of concepts, history of discourse, history of mentality*. Sat. Art. ed. H.E. Boedeker Translation from German M., pp. 298.
- Chen, R. (2012) ‘Beyond National Identity in Taiwan: A Multidimensional and Evolutionary Conceptualization,’ *Asian Survey*, 52(5), pp. 845–871.
- Demir, A. (2023) ‘Taiwan’s Ontological Security Under Tsai Ing-Wen’s Progressive Policies’, *Asya Araştırmaları Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi*, 7 (2), pp. 213–226.
- Fairclough, N. (1993) ‘Critical discourse analysis and the marketization of public discourse’, *Discourse and Society*, 4(2), pp. 133–168.
- Keng, S. (2017) ‘Mingling but Not Merging: Changes and Continuities in the Identity of Taiwanese in Mainland China’ In: S. Keng, E. R. Lin (eds.) *Taiwan and China: Fitful Embrace*. University of California Press, pp. 61–75.
- Mau-kuei, C. (2000) ‘On the Origins and Transformation of Taiwanese National Identity’, *China Perspectives*, 28, pp. 51–70.
- Wendt, A. (1992) *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. pp. 394.
- Yu-Shan, Wu (2016) ‘Heading Towards Troubled Waters? The Impact of Taiwan’s 2016 Elections on CrossStrait Relations’ *American Journal of Chinese Studies*, 23(1), pp. 59–75.
- Zhong, Y. (2016) ‘Explaining National Identity Shift in Taiwan’, *Journal of Contemporary China* 25(99), pp. 336–352.

Статья поступила в редакцию: 27.04.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 25.08.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

**MACROPOLITICAL IDENTITY OF TAIWANESE PEOPLE IN THE DISCOURSE
OF POLITICAL ELITES OF THE DEMOCRATIC PROGRESSIVE PARTY
DURING THE PRESIDENCY OF TSAI ING-WEN**

D. Alekseev

*Daniel Alekseev, Postgraduate Student, Department of Political Science and International Relations, National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg, Russia.
E-mail: d.alekseev@hse.ru (ORCID: 0009-0002-2710-7556).*

Abstract

The paper examines the discourse of the Democratic Progressive Party (DPP) political elites in Taiwan during Tsai Ing-wen's two presidential terms (2016-2024) to study how the macropolitical identity model of Taiwan's inhabitants changed under the influence of various factors. Fairclough's critical discourse analysis was the primary method used to review the collected transcripts of speeches by senior DPP leaders. The study revealed that certain fragments of speeches define and influence one or another component of Taiwanese identity, each of which, in turn, shapes the macropolitical identity of the inhabitants of Taiwan as a whole. The results of the work showed that during her first presidential term, Tsai Ing-wen reinforced the national component of the macropolitical identity of the Taiwanese, rejecting the PRC leader's call for reunification under the slogan "one country, two systems". During her second term, misjudging the growing support of voters, she increased the emphasis on ideological differences between China and Taiwan and called for the DPP to change the status quo in relations between them. However, the call to move toward Taiwan independence failed to find support among most residents of the island.

Keywords: Taiwan; China; macropolitical identity; discourse; political elites.

УДК-327.8: 316.32: 316.33: 316.34
DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-15-26

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ СТАНДАРТЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С. В. Устинкин, А. И. Самсонов

Устинкин Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор,
директор междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых
и региональных социально-политических процессов», научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН,
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия.
E-mail: sv.ustinkin@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1481-3208).

Самсонов Андрей Иванович, научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород, Россия.
E-mail: cipt@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8059-5344).

Аннотация

Рассматривается влияние внутренних социальных трансформаций на представления о национальной безопасности в позднесоветском и постсоветском обществе. Позднесоветский период был временем медленной смены идеально-нравственных ориентиров и одновременно роста потребительских стандартов. Возникновение и развитие общества потребления, в сочетании с развитием информационно-коммуникативных технологий, привели к возникновению и развитию новых эффективных форм внешнего влияния и создания угроз. Внешнее воздействие оказывается на ценностную систему, где преимущества и недостатки государства воспринимаются в массовом сознании через доступность материальных благ и возможностей их потребления. Это расширило сферу применения понятия «национальная безопасность», что нашло свое отражение в стратегических документах. Возросло значение внутренних социально-экономических условий и потребительских стандартов населения в качестве индикативных показателей в оценке уровня угроз безопасности. На фоне 40-летнего социально-исторического цикла продемонстрирована эволюция доктринальных представлений о внутреннем контуре национальной безопасности в их взаимосвязи с удовлетворенностью повседневно-бытовыми условиями и материальным положением населения, уровнем аксиологического доверия и готовностью к восприятию официальных нарративов в отношении угроз безопасности. Показано влияние господствующих установок массового сознания на стратегические принципы и подходы, фиксируемые официальными документами. На основе социологических и статистических данных рассматривается эволюция принципиальных положений, лежащих в основе стратегических документов РФ по обеспечению национальной безопасности, в условиях изменения массовых настроений и уровня развития общества потребления.

Ключевые слова: национальная безопасность; общество потребления; потребительские стандарты; общественное мнение; массовое сознание; глобализация; ценности.

Введение

Первая четверть XXI века завершается процессом трансформации мировой системы, незавуалированным противостоянием государств и военно-политических союзов, включая военное. Национальная безопасность стала основным аргументом в принятии решений политическим руководством государств. Претерпели изменения представления о сферах, относящихся к данному термину.

До середины 70-х годов XX века термин «национальная безопасность» подразумевал такое состояние социального субъекта – общества в границах государства, социальной группы или класса, – когда их интересы защищены от угроз (Буркин, Возженников, Синеок, 2008; Общая теория...,

2002). Основным источником угроз считались другие государства и противостоящие идеологические представления. Защита государственного строя включала обязательный ценностно-идеологический компонент. Это относилось как к социалистическим государствам, так и к другим, в частности к США. Главным направлением обеспечения национальной безопасности считалось государственное, в первую очередь сферы обороны, охраны политического строя, институтов и интересов. Деятельность по обеспечению государственной безопасности трактовалась в рамках задач силовых ведомств.

Период однополярной глобализации 80–90-х годов XX века привел к научно-практическому осмысливанию зависимости уровня внутренней онтологической безопасности от внешнеполитических условий и межгосударственных отношений. Была обоснована и обратная зависимость, где национальные интересы выступают продолжением сформировавшейся внутри идентичности, с интегрированными идеями и представлениями об окружающем мире. Идентичность рассматривается как продукт синтеза культурного и социального развития, исторической памяти, образа жизни и «образа будущего» и находит выражение во внешнеполитической стратегии и политике национальной безопасности государств (Хантингтон, 2003). Иные представления об идентичности формируются в рамках конструктивистской парадигмы, где она выступает продуктом сознательного социального конструирования. В концепции А. Вендта, являющегося одним из родоначальников подхода, именно идентичность и идеи являются ключом к пониманию международного поведения. Конструктивисты рассматривают национальные интересы как внешнюю проекцию идентичности и считают их взаимосвязанными (Wendt, 1994; Wendt, 1999). Таким образом, оба подхода, где по-разному понималась идентичность, постулировали решающее влияние на формулирование интересов, следовательно, и на представления о национальной безопасности.

Современный период, характеризующийся кризисом однополярной модели глобализации, активировал дискуссию и пересмотр практических принципов. Усиливается дискурс политического реализма, вплоть до крайних проявлений в форме биологизма (Ефремова, 2025), оформляется неолиберальное признание разнообразия идентичностей (Фукуяма, 2019), развивается новая итерация идеологической парадигмы в форме аксиологического подхода (Поздняков, 2006). Вне зависимости от парадигмы всевозрастающая роль отводится внутреннему состоянию социума и факторам, его определяющим.

Цель статьи – анализ влияния трансформации российского социума в общество потребления на представления о национальной безопасности, где массовая удовлетворенность повседневно-бытовыми условиями и материальным положением определяет уровень аксиологического доверия в обществе. Последнее, в свою очередь, выступает определяющим фактором при восприятии населением официальных нарративов в отношении угроз безопасности.

Под обществом потребления понимается совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления; под потребительскими стандартами – сложившиеся в сознании населения представления о наличии разных пакетов возможностей и повседневных практик, которые отражают дифференциацию общества и ориентиры потребления, маркеры ухудшения/улучшения материального положения для разных групп населения (Пишняк и др., 2025).

Общественные настроения в период распада СССР

Особенность трансформации советского общества в общество потребления может быть описана в языке двух основных иерархических моделей удовлетворения потребностей и их последовательности. Модель Маслоу в качестве основы имеет удовлетворение физиологических нужд и безопасности (Маслоу, 2019). Модель социологического постматериализма указала на возрастающую роль нематериальных ценностей, но в качестве условия выдвинула необходимость достижения высокого уровня индивидуального материального достатка (Инглхарт, 1997). Советское общество 1970–80-х годов представляло полную противоположность: идеально-нравственные ценности и общественное развитие рассматривались как приоритетные по отношению к удовлетворению повседневно-бытовых материальных потребностей, нормой которых считался усредненный социальный минимум (Советский простой..., 1993: 24–25).

Позднесоветский ценностный дрейф потребительских стандартов оставался вне фокуса общественных наук, не считался важным социальным индикатором. Анализ исследований этого периода показывает, что из 158 работ по социологии труда только 7 посвящены оплате (4,4 %), а из 287 публикаций о повседневном быте лишь 32 изучали доходы и потребление домохозяйств (11,1 %) (Социальные показатели..., 1980: 19, 73, 79–81). Закономерным итогом стала недооценка влияния ценно-

стей потребления на позднесоветское общество. Уже в 1981–1982 годах опросы фиксировали мнение, что 44 % окружения рядового советского человека «интересуются в основном приобретением вещей», а 21 % «заняты только собой, своим личным благополучием» (Возьмитель, 2012). Макросоциальный вектор изменений 1980-х – начала 1990-х годов точно сформулировал А.А. Аузан, обозначивший произошедшее термином «антидефицитная революция» (Аузан, 2015).

Объемную картину общественных представлений исторического периода дает проведенный в 1989 году опрос ВЦИОМ. В роли первоочередной потребности большинство (56 %) граждан СССР видело «материальный достаток», а получение «хороших денег» выступало главным источником удовлетворения для 20 % населения. Отношение к государству демонстрировало его слабость в глазах общественного мнения и концентрировалось вокруг двух позиций: «Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на жертвы» (33 %) и «Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам» (32 %) (Советский простой..., 1993). Обе позиции демонстрируют потребность в изменении государственно-политической организации общества.

Эти тенденции частично отражали изменения в советских стратегических документах по безопасности. В 1982 году к понятию государственной безопасности добавляется термин «безопасность общества», на доктринальном уровне включающее обеспечение безопасности общественной жизни. В 1985 году происходит закрепление парадигмы, когда в понятие государственной безопасности включается обеспечение прав и свобод личности. Не имея ресурсов быстрого изменения возможностей потребления, позднесоветскому обществу были предложены нематериальные ценности: политические свободы, свобода слова, творческой активности. Все это не замедлило, а через легализацию потребительских стандартов и ценностей ускорило разрушение идеологических оснований социума. Кризис в сфере обеспечения национальной безопасности СССР имел внутреннюю социально-экономическую природу, выражавшуюся в несовпадении массовых и государственных представлений о безопасности и угрозах¹.

Особенности национальной безопасности в 1990-е годы

Начало 1990-х стало временем институционально-либеральной парадигмы как в научно-теоретическом и методологическом плане, так и в политической практике. В 1993 году Конституция РФ зафиксировала курс на общество потребления как отражение макросоциального тренда, фактически ликвидировав и разделение на государственную и общественную безопасность². Соответствующие тезисы были сформулированы в Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Суть термина раскрывалась через обобщающее коллективное понятие «многогранного народа» как источника власти и носителя суверенитета (преамбула)³. В политической практике принимались тезисы, постулирующие зависимость развития общества от либеральной организации социального порядка, демократических норм, законодательного оформления соответствующих институтов в политике и экономике. Их наличие воспринималось как необходимое и обязательное условие внутренней социальной стабильности и достижения обществом высокого уровня материального благополучия (Штомпка, 2008).

Представление об уровне благополучия населения в 1990-е годы дают данные всероссийских опросов. В 1998–2002 годах средняя доля респондентов⁴, указывавших на нехватку средств на продукты питания составляла 27,4 %; в мае 1999 года она достигала 37 %. Средняя доля населения, имевшего доходы, достаточные только для питания, но не имевшего возможностей для свободного потребления в других сферах, составляла 42 %. Около четверти респондентов говорили о проблемах при покупке товаров длительного пользования, за исключением продуктов и одежды. По замерам

¹ Уже в 1989 году, т.е. еще до распада СССР и окончательного разложения «социалистического лагеря», преобладающей точкой зрения относительно угроз стала: «Зачем искать врагов, когда корень зла – в собственных ошибках» (45 % респондентов) (Советский простой..., 1993: 47).

² Послание Президента Российской Федерации от 23.02.1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36349> (Дата обращения: 18.08.2025).

³ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300. URL: <https://base.garant.ru/3974153> (Дата обращения: 18.08.2025).

⁴ Результаты мониторинговых исследований ВЦИОМ за 1998–2002 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/539051&full> (Дата обращения: 18.08.2025).

ФОМ, в марте 2004 года к «бедным» относили себя 41 % населения страны⁵. В 2000 году доля населения РФ с доходами ниже официального прожиточного минимума составляла 29 %⁶. Еще в начале 1980-х годов проблемы с продовольствием оказались предвестником будущего кризиса⁷. В позднем СССР доля затрат на питание составляла в среднем 30–35 % расходов домохозяйств, что соответствует достаточно высоким показателям⁸ (Разумов, Сковпень, 2024). В 1990-е годы исчезновение дефицита сопровождалось таким падением доходов, что средняя доля расходов на питание достигала 60–70 %, к началу века сократившись до 50 %. Исследования ИС РАН с 1994 по 2009 год показывают, что негативный баланс оценок в ситуации с питанием меняется лишь на рубеже 2000–2001 годов, когда доля отрицательных оценок падает ниже 20 %, а положительных становится более 20 % (Российская повседневность..., 2009).

В первой половине 1990-х годов упомянутая готовность значительной части населения (33 %) поддержать экономические и политические реформы, а также сильный запрос на «свободу» (32 %) позволили провести либеральные по своим целям и методам экономические реформы. Либерализация цен и торговли в условиях падения производства из-за разрушения экономической связности привела к тому, что дефицит товаров трансформировался в дефицит средств на их приобретение. Вся возникшая на этой основе пирамида явлений – от резкого ухудшения повседневно-бытовых условий жизни до криминализации экономических отношений – привела к исчезновению чувства онтологической безопасности, а его утрата – к потере «базового доверия»⁹. В 1995–1999 годах политическая система общества полностью (2,2 %) или частично устраивала в среднем 37,2 % населения, а ее «радикального изменения» требовало 42,8 % граждан. Уровень доверия основным институтам власти был следующим: Президенту РФ – 9 %, Правительству РФ – 12,7 %, армии – 34 %, правоохранительным органам и судебной системе – 12,2 % (Как живешь..., 2024). Это является косвенным признаком того, что тогда российский социум развивался в направлении построения классического общества потребления, где представления населения о своих потребительских возможностях взаимосвязаны с аксиологическим доверием системе (Гидденс, 2005).

В этих условиях методологической основой направленного против РФ воздействия, как и против большинства других государств вне ядра глобальной системы, становится *soft power*¹⁰; это пришло на смену культурно-идеологической гегемонии¹¹, бывшей одним из научно-методологических подходов при разрушении СССР (Понкин, 2014). Практические приемы и технологии реализации этой концепции описаны в работе американского социолога и политолога Дж. Шарпа (Шарп, 2005). В основе – опора на модернируемое недоверие власти и недовольство своим положением большей части населения, позволяющее в условиях слабого общественного доверия государственным институтам производить их мирную «перезагрузку» в интересах внешних сил.

Основные направления социально-экономической политики по обеспечению национальной безопасности в 2000-е годы

Внутренний характер приоритетных угроз осознавался на уровне политического руководства: «Наши цели абсолютно ясны. Это высокий уровень жизни в стране, жизни – безопасной, свободной и комфортной»¹². Социально-экономическое положение и общественно-политическая ситуация определяли направления усилий по обеспечению национальной безопасности: с одной стороны, признание либераль-

⁵ Бедные и богатые: социальное неравенство в России (2025) [Электронный ресурс], Официальный сайт фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Ekonomika/15217> (Дата обращения: 18.08.2025).

⁶ Уровень бедности в России обновил исторический минимум (2024) [Электронный ресурс], РБК. Экономика. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d> (Дата обращения: 18.08.2025).

⁷ «Продовольственная программа СССР», государственная программа, принятая в СССР на майском (1982) Пленуме ЦК КПСС для преодоления товарного дефицита в стране // Горланов И.А., Флорентьев Л.Я., Копанев Н.Г. Продовольственная программа СССР: вопросы и ответы. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. 214 с.

⁸ Закон Энгеля: экономическая закономерность и ее влияние на потребление [Электронный ресурс], FB.ru. URL: <https://fb.ru/article/499311/2023-zakon-engelya-ekonomicheskaya-zakonomernost-i-ee-vliyanie-na-potreblenie?ysclid=m8yl582tja406755182> (Дата обращения: 05.04.2025).

⁹ Базовое доверие (basic trust) – форма безличностного отношения к власти, положительного эмоционального восприятия социально-политической системы государства.

¹⁰ Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://smartpowerjournal.ru/soft-power> (Дата обращения: 18.08.2025).

¹¹ Грамши А. Тюремные тетради (1991) [Электронный ресурс]. М.: Изд-во полит. лит-ры. URL: https://civisbook.ru/files/File/Gramshi_tetradи.pdf (Дата обращения: 18.08.2025).

¹² Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26 мая 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://tg.ru/2004/05/26/postanie-dok.html> (Дата обращения: 18.08.2025).

но-институциональной парадигмы внешней политики, отказ от военно-политического доминирования даже на постсоветском пространстве; с другой – меры по ускоренному развитию в социально-экономической сфере, определяющей уровень материального благополучия граждан (Актуальные..., 2007).

К 2009 году доля респондентов, указывавших на нехватку средств на продукты питания, сократилась до 10 %, а средняя доля населения, имевшего доходы, достаточные только для питания, снизилась до 22 %¹³. В 2006–2007 годах в опросах ФОМ впервые наблюдалась ситуация, когда число респондентов, отмечавших улучшение материального положения в течении прошедших трех месяцев (в среднем 24 %), было выше доли отмечавших ухудшение (21 %)¹⁴. Сокращение количества материально неблагополучных вело к восстановлению аксиологического доверия. В 2007–2009 годах средняя доля радикально недовольных политической системой сократилась до 22,3 %, а число полностью удовлетворенных возросло в 5 раз (до 10,3 %). В этот период Президенту РФ в среднем доверял 61 % граждан, Правительству РФ – 37,7 %, армии – 40,1 % и только судебно-правоохранительной системе 11,8 % (Как живешь..., 2024).

Особенностью Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в 2009 году¹⁵, стало сочетание методологических подходов на внешнем и внутреннем контуре. Во внешней политике была сформулирована цель – возвращение РФ статуса мировой державы и возвращение к многополярности. Правила глобальной однополярной системы не рассматривались как аксиоматические, их соблюдение оставалось лишь в части, соответствующей национальным интересам. Особо следует выделить указание на то, что «ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции»¹⁶. Анализ понятийного аппарата данной стратегии позволил отдельным исследователям сделать вывод о «синтетическом» характере формулировок, комбинирующем разные методологические принципы: идеологические, системно-философские и аксиологические (Поздняков, 2013).

В определении основных направлений социально-экономической политики документ в целом сохранял прежний подход. Стратегия оказалась взаимосвязанной с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года¹⁷, направленной на формирование и поддержание безопасных условий реализации социально-экономических приоритетов развития. Целевой задачей провозглашались материальная обеспеченность, доступность для всех слоев населения при сохранении общего либерального подхода к экономике. Подход полностью отражал систему ценностей, определяющих нормативное содержание образа жизни в российском обществе в обозначенный период (Возьмите, 2012: 50–54).

Представление об эффективности реализации Стратегии 2009 года дают изменения в официальной статистике. К 2020 году¹⁸ доля населения, испытывающего крайнюю нужду (бедные), сократилась до 12 %¹⁹. За период с 2010 года число россиян, оценивавших свое материальное положение как «плохое», сократилось с 32 до 25 %, а как «хорошее» – выросло с 7 до 18 % (остальные оценивали свое положение как «среднее»)²⁰.

Изменились показатели системного доверия. В момент принятия Стратегии – 2009 (2010 год) политической системой было полностью удовлетворено 11 % населения, абсолютно не удовлетворено – 27 %. В 2020 году наблюдалась противоположная ситуация: удовлетворено – 30,5 %; не удовлетворено – 17 %. Показательны ответы на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?». В 2000 году вариант ответа «Всех граждан России» составил 9 %; в 2010 году

¹³ Использованы результаты мониторинговых исследований ВЦИОМ за 1998–2002 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/539051&full> (Дата обращения: 18.08.2025).

¹⁴ Официальный сайт фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/15218> (Дата обращения: 18.08.2025).

¹⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/?ysclid=mecdkxx3t6508380929> (Дата обращения: 18.08.2025).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94365> (Дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸ С 2018 году ВЦИОМ изменил методику и перешел к расчету индексных показателей [Электронный ресурс], *Официальный сайт ВЦИОМ*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/potrebiteelskie-vozmozhnosti-rossiyan-monitoring> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁹ Уровень бедности в России обновил исторический минимум (2024) [Электронный ресурс], РБК. Экономика. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d> (Дата обращения: 18.08.2025).

²⁰ Официальный сайт фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/15218> (Дата обращения: 18.08.2025).

– 13 %, а в 2020 году – 29 %, т.е. так ответила почти третья граждан (Как живешь..., 2024).

Общественное восприятие социального порядка является важным индикатором риска нарушения внутренней стабильности. На первом этапе процесса социальной трансформации большинство населения полагало, что российское общество устроено несправедливо, отдавая предпочтение утраченной советской системе. Опросы 2007 и 2011 годов демонстрировали незначительную положительную динамику: сокращение доли россиян, считающих российское общество несправедливым, с 68 до 61 %. При этом подавляющее большинство считало, что в странах «коллективного Запада» более справедливое общественное устройство: в 2007 году – 42 %, а в 2011 году – 47 %. Ситуация в общественном сознании изменилась именно к 2020-м годам. В 2017 году доля граждан, считающих современный российский социум справедливым, возросла с 12 до 23 %; число респондентов, отдавших РФ предпочтение перед западными обществами (42 %), оказалось выше, чем придерживающихся противоположного мнения (26 %)²¹.

Социально-экономические факторы обеспечения национальной безопасности на современном этапе

В редакции Стратегии от 2021 года под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны²². Формулировки стратегии позволяют рассматривать внутренние факторы как равные по значимости тем, что направлены вовне.

По данным Росстата, доля граждан России, которые с большим трудом «сводят концы с концами», снизилась более чем в 1,5 раза: в 2022 году – 9,3 %, в 2024 году – 5,8 % населения. Россия с доходами ниже официальной границы бедности в 2024 году – 7,2 %, что является минимумом в истории страны после 1991 года²³. ВЦИОМ приводит дифференциацию населения России по саморепрезентации уровня материального благополучия в 2023 году: «нищие» и «бедные» – суммарно 18 %, а «зажиточные» и «богатые» – 19 %. Две центральные группы – «необеспеченные» (13 %) и «обеспеченные» (50 %) (Беляева, Ракова, 2025). Таким образом, 70 % населения располагает значительными возможностями потребления и в целом удовлетворено своим материальным положением.

Радикальные изменения произошли в общественном сознании. Впервые с 1992 года доля респондентов, положительно ответивших на вопрос «Отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения нашей страны?» (44 %) превысила число отрицательных ответов (31 %). Своего максимума достигла доля тех, кто оценивает проводимую экономическую политику «в основном положительно» – 50 % от числа участников. На максимуме (38 %) остается количество респондентов, считающих, что российское государство сегодня защищает интересы «всех граждан России». Отношение к государственным институтам соответствует научно-теоретическим представлениям о развитом обществе потребления²⁴, конвертирующем удовлетворенность уровнем жизни в аксиологическое доверие общественно-политической и социально-экономической системе: Президент РФ – 75 %; Правительство РФ – 55 %; армия – 74 %; судебная и правоохранительная система – 36 %²⁵ (Как живешь..., 2024).

На прямую зависимость достигнутого в социуме уровня материального благополучия и общественного отношения к вопросам национальной безопасности указывают общероссийские исследования 2012–2024 годов – периода завершения действия старой и принятия новой Стратегии национальной безопасности. Отношение выявлялось посредством оценок нынешнего пути развития и источников основных угроз. В первом вопросе общество разделилось на 78 % одобряющих вектор развития и

²¹ Официальный сайт фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/15218> (Дата обращения: 18.08.2025).

²² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://ivo.garant.ru/#document/401425792/paragraph/1:0> (Дата обращения: 18.08.2025).

²³ Социологи назвали отличие понятий «норма» от «жить можно» для россиян (2025) [Электронный ресурс], РБК, 3 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67ee25de9a7947a3e999c907?ysclid=m93uxwwjda952313576> (Дата обращения: 05.04.2025).

²⁴ Штомпка, П. (2008) Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 664 с.; Луман Н. (2007) Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука. 648 с.; Бауман З. (2008) Текущая современность. СПб.: Питер. 240 с.; Инглхарт Р. (2018) Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет. М.: Мысль. 347 с.

²⁵ Максимум периода измерений, с 1995 года.

22 % полагающих его ошибочным. По второму – на 75 % видящих основные угрозы для России вовне и 25 % усматривающих их внутри. В контексте СВО²⁶ и заявленного властью фронтального противостояния «коллективному Западу» оба вопроса являются связанными. «Лоялисты» принимают официальный дискурс, где основные угрозы опосредованы внешними действиями. Оппозиционный нарратив противоположен: основные угрозы обусловлены неправильным вектором развития страны и внутренними недостатками общественно-политической системы. Данные показывают первостепенную значимость фактора самооценки материального положения. Среди лиц с низкой самооценкой материального благополучия фиксируется наивысшая доля (35–36 %) критически настроенных в отношении вектора развития и внешних угроз стране («Стрела времени»..., 2024).

О формировании новой ценностной основы системы свидетельствует эволюция оценки общественным мнением характера социальных отношений, совпадающая с переходом от предыдущей Стратегии национальной безопасности к новой редакции. Ответы на вопрос «За последний год наше общество стало более социально справедливым или менее социально справедливым? Или уровень социальной справедливости не изменился?» показывают рост положительных суждений²⁷. В 2018–2020 годах улучшение ситуации с социальной справедливостью на горизонте года отмечало в среднем по 16 % респондентов, то в 2023–2024 годах – уже по 26 % опрошенных. За тот же период количество отрицательных ответов сократилась с 54 до 44 %. В 2024 году 46–47 % опрошенных считали устройство российского общества справедливым, и восходящий социальный тренд, по мнению руководства ВЦИОМ, сохранялся²⁸. По данным АНО «Левада-Центр»²⁹, в 2025 году удовлетворенность жителей России повседневной жизнью достигла максимума с начала наблюдений (с 1993 года). Доля респондентов, которых устраивает жизнь, которую они ведут, составила 57 %, а респондентов с противоположной позицией – 11 %. Уровень удовлетворенности жизнью среди молодежи до 24 лет вырос до 76 %, и даже в группе наименее обеспеченных участников опроса этот показатель составил 38 %³⁰.

Специфика современной стадии развития общества потребления рассмотрена в исследований Р. Инглхарта (Инглхарт, 1997; Инглхарт, Вельцель, 2011), где усиление влияния ценностного компонента в обществе обусловлено достижением определенного уровня материального благополучия и онтологической безопасности. Ключевой особенностью последней редакции Стратегии национальной безопасности РФ является акцентированное внимание к ценностям, уже существующим или формирующимся на внутреннем контуре, и их защите. Документ нацелен на компромисс традиционного и либерального (точнее – общества потребления) подходов, что полностью отражает социальную реальность, сформировавшуюся в предшествующие периоды («Стрела времени»..., 2024).

В первом случае понятие «ценности» ассоциируется преимущественно с духовно-нравственными, этическими, общественно значимыми идеалами, общечеловеческими или социально-групповыми эталонами (Здравомыслов, 1986). Во втором распространяется и на материальные объекты. Потребности субъекта отражаются в его сознании как интересы, имеют материальную природу, но проявляются в форме психологических (духовных) состояний, ценностных ориентаций. Понятие «ценности» как абстракции осознанных потребностей личности включает широкий спектр материальных благ. Природа ценностей, понимаемых как интересы, такова, что может отражаться в сознании как индивидуальном, так и массовом искаженно, ошибочно или иллюзорно (Зиновьева, 2018). Под видом позитивной ценности могут продвигаться представления и паттерны, объективно наносящие вред долгосрочным, сложно рефлексируемым интересам личности (Манойло, 2018). Национальную безопасность в рамках ценностного подхода можно определить не только как защиту ценностей индивида или социальных групп от разрушающего воздействия, включая их искажение или ложную интерпретацию, но и предотвращение формирования негативных ценностных ориентаций.

²⁶ СВО – специальная военная операция на Украине. Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (Дата обращения: 18.08.2025).

²⁷ Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring?ysclid=m8zua963sj634770202> (Дата обращения: 05.04.2025).

²⁸ ВЦИОМ: все больше россиян считают, что общество в РФ устроено справедливо (2025) [Электронный ресурс], Рамблер, 20 февраля. URL: <https://weekend.rambler.ru/people/54235622-vtsiom-vse-bolshe-rossiyian-schitayut-chto-obschestvo-v-rf-ustroeno-spravedlivoy?ysclid=m944ocu75y878945306> (Дата обращения: 05.04.2025).

²⁹ АНО «Левада-Центр» внесена Министром в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³⁰ Официальный сайт АНО «Левада-Центр» [Электронный ресурс]. URL: [https://www.levada.ru/2025/08/08/udovletvoryonnost-zhiznyu-adaptatsiya-k-nastoyashhemu-uverenost-v-zavtrashnem-dne-i-budushhem-semi-iyul-2025](https://www.levada.ru/2025/08/08/udovletvoryonnost-zhiznyu-adaptatsiya-k-nastoyashhemu-uverennost-v-zavtrashnem-dne-i-budushhem-semi-iyul-2025) (Дата обращения: 05.04.2025).

Подтверждением может служить восприятие в массовом сознании слов-маркеров идейно-ценостного набора: «капитализм» и «социализм». Сегодня «социализм» положительно воспринимают 41 % (отрицательно – 44 %³¹), а «капитализм» положительно – 12 % (отрицательно – 48 %). Даже среди респондентов, полностью удовлетворенных своим материальным положением, «капитализм» положительно воспринимают лишь 23 % («Стрела времени» ..., 2024).

В действиях российской власти по обеспечению защиты традиционных ценностей заметен тренд на их материальное, в соответствии со спецификой общества потребления, поощрение³². Объективным примером служит СВО. Инструментом массового привлечения к контрактной службе в Вооруженных силах РФ служит финансовое стимулирование с уровнем зарплаты значительно выше средних по стране. В большинстве регионов практически отсутствуют любые ограничения, а государство прилагает усилия для сохранения для населения привычных повседневно-бытовых условий, возможностей потребления и образа жизни³³. После частичной мобилизации в достаточно короткий срок условия для мобилизованных были уравнены с контрактниками.

Резюме

Национальная безопасность включает не только проблематику защиты интересов страны, отношения к военной службе, патриотизма, деления на «дружественные» и «недружественные» страны. На этапах развития длинных макросоциальных трендов доминирующими становятся соответствующие ценности. В современном обществе потребления важнейшим элементом конструкции становятся материальные возможности и сохранение определенного уровня и качества жизни населения.

Общество потребления рассматривает уровень жизни и материальные возможности как ценность, подлежащую защите, а онтологическую безопасность – как неотъемлемый элемент повседневно-бытовых условий существования индивидов. Совокупность ценностей, определяющих нормативное содержание образа жизни, оказывается одним из основных объектов защиты от угроз, социально-одобряемых действий в рамках обеспечения национальных интересов и безопасности.

Размежевание России с «коллективным Западом» изменило вектор ценностного самоопределения с глобально-неолиберального на национальный. Сегодня это проявляется в общественном мнении по ключевым проблемам, что позволяет акцентировать внимание на формировании ценностного базиса, имеющего традиционалистскую компоненту. Достигнутый за прошедшие 40 лет уровень развития общества потребления в стране выступает одним из оснований этого процесса, обеспечивающим саму возможность развития.

Формирование базовой ценностной системы в России будет идти под влиянием трех ведущих макросоциальных трендов. Во-первых, сохранение достигнутых повседневно-бытовых условий жизни и потребительских стандартов населения как главного условия обеспечения аксиологического доверия и эффективного управления общественным сознанием. Во-вторых, возрождение и модернизация традиционных в значительной массе «советских» ценностей, в качестве национально-исторической и культурной альтернативы неолиберальной модели ценностей общества потребления. В-третьих, сохраняющийся высокий уровень влияния внешних изменений, их экстраполяция и интеграция в общую ценностную карту страны. Последний тренд, связанный с информационной революцией начала ХХI века, несет наибольшее число угроз национальной безопасности. Все обозначенные тренды взаимообусловлены, а их влияние объективно отражает достигнутый уровень развития социально-экономического и информационно-технологического развития.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема «Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект)») (FSWZ-2023-0031).

³¹ Сумма меньше 100 %, не учитывались относящиеся нейтрально.

³² Широкий комплекс в самых разных сферах: от материнского капитала и правил семейной ипотеки до контрактной основы участия в СВО, льгот для семей участников и т.п.

³³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (Дата обращения: 05.04.2025).

Список литературы / References

- Актуальные социально-политические проблемы национальной безопасности: учеб. пособие* (2007) Ч. 1. М.: ВАГШ. 268 с. [*Actual socio-political problems of national security: studies. stipend.* (2007) [*Aktual'nye social'no-politicheskie problemy` nacional`noj bezopasnosti: ucheb. posobie*] Part 1. M.: VAGSH. 268 p. (In Russ.)].
- Аузан, А. Перестройка: 30 лет антидефицитной революции (2015), *Forbes.ru* [электронное издание]. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/288117-perestroika-30-let-anti-defitsitnoi-revolutsii?ysclid=m93m48zyjd992668820> (дата обращения: 05.04.2025). [Auzan, A. Perestroika: 30 years of the antideficiency Revolution (2015) [Perestrojka: 30 let antideficitnoj revolyuci], *Forbes.ru* [electronic edition]. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/288117-perestroika-30-let-anti-defitsitnoirevo-lyutsii?ysclid=m93m48zyjd992668820> (accessed: 04/05/2025). (In Russ.)].
- Беляева, Л. А. Ракова, К. В. (2025) ‘Российское общество в 1990 – 2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата’, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, сс. 29–56. [Belyaeva, L. A. Rakova, K. V. (2025) ‘Russian society in 1990-2023: the experience of empirical assessment of social structure, quality of life and socio-psychological climate’ [*Rossijskoe obshhestvo v 1990 – 2023 gg.: opy't e`mpiricheskoy ocenki social`noj struktury`, kachestva zhizni i social`no-psixologicheskogo klimata*], *Monitoring public opinion: Economic and social changes*, 1, pp. 29–56.
- Буркин, А. И., Возженников, А. В. Синеок, Н. В. (2008) *Национальная безопасность России*. М.: Издательство РАГС. 478 с. [Burkin, A. I., Vozzhennikov, A. V. Sineok, N. V. (2008) *National Security of Russia* [*Nacional`naya bezopasnost` Rossii*]. M.: RAGS Publishing House. 478 p. (In Russ.)].
- Возмитель, А. А. (2012) *Образ жизни: тенденции и характер изменений в постформенной России*. М.: Институт социологии РАН. 230 с. [Vozmitel, A. A. (2012) *Lifestyle: trends and nature of changes in post-Reform Russia* [*Obraz zhizni: tendencii i xarakter izmenenij v poreformennoj Rossii*]. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 230 p. (In Russ.)].
- Гидденс, Э. (2005) *Устроение общества: очерк теории структурации*. 2-е изд. М.: Академический Проспект, 528 с. [Giddens, E. (2005) *The Organization of Society: An essay on the theory of structuration* [*Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii*]. 2nd ed. M.: Akademicheskiy Prospekt, 528 p. (In Russ.)].
- Грамши, А. (1991) *Тюремные тетради*. М.: Политиздат. Ч. 1. 559 с. [Gramsci, A. (1991) *Prison notebooks* [*Tyuremnye tetradi*]. M.: Politizdat. Ch. 1. 559 p. (In Russ.)].
- Горшков, М. К (ред.) (2024) «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем. ФНИСЦ РАН, Институт социологии. М.: Издательство «Весь мир». 308 с. [Gorshkov, M. K. (ed.) (2024) «The Arrow of Time» in the Mass Consciousness of Russians: assessments of the Past, judgments about the present, ideas about the future (2024) [*«Strela vremeni» v massovom soznanii rossian: ocenki proshloga, suzhdeniya o nastoyashhem, predstavleniya o budushhem*]. FNISC RAS, Institute of Sociology. M.: Publishing House "The Whole world". 308 p. (In Russ.)].
- Ефремова, К. (2025) Закон джунглей – это не справедливость, но рациональность, *Россия в глобальной политике. Интервью*. 30.07.2025. [электронное издание]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zakon-dzhunglej-efremova> [Efremova, K. (2025) The Law of the Jungle is not justice, but rationality [*Zakon dzhunglej – e`to ne spravedlivost`, no racional`nost`*], *Russia in Global Politics. Interview*. 30.07.2025. [electronic edition]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zakon-dzhunglej-efremova>. (In Russ.)].
- Здравомыслов, А. Г. (1986) *Потребности. Интересы. Ценности*. М.: Политиздат. 221 с. [Zdravomyslov, A. G. (1986)

- Needs. Interests. Values* [Potrebnosti. Interesy` Cennosti]. M.: Politizdat. 221 p. (In Russ.)].
- Зиновьева, Е. С. (2018) ‘Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России’, *Вестник МГИМО-Университета*, 6(63), сс. 25–40. [Zinovieva, E. S. (2018) ‘Digital diplomacy, international security and opportunities for Russia’ [Cifrovaya diplomatiya, mezhdunarodnaya bezopasnost` i vozmozhnosti dlya Rossii], *Bulletin of MGIMO University*. No. 6 (63). pp. 25–40. (In Russ.)].
- Инглхарт, Р. (1997) ‘Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества’, *Полис*, 4, сс. 6–23. [Inglehart, R. (1997) ‘Postmodernity: Changing Values and Changing Societies’ [Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva], *Policy*, 4, pp. 6–23. (In Russ.)].
- Инглхарт, Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое изда- тельство, 464 с. [Inglehart, R., Welzel K. (2011) *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development* [Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya]. M.: New Publishing House, 464 p. (In Russ.)].
- Как живешь, Россия? Экспресс-информация (2024) 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года: [бюлле- тень], В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 89 с. [How are you, Russia? Express information (2024) [Kak zhivesh`, Rossiya? E`kspress-informaciya], V. K. Levashov, N. M. Velikaya, I. S. Shushpanova [et al.]; FNISC RAS. M.: FNISC RAS, 89 p. (In Russ.)]. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024 EDN INPEEV
- Маслоу, А. (2019) *Мотивация и личность*. СПб.: Питер. 400 с. [Maslow, A. (2019) *Motivation and personality* [Motivacija i lichnost']. St. Petersburg: Peter. 400 p. (In Russ.)].
- Манойло, А. В. (2018) *Государственная информационная политика в особых условиях*. М. 388 с. [Manoilo, A. V. (2018) *State information policy in special conditions* [Gosudarstvennaya informacionnaya politika v osobyx usloviyax]. M. 388 p. (In Russ.)].
- Общая теория национальной безопасности (2002) М.: РАГС. 318 с. [The General theory of national security [Obshhaya teoriya nacional`noj bezopasnosti] (2002). M.: RAGS. 318 p. (In Russ.)].
- Пишняк, А. И., Халина, Н. В., Назарбаева, Е. А. (2025) ‘Потребительские стандарты в восприятии населения России: основные характеристики и границы’, *Эко- номическая социология*, 26(2), сс. 53–81. [Pishnyak, A. I., Khalina, N. V., Nazarbaeva, E. A. (2025) ‘Consumer standards in the perception of the population of Russia: main characteristics and boundaries’ [Potrebitel`ske standarty` v vospriyatiu naseleniya Rossii: osnovnye xarakteristiki i granicy. E`konomicheskaya sociologiya], *Economic Sociology*, 26(2), pp. 53–81. (In Russ.)].
- Поздняков, А. И. (2006) ‘Система основных понятий теории национальной без- опасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода’, в: *Без- опасность России в XXI веке*. М.: РИЦ ИСПИ РАН. 23 с. [Pozdnyakov, A. I. (2006) ‘The system of basic concepts of the theory of national security from the standpoint of a value (axiological) approach’ [Sistema osnovnyx po- nyatiij teorii nacional`noj bezopasnosti s pozicij cennostnogo (aksiologicheskogo) podkhoda] In: *Security of Russia in the 21st century*. M.: RIC ISPI RAS. 23 p. (In Russ.)].
- Поздняков, А. И. (2013) ‘Сравнительный ана- лиз основных методологических под- ходов к построению теории нацио- нальной безопасности’, *Националь- ные интересы: приоритеты и без- опасность*, 21, сс. 46–53. [Pozdnyakov, A. I. (2013) Comparative analysis of the main methodological approaches to the construction of the theory of national security [Sravnitel`nyj analiz osnovnyx metodologicheskix podkhodov k postroeniyu teorii nacional`noj bezopasnosti], *National interests: priorities and security*, 21, pp. 46–53.
- Понкин, И. В. (2014) ‘Технологии «мягкой си- лы» как средство дисфункционализа- ции и разрушения государства’, *Пра-*

- во и образование, 12, сс. 95–111. [Ponkin, I. V. (2014) "Soft power" technologies as a means of dysfunction-alization and destruction of the state' [Texnologii «myagkoj sily» kak sredstvo disfunktionalizacii i razrusheniya gosudarstva], *Law and Education*, 12, pp. 95–111. (In Russ.)].
- Разумов, А. А. Сковпень, В. А. (2024) 'Разработка и применение потребительских бюджетов в Советской России и СССР', *Социально-трудовые исследования*, 1(54), сс. 99–110. [Razumov, A. A., Skovpen, V. A. (2024) 'Development and application of consumer budgets in Soviet Russia and the USSR' [Razrabotka i primenie potrebitel'skix byudzhetov v Sovetskoy Rossii i SSSR], *Social and labor research*, 1(54), pp. 99–110. (In Russ.)]. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-99-110
- Российская повседневность в условиях кризиса* (2009) М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой (ред.). М.: Альфа-М. 272 с. [*Russian everyday life in crisis* (2009) [Rossijskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa]. M. K. Gorshkov, R. Krumma, N. E. Tikhonova (eds.). M.: Alfa-M. 272 p. (In Russ.)].
- Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х.* (1993) А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая, Ю. А. Левада, А. Г. Левинсон, Л. А. Седов. Ю.А. Левада (отв. ред.). М. 300 с. [*A simple Soviet man. The experience of social portrait at the turn of the 90s.* (1993) [Sovetskiy prostoj chelovek. Opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-xx.] A. A. Golov, A. I. Grazhdankin, L.D. Gudkov, B. V. Dubin, N.A. Zorkaya, Yu.A. Levada, A. G. Levinson, L.A. Sedov. Yu. A. Levada (ed.). M. 300 p. (In Russ.)].
- Социальные показатели образа жизни советского человека. Методологические проблемы* (1980). М.: Издательство «Наука». 216 с. [*Social indicators of the Soviet man's lifestyle. Methodological Problems* (1980) [Social'nye pokazateli obraza zhizni sovetskogo cheloveka. Metodologicheskie problemy']. M.: Nauka Publishing House. 216 p. (In Russ.)].
- Фукуяма, Ф. (2019) *Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия*, пер. с англ. А. Соловьева. М.: Альпина Паблишер. 256 с. [Fukuyama, F. (2019) *Identity: The Desire for recognition and the politics of rejection* [Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya], translated from English by A. Solovyov. M.: Alpina Publisher. 256 p. (In Russ.)].
- Хантингтон, С. (2003) *Столкновение цивилизаций*, пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство ACT». 603 с. [Huntington, S. (2003) *Clash of Civilizations* [Stolknovenie civilizacij], translated from English by T. Velimeev, Y. Novikov. M.: AST Publishing House, LLC. 603 p. (In Russ.)]
- Шарп, Д. (2005) *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения.* М.: Новое издательство, 84 с. [Sharp, D. (2005) *From dictatorship to democracy: Strategy and tactics of liberation* [Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya]. M.: Novoe izdatel'stvo, 84 p. (In Russ.)].
- Штомпка, П. (2008) *Социология. Анализ современного общества.* Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 664 с. [Shtompka, P. (2008) *Sociology. Analysis of modern society* [Sociologija. Analiz sovremenennogo obshhestva]. Trans. with paul S.M. Chervonnaya. M.: Logos, 664 p. (In Russ.)].
- Wendt, A. (1994) 'Collective Identity Formation and the International State', *American Political Science Review*, 88 (2), pp. 384–396. DOI:10.2307/2944711
- Wendt, A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025
Статья принята к печати: 30.10.2025

CONSUMER STANDARDS OF THE POPULATION AS A FACTOR OF ENSURING NATIONAL SECURITY

S. Ustinkin, A. Samsonov

Sergey Ustinkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Interdisciplinary Research Laboratory "Study of World and Regional Socio-Political Processes", Research Fellow, IS FNISC RAS, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: sv.ustinkin@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1481-3208).

Andrey Samsonov, research fellow,
IS FNISC RAS, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: cipt@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8059-5344).

Abstract

The article examines the impact of internal social transformations on perceptions of national security in late Soviet and post-Soviet societies. In the late Soviet period, shifting ideological values coincided with growing consumer attitudes. The rise of consumer society and new information technologies introduced new forms of external influence and threats. External influence is exerted on the value system, where the advantages and disadvantages of the state are perceived in the mass consciousness through the availability of material goods and opportunities for their consumption. This expanded the scope of application of the concept of "national security", which was reflected in strategic documents. The importance of socio-economic conditions and consumer standards in assessing security threats has increased. The socio-historical cycle over the past 40 years shows the relationship between ideas about national security and satisfaction with living conditions of the population, the level of axiological trust, and the readiness to perceive official narratives regarding security threats. The influence of the prevailing attitudes of mass consciousness on the strategic principles and approaches recorded in official documents is shown. Based on sociological and statistical data, the evolution of Russia's security provisions is examined in relation to changing public sentiment and consumer society development.

Keywords: national security; consumer society; consumer standards; public opinion; mass consciousness; globalization; values.

Financial support: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic "The problem of youth trust in public and state institutions in the context of ensuring national security in the context of a special military operation (regional aspect") (FSWZ-2023-0031).

УДК-351

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-27-37

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦИФРОВОГО (НЕ)ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН: ПАРАДОКС ВЫБОРА И ЛОГИКА БЮРОКРАТИИ В ДИЗАЙНЕ СЕРВИСОВ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Д. А. Аркатов, О. Г. Филатова

Аркатов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент, Школа социальных наук, Департамент политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: darkatov@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5204-9736. ResearcherID: ААН-1966-2021).

Филатова Ольга Георгиевна, доктор политических наук, старший научный сотрудник Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО, доцент, Школа гуманитарных наук, Департамент медиа, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ogfilatova@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9568-1002. ResearcherID: Q-2391-2016).

Аннотация

Исследуется проблема несоответствия между масштабным развитием цифровых государственных сервисов и ограниченным уровнем их использования гражданами. Классические модели – принятия технологий и диффузии инноваций – позволяют объяснить восприятие полезности и удобства, однако не дают целостного понимания отказа от региональных решений. В работе предложен междисциплинарный подход, соединяющий теорию «избыточного выбора» из психологии потребительского поведения и логику бюрократических решений. Эмпирическая база включает десять фокус-групп, проведенных в Санкт-Петербурге с участием 62 человек разных возрастных когорт. Результаты показывают, что граждане активно используют федеральные сервисы (например, портал «Госуслуги»), но демонстрируют низкую вовлеченность в региональные проекты: «Я здесь живу» и Единая карта петербуржца (ЕКП). Основными барьерами названы: избыточность сервисов, дублирование функций коммерческих платформ, отсутствие учета пользовательских предпочтений, а также недоверие к безопасности данных. Таким образом, цифровизация сталкивается с парадоксом: чем больше создается сервисов, тем выше вероятность отказа от их использования. Вывод исследования заключается в том, что эффективное развитие цифрового правительства требует учета пользовательского опыта и раннего диалога с гражданами.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления; электронное правительство; электронное участие; фокус-группы; принятие технологий.

Введение

На современном этапе развития государственного и муниципального управления цифровая трансформация административных процессов, а также взаимодействия органов власти и граждан стали главной парадигмой государственного администрирования (Aleisa, 2024). В основе всеобъемлющей цифровизации лежит не только желание соответствовать технологическому уровню развития других секторов, но и рациональное стремление к обеспечению прозрачности и открытости собственной работы, снижению транзакционных издержек, повышению скорости принятия управлений решений и улучшению качества и скорости предоставляемых государственных и муниципальных услуг (Yang, Rho, 2007). Создавая цифровую инфраструктуру, публичные институты закладывают основу, позволяющую им как организационным структурам реализовывать поставленные цели и задачи, а также, что не менее важно, создавать новые каналы коммуникаций между органами власти и обществом, что должно стимулировать повышение доверия со стороны граждан к различным уровням управления (Tolbert, Mossberger, 2006).

Однако само по себе создание цифровых сервисов и перевод традиционных процессов внутриорганизационных взаимодействий на «электронные рельсы» неспособны обеспечить эффективное и полное использование таковых со стороны граждан, что, соответственно, ставит вопрос о том, какие факторы являются основой мотивации людей к электронному взаимодействию с государством (Mustaf et al., 2020). Несмотря на значительное количество рабочих рамок (*frameworks*) для оценки компонентов электронного правительства и его эффективности, а также заметные капиталовложения со стороны государств на развитие данной инновации, исследователями отмечается, что принятие и использование цифровых сервисов среди граждан остается на достаточно низком уровне (Kumar et al., 2018).

Стандартным подходом к оценке желания граждан к адаптации в повседневную рутину цифрового взаимодействия граждан с органами власти остается предложенная Л. Картер и Ф. Беланджер комбинированная теоретическая рамка, включающая в себя модель принятия технологий и модель диффузии инноваций вкупе с компонентом доверия интернет-технологиям и базовым доверием органам власти в исследуемой стране (Carter, Bélanger, 2005). В различных модификациях данный подход был апробирован на эмпирическом материале различных государств и показал свою относительную релевантность (Verkijika, De Wet, 2018). При этом он прежде всего направлен на использование с количественными методами исследований путем проведения социологических опросов, а сам опросный инструментарий часто изменяется исследователями для адаптации к конкретному контексту. Кроме того, вопросы в них часто сфокусированы на общей оценке полезности и удобности предоставленных сервисов и услуг и не позволяют установить основные детерминанты поведения граждан относительно использования вновь созданных и существующих цифровых государственных сервисов. В нашей работе мы не умаляем важности проведенной зарубежными и российскими авторами работы, особенно в ключе изучения связи между использованием цифровых инструментов и доверия к публичным институтам, так как они дают понимание эффективности такой работы в сфере построения доверия и его основных факторов (Li, Shang, 2023). Однако мы считаем, что существует необходимость в дополнении существующих подходов, оценивающих мотивации граждан к цифровому взаимодействию с государством. Это особенно актуально, на наш взгляд, в связи с тем, что «классические» рамки таких исследований разрабатывались в эпоху становления цифровизации государственного управления, когда практикам и ученым оно представлялось ограниченным до перевода выдачи документов, заполнения налоговых деклараций и заявлений в цифровую форму.

С учетом того, что многие государства, включая Россию, перешли к концепции «государство как платформа», которая представляет собой использование различных суперсервисов на разных уровнях и разных форматах – от представления стандартных услуг до отправки жалоб по вопросам публичной политики и голосования по благоустройству, – это требует интеграции новых подходов для оценивания (Styrin et al., 2022). В этом нам видится исследовательская проблематика нашего исследования. Мы не претендуем на всеобъемлющий ответ, но хотим предложить альтернативный междисциплинарный подход к теме.

Концептуализация форм электронного взаимодействия граждан и органов власти

Прежде чем переходить к описанию существующих исследований, стоит остановиться на том, что понимается в литературе под различными феноменами цифровизации государственного управления.

Как отмечает ряд авторов, невозможно говорить о каком-то едином, принятом всеми исследователями термине «электронное правительство» (Yildiz, 2007). Сам термин появился как «модное выражение» в среде бюрократов, включающее в себя несколько фундаментальных элементов, в той или иной степени присутствующих как часть процесса цифровой трансформации: эффективность как снижение затрат и повышение качества работы; создание сетевой структуры для обеспечения информационной связности; создание ресурсов, позволяющих органам власти быть прозрачными и открытыми для граждан, что должно обеспечивать людям возможность понимать работу публичных институтов; интерактивность взаимодействий (Ibid.: 650). Ж. Фэнг также подчеркивает, что электронное правительство подразумевает использование органами государственной власти и местного самоуправления наиболее инновационных технологий для предоставления информации и сервисов гражданам, а также их большей вовлеченности в функционирование государственных институтов и процессов (Fang, 2002).

Возникает вопрос о том, как вовлечение граждан и интерактивность соотносятся со вторым полем – электронным участием. Здесь исследователи также по-разному определяют как само участие,

так и его место в государственном управлении. Э. Макинтош трактует его как «...участие с помощью ИКТ в процессе управления, которое связано с администрированием, сервисами, принятием решений и созданием политico-управленческих решений» (Macintosh, 2004). Д. Леблан в своем обзоре подчеркивает, что электронное участие ранее довольно редко определялось как подвластка электронного правительства, несмотря на то что обе концепции предполагают активное вовлечение граждан (LeBlanc, 2020). Российские авторы придерживаются схожей позиции, определяя электронное участие как «...комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении, при принятии политических решений, включая реагирование на обращения граждан по широкому кругу проблем» (Чугунов, 2017; Электронное участие..., 2020; Кабанов, Чугунов, 2021).

В данной работе мы придерживаемся определений, близких к электронному участию, однако не ограничиваемся тем содержанием, которое заложено в вышеописанные концептуализации, так как современные каналы цифрового взаимодействия, как мы уже упомянули, могут носить разнородный характер, выходя за рамки традиционных полей.

Оценка внедрения и использования электронного правительства и электронного участия

Условно исследования в области цифровизации государственного управления можно разделить на две основные области – ту, где изучается «успешное» внедрение электронного правительства и электронного участия органами власти, и ту, где исследователи пытаются понять факторы использования цифровых инноваций гражданами (Gupta et al., 2016).

Зачастую они носят сугубо теоретический характер, где авторы предлагают свои независимые аналитические рамки для оценки (Singh et al., 2020). В работах по изучению принятия электронного участия и электронного правительства обнаруживаются сходства: как отмечается, эмпирические работы можно разделить на те, которые фокусируются на технологических факторах, организационных факторах, технологических навыках, характеристиках бюрократических и политических лидеров (Steinbach et al., 2019: 67).

Так, например, в одном из исследований авторы вводят сводную концепцию м-правительства, обозначающую уровень использования беспроводных и мобильных технологий, а также наличие технической инфраструктуры. Ими были выделены технические барьеры к принятию данной инновации, такие как наличие инфраструктуры и вопросы безопасности данных – создание контура защиты данных, а также высокая нагрузка на служащих по защите и удалению чувствительной информации для недопущения ее попадания в руки злоумышленников (Al-Hadidi, Rezgui, 2010). К нетехническим барьерам ими и другими авторами также были отнесены вопросы безопасности, однако люди могут бояться пользоваться сервисами, потому что опасаются, что их данные или мнения станут публичными и их подвергнут осуждению.

Еще одной стандартной переменной в данных исследованиях является проникновение Интернета. Считается, что он выступает своего рода фасилитатором «стороны спроса». Чем больше распространенность высокоскоростного доступа к Интернету в стране, тем больше в нем присутствует граждан, которые начинают либо искать информацию по интересующему их вопросу, либо пытаться связаться с органами власти по какой-то проблеме (Faniran, Olaniyan, 2009). Б. Эпштейн, суммировав 20 лет изучения диффузии данных технологий в американских муниципалитетах, заключает, что важными являются доступ к Интернету, размер города и количество проживающего населения (Epstein, 2022).

В развитие упомянутых тезисов различные авторы также указывают на важность развития ИКТ-навыков у госслужащих. Они отмечают, что требуются отдельные внутренние программы обучения, связанные с компетенциями по электронному правительству (Al-Busaidy, Weerakkody, 2009). Еще одним взглядом на оценку цифровых сервисов является упор на важность лидерства. Так, американские авторы подчеркивают, что «успешное» внедрение таковых является следствием участия руководителей в профессиональных сетях, а также уровня их дискреции в принятии решений (Yun, Opheim, 2010).

Набор переменных в этой части исследований и общий подход остается стандартным: используются индикаторы экономического развития страны или регионы, финансовые возможности внедряющих организаций, распространность Интернета, различные прокси-показатели институциональной конфигурации, уровни координации между подразделениями (Napitupulu, 2014).

С точки зрения намерений использовать электронные сервисы со стороны граждан чаще всего используется концептуальная рамка, выведенная Л. Картер и Ф. Беланджер (Carter, Bélanger, 2005). В ее основе – модель принятия технологий (МПТ), которая включает два основных элемента: воспринимаемая полезность и воспринимаемая легкость пользования (Davis, 1989). Воспринимаемая полезность означает личную оценку того, насколько использование данной технологии улучшит их жизнь. Воспринимаемая простота использования подразумевает оценку степени необходимых усилий для использования нового технологического решения. Данный подход комбинируется с теорией диффузии инновации (ТДИ) (Rogers, 2010).

К этим переменным также часто добавляется удовлетворенность качеством сервисов (Kumar et al., 2007). Уже упомянутым, но зачастую основным, по мнению авторов, в данном направлении факторо, остается доверие – как к институтам, так и к технологиям (Alzahrani et al., 2017).

В направлении изучения электронного участия подходы исследователей практически не отличаются, поэтому мы не будем детально останавливаться на отдельных блоках. Они опираются на ту же литературу и используют те же наборы переменных, такие как уровни политического участия, развитость ИКТ-инфраструктуры, уровни образования, количество проживающих в стране / территории единице, уровни богатства, количество городского населения (Mano, 2021).

Таким образом, можно сделать два вывода. С одной стороны, исследователями был наработан значительный эмпирический массив, который дает представления о факторах внедрения цифровизации государственного управления, а также факторах использования созданных в ее рамках сервисов со стороны граждан. С другой стороны, это понимание носит ограниченный характер и не позволяет ответить на главный вопрос: *почему*, несмотря на обилие технологических решений от государства, граждане пользуются лишь ограниченным их количеством?

Теоретическая рамка: избыток выбора и бюрократическая логика принятия решений

В качестве альтернативного подхода мы предлагаем обратиться к теории из психологии потребительского поведения. Исследования показывают, что наличие огромного выбора может иметь крайне негативные эффекты: человек не способен детально рассматривать каждую опцию, что приводит его в состояние неясности. В таком состоянии он начинает испытывать фрустрацию и сожаление, что способствует отказу от принятия решения. Человек выберет либо стандартную опцию, которой пользуется всегда, либо вообще откажется от покупки или использования товара или услуги (Jacob et al., 2024).

Такую ситуацию впервые описал в своих работах А. Тоффлер, обозначив ее как избыток выбора (*overchoice*). Она возникает, когда сложность принятия решения превышает располагаемые когнитивные способности человека (Haghpour et al., 2022). За этим стоит несколько различных механизмов.

А. Чернев и коллеги в своем мета-обзоре категорируют проблемы выбора в четыре большие группы, которые включают и вышеописанные факторы, и другие модераторы поведения (Chernev et al., 2015):

- 1) сложность задачи выбора, которая включает ограничения по времени, необходимость обоснования, количество атрибутов и формат презентации;
- 2) комплексность множества выбора, включающая наличие доминирующей опции, общую привлекательность и взаимодополняемость опций;
- 3) неопределенность предпочтений;
- 4) цель решения, которая может выражаться в простом поиске или желании к приобретению, в поиске ассортиментов или среди ассортиментов, в том, как они относятся к процессу выбора (*construal*).

Первые два фактора относятся к группе внешних обстоятельств, а последние – к субъективным факторам. Сам процесс выбора в итоге приводит к двум категориям последствий для человека – изменению субъективного состояния и конкретному поведенческому исходу, возникающих параллельно. Так, например, столкнувшись с большим выбором схожих опций, человек субъективно с гораздо меньшим шансом будет удовлетворен выбором, будет уверен в этом выборе и с более высоким шансом испытывает разочарование от выбора. С точки зрения поведения это приводит к тому, что люди выберут опцию, выбор которой легче объяснить, либо вообще откажутся от выбора.

К этой теоретической схеме мы предлагаем добавить еще один элемент – логику внедрения бюрократических решений. В основе модели лежит предположение, что бюрократия не является

нейтральным актором и действует в условиях ограничений, контроля и стимулов, которые определяют ее действия. Основная задача бюрократии по модели – проведение таких решений, которые будут измеримы и будут демонстрировать, что она работает эффективно (Niskanen, 2017).

Очевидно, что данная логика неидеальна. Указывается, что за решениями часто может стоять бюрократическая культура: бюрократы между собой сильно отличаются в ключе наличия «социальных знаний». В таком случае может возникать ситуация, когда благие намерения в отрыве от представлений граждан могут приводить к неэффективным решениям, хотя они и были имплементированы в рамках положительной миссии бюрократии (Eckhard, 2021).

Таким образом, мы получаем простую теоретическую модель, которую попытаемся протестировать. Она включает как элемент логики бюрократов, определяющей создание цифровых сервисов, так и поведенческий элемент со стороны граждан, которые оценивают предложенные сервисы и принимают решение об их (не)использовании. Модель была упрощена (рисунок), чтобы лучше соответствовать изучаемому феномену.

Бюрократическая логика:
ориентация на экспертизу
количественные метрики

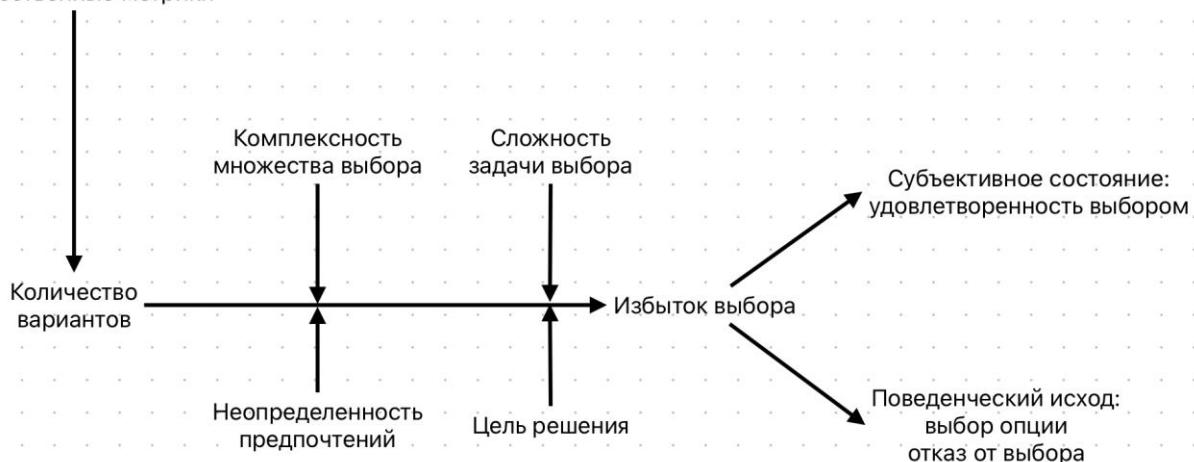

Рис. Теоретическая схема на основе исследовательской литературы

Описание случая

Для исследования нами был выбран Санкт-Петербург. Это второй самый крупный город в России, который также является одним из центров развития информационно-коммуникационных технологий как в частном секторе, так и в государственном. В среднем городские власти тратят на цифровизацию государственного управления больше 30 млрд рублей, и по бюджету цифровизации город уступает лишь российской столице. В отличие от многих других регионов России, в Санкт-Петербурге представлен полный спектр развития как электронного правительства, так и электронного участия.

Двумя основными реализуемыми проектами на данный момент являются Экосистема городских сервисов – Цифровой Петербург (ЭГС) и Единая карта петербуржца (ЕКП). Первый представляет собой агрегатор полезных городских цифровых решений для граждан, который включает более 200 сервисов по различным направлениям. Система выстроена вокруг ролевой модели: гражданин может выбрать, является ли он студентом, родителем, любителем животных, пенсионером. В зависимости от роли ему предлагается набор сервисов, который может быть полезен: городские новости, информация о питомцах, заполненность детских садов, статус уборки территорий, наличие спортивных снарядов, афиша городских мероприятий, сообщения о ЖКХ. В рамках первого проекта реализуется мини-приложение в социальной сети «ВКонтакте» «Я здесь живу», позволяющее пользоваться рядом сервисов с привязкой к конкретному адресу.

В рамках второго упомянутого выше проекта – Единая карта петербуржца – жители города могут получить банковскую карту, по которой предоставляются скидка на проезд в общественном транспорте, а также бонусы за участие в партнерских программах ЕКП, которых насчитывается более

880. Также они могут принимать участие в социологических опросах в приложении, бесплатно посещать музеи, участвовать в гражданском контроле.

Данный кейс интересен тем, что, несмотря на многообразие решений, которые предлагаются региональными властями, масштабы их использования являются достаточно небольшими. В рамках предыдущих исследований Центром технологий электронного правительства ИТМО проводился онлайн-опрос со стратифицированной случайной выборкой по полу, возрасту и району проживания объемом 500 человек, в котором задавались вопросы об использовании региональных и федеральных цифровых решений (Филатова и др., 2025). Его результаты показали, что федеральные решения среди жителей Санкт-Петербурга пользуются гораздо большей популярностью: «Госуслугами» пользуются более 70 % людей, а Платформой обратной связи, несмотря на ее сравнительно недавний старт, – 35,2 % петербуржцев. При этом порталом «Наш Санкт-Петербург», существующим уже более 10 лет, пользуются приблизительно 19 % граждан (при осведомленности в 61 %), а сервисами цифровой экосистемы и мини-приложением «Я здесь живу» пользовались чуть более 8 % петербуржцев. Все это делает Санкт-Петербург подходящим случаем для нашего исследования, а также подтверждает наши базовые предположения о сравнительно невысоком уровне заинтересованности в региональных решениях.

Методология исследования

Для того, чтобы протестировать данные предположения, нами была выбрана качественная стратегия в виде проведения фокус-групповых исследований. В отличие от количественных опросов, это позволяет глубже понять мотивацию людей, получить глубинную информацию об исследуемом феномене. Поскольку качественные данные позволяют работать с восприятием, чувствами, идеями и мнениями, это позволяет раскрыть их поведение более глубинно.

Для сбора данных нами было проведено 3 и 7 фокус-групп с лета 2024 года по весну 2025 года. В первые три фокус-группы вошли 20 человек в возрасте 20–21, 23–25 и 30–35 лет, практически у всех участников было высшее образование, и они проживали на территории Петербурга в течение нескольких лет. В основные фокус-группы вошли граждане, разделенные по возрастным когортам: 18–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–64 и 65+ лет со средним специальным или высшим образованием. В когорте 18–25 лет было проведено две фокус-группы с обучающимися университетов и колледжей, а также завершивших свое образование. Суммарное количество участников составило 62 человека.

Участникам были заданы вопросы на основе существующей теории: об уровне их цифровых компетенций, воспринимаемой полезности и легкости использования сервисов, предпочитаемых форматах взаимодействия, а также об основных проблемах цифровых интеракций, недостающих решениях и их дальнейшей перспективе использования. На этой основе нами были выделены повторяющиеся блоки информации, которые были обнаружены нами среди всех групп.

Результаты полевой работы

В среднем среди всех участников фокус-групп был получен ответ о том, что они обладают базовыми цифровыми компетенциями, которые сводятся к установке приложений на смартфон, использованию поисковых систем для базовых нужд. Никто из участников не отметил, что не обладает цифровыми компетенциями вообще, а в каждой возрастной группе был один человек, который имел, по их личному мнению, продвинутый уровень компетенции.

При обсуждении того, что используют граждане в своей повседневной жизни из цифровых решений государства, ими прежде всего был отмечен портал «Госуслуги». Некоторые отметили, что пользуются региональным порталом, а также порталом «Здоровье петербуржца». Большая часть участников была осведомлена о существовании мини-приложения «Я здесь живу» и Единой карты петербуржца, однако в большинстве граждане отказываются от пользования данными сервисами по различным причинам.

С точки зрения воспринимаемой полезности участниками отмечалось удобство именно федерального портала «Госуслуги». Например, участник F в группе 18–25 лет описывает это следующим образом: «*Вообще-то очень хорошо помогает, даже банально к врачу записаться, если какие-то вопросы по поводу МФЦ, все возможные документы, все можно там посмотреть. Так что вполне себе удобно...*». Схожие суждения высказали участники C и D, последний из которых отметил: «*Удобно то, что не надо ходить к врачу, чтобы смотреть анализы. Они сразу приходят и все*».

При этом, однако, наблюдается достаточно изученная ситуация: в старших возрастных группах предпочитают личные походы в МФЦ для получения госуслуг, нежели на самом портале, однако участники атрибутируют это с жизненным опытом, а не с отсутствием цифровых компетенций. Участник *J* отмечает: «...нам, наверное, сложнее, пожалуй, потому что молодежи проще, у них есть чистый лист, они не знают прошлого нашего, они живут в реальном времени и пользуются тем, что им предлагает сегодняшний день. Может, они заложники этого выбора». Также среди старшего поколения присутствует страх финансового мошенничества и потери данных. Продолжая дискуссию, участник *I* подчеркивает: «...посмотрите цифры, когда отказываются, идут в МФЦ тоже отказываются, блокируют те действия, которые могут жулики сделать за них. А электронный – это значит вероятность уязвимости. И поколение, пережившее всякие трудности, лучше я уберу. Опасений много. Да, больше опасений блокирует реальное развитие».

Стоит отметить, что в той или иной формулировке во всех группах отмечали, что использования любых цифровых сервисов вызывает страх кражи данных и мошенничества. Многие участники считают, что из-за массовой цифровизации их данные будут потеряны либо в ближайшее время, либо они уже были украдены и предоставлены цифровым мошенникам для незаконной деятельности. Спикер *F* в группе 26–35 лет приводит следующий пример: «Я не буду говорить, кто, не буду говорить, в каком банке. У меня (человек) работала раньше. И она рассказывала, что есть специалисты, которые приходят в банки и за хорошую сумму просят утечку...». Участник *A* из группы 36–45 лет, к примеру, считает: «...да, в принципе, наши данные и так уже у кого надо есть».

Участники также отмечали, что у всех сервисов, которыми они пользуются, есть проблема с категоризацией и поиском даже необходимых для них сервисов. Участник *D* из группы 18–25 лет отмечает, что «...поиск информации занимает очень много времени, часто написано очень много и сложными словами, формулировками». Респондент *B* в группе 26–35 лет подтверждает, что «...есть неудовлетворенность, и эта неудовлетворенность чаще всего проявляется в оптимизации приложения. Нужно улучшать работу системы, чтобы она не вылетала. И, наверное, лучшую навигацию, более удобную». Не приводя все цитаты, мы можем отметить, что чаще всего участники жаловались на плохую навигацию, сложность поиска, неработающих чат-ботов, неудобный интерфейс, нестабильность приложений. Многие отмечали: чтобы найти что-то нужное, требуется в буквальном смысле угадывать названия и формулировки сервисов, за которыми скрывается необходимая услуга.

Отметим, что это в большей части касается либо федерального портала «Госуслуги», либо сервиса «Здоровье петербуржца». В ходе дальнейшего обсуждения участникам было предложено вновь взглянуть на функциональность мини-приложения «Я здесь живу», а также Единой карты петербуржца и ответить на вопросы: достаточно ли им этих сервисов? нужны ли им новые? и если да, то какие? Также им было предложено пояснить причину отказа от пользования данными мобильными сервисами, среди которых было выявлено несколько общих причин:

- а) избыточность количества сервисов;
- б) дублирование функционала частных компаний;
- в) недовольство тем, что при дизайне сервисов не учитываются пожелания людей, что приводит к отсутствию спроса.

Одна из основных проблем мини-приложения «Я здесь живу» – его базирование в сети «ВКонтакте». Видимо, участники не готовы воспринимать государственные сервисы на частных платформах. Так, например, участник *F* в фокус-группе 30–35 лет отметил: «И что, что официальное? Разве бы официально приложение было бы только в VK? Вызывает подозрения». Его поддерживают участники *A* и *C*, которые сказали следующее: данное приложение «...как минимум странное и я ему не доверяю», «...очень сложно объяснить почему, но я ему абсолютно не доверяю».

Многие участники выразили сомнения в полезности предоставляемой информации и функциональности «Я здесь живу». Основная критика со стороны граждан заключается в том, что созданная инфраструктура либо дублирует то, что уже предоставляется на федеральном уровне (например, «Пушкинская карта» для похода в заведения культуры), либо просто является новостным агрегатором, в котором невозможно получить полезную информацию о работе органов власти в Санкт-Петербурге. Например, участник *D* в фокус-группе 23–25 лет отметил: «...у меня есть животные, но я не пользовалась бы сервисом "Мой питомец", мне было бы проще скачать отдельно для этого приложения, сервис слишком перегружен». Участник *B* в этой же группе поясняет свою позицию: «По поводу уборочных работ – я не верю сервису... мини-приложение не кажется полезным. Нет сервиса, который мне подошел бы. Яндекс.Карты точно так же отмечают такие же места, а это приложение неудобное».

Обсуждая ЕКП, участники отметили, что не видят смысла в множестве сервисов. Так, например, в группе 18–25 лет участник *E* объясняет, что «...ЕКП – это платежная карта, транспортная карта. Зачем все эти сервисы?». Участники подчеркивают, что им неинтересны даже интерактивные решения, так как они дублируют то, что уже существует. Участник *F* в группе 36–45 лет подчеркивает: «...например, “Волонтер”. Есть платформа “Добро.ру”, которая отображает абсолютно все мероприятия, которые есть у нас в городе. Дублирование этого не нужно». Это же касается и самой концепции: участники во всех группах отмечали, что бонусные программы ЕКП либо похожи, либо уступают тем картам, что есть у них, что усложняет выбор в пользу ЕКП. Они также не готовы открывать еще одну банковскую карту, так как это усложняет их личную финансовую логистику, поэтому они предпочитают пользоваться тем, что у них уже есть.

В целом все комментарии участников по данному блоку можно обобщить следующим образом: многие сервисы не являются сервисами как таковыми, дублируют функции существующих коммерческих решений, но делают это хуже; и в мини-приложении «Я здесь живу», и в ЕКП, по их мнению, отсутствуют нормальные сортировка и категоризация, а также поиск; самих сервисов избыточное количество, что еще сильнее усложняет выбор нужного. Все это перегружает людей, в результате чего они предпочитают пользоваться уже готовыми решениями на рынке, которыми пользовались ранее. Некоторые из участников опроса отметили, что, если бы эти проблемы были исправлены, они бы могли рассмотреть использование предлагаемых региональных решений. Они также отмечают, что региональным властям стоит доработать существующие порталы, имеющие высокое социальное значение, вместо того, чтобы создавать новые. Последнее, что отмечают респонденты – отсутствие интереса к их мнению: «...если бы городские власти советовались с жителями, какие сервисы вам нужны... то есть, если был бы соцопрос...».

Таким образом, нам предварительно удалось подтвердить релевантность предложенного подхода. В нашем случае низкий интерес граждан к предлагаемым региональным решениям оказался обусловленным несоответствием спроса граждан на сервисы и предложением региональной бюрократии, внедряющей их. Представители местной власти создают такие решения, которые гражданам либо неинтересны, либо эти потребности уже закрыты коммерческим сектором. Избыточность различных сервисов приводит к тому, что их предложение слишком пересекается с тем, что уже существует на рынке и чем пользуются люди. Не видя разницы между решениями, либо сталкиваясь с их большим количеством, люди предпочитают пользоваться тем, что уже существует и чем они пользовались ранее, откладывая выбор. Также ими была упомянута категоризация как эффективный способ для выбора новых сервисов.

Очевидно, что наш вывод является ограниченным, поскольку фокус-группы не покрывают всех граждан, проживающих в Санкт-Петербурге, а пользовательский опыт в других регионах страны может отличаться. Для валидации такого подхода требуются дополнительные исследования.

Заключение

Основными подходами в изучении цифровизации государственного управления и пользования цифровыми решениями являются теории, разработанные в рамках технических специальностей. Социальные ученые также наработали значительный массив данных о природе таких интеракций, однако в значительной степени они ограничены количественной оценкой связи социальных, демографических, технических и экономических переменных с использованием цифровых сервисов. В нашей работе мы предприняли попытку качественно оценить суть цифровых интеракций между гражданами и органами власти, применив междисциплинарный подход, комбинирующий теории, касающиеся потребительского поведения и логики принятия бюрократических решений, который предварительно подтвердил свою валидность.

Тем не менее это была pilotная попытка подойти к изучаемому феномену вышеописанным образом. Для будущих исследователей поднятой в статье темы есть широкое поле возможностей для апробации данного подхода в других регионах страны и на примере других цифровых решений, а также – для масштабирования исследований до странового уровня и адаптирования подхода к количественным оценкам.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

Список литературы / References

- Кабанов, Ю. А., Чугунов, А. В. (2021) ‘Развитие человеческого потенциала, социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах’, *Журнал исследований социальной политики*, 19(1), pp. 101–114. [Kabanov, Yu. A., Chugunov, A. V. (2021) ‘Development of Human Potential, Social Policy and E-Participation in Russian Regions’ [‘Razvitiye chelovecheskogo potenciala, social'naya politika i elektronnoe grazhdanskoe uchastie v rossijskih regionah’], *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 19(1), pp. 101–114. (In Russ.)].
- Чугунов, А. В. (2017) ‘Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии’, *Управленческое консультирование*, 8(104), сс. 14–20. [Chugunov, A. V. (2017) ‘E-Participation in the Context of the Transformation of the Concept of Democracy’ [‘Elektronnoe uchastie v kontekste transformacii konsepcii demokratii’], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 8(104), pp. 14–20. (In Russ.)].
- Чугунов, А. В. и Филатова, О. Г. (ред.) (2020) *Электронное участие. Концептуализация и практика реализации в России*. Санкт-Петербург: Алетейя. [Chugunov, A. V. and Filatova, O. G. (eds.) (2020) *E-Participation: Conceptualization and Implementation Practice in Russia* [‘Elektronnoe uchastie. Kontseptualizatsiya i praktika realizatsii v Rossii’], Sankt-Peterburg: Aleteiya. (In Russ.)].
- Филатова, О. Г., Кабанов, Ю. А. и Чугунов А. В. (2025) Институциональные барьеры развития экосистемы цифровых городских сервисов: кейс Санкт-Петербурга, *PolitBook*, (3). [Filatova, O. G., Kabanov, Yu. A. and Chugunov, A. V. (2025) *Institutional Barriers To The Development Of The Digital Urban Services Ecosystem: The Case Of St. Petersburg* [‘Institutsiional'nye bar'ery razvitiya ekosistemy tsifrovyykh gorodskikh servisov: keis Sankt-Peterburga’], *PolitBook*, (3). (In Russ.)]
- Al-Busaidy, M. and Weerakkody, V. (2009) ‘E-government diffusion in Oman: a public sector employees’ perspective’, *Transforming Government: People, Process and Policy*, 3(4), pp. 375–393. DOI: 10.1108/17506160910997883.
- Aleisa, N. (2024) ‘Key factors influencing the e-government adoption: a systematic literature review’, *Journal of Innovative Digital Transformation*, 1(1), pp. 14–31. DOI: 10.1108/JIDT-09-2023-0016.
- Al-Hadidi, A. and Rezgui, Y. (2010) ‘Adoption and Diffusion of m-Government: Challenges and Future Directions for Research’, in L. M. Camarinha-Matos, X. Boucher, and H. Afsarmanesh (eds) *Collaborative Networks for a Sustainable World*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg (IFIP Advances in Information and Communication Technology), pp. 88–94. DOI: 10.1007/978-3-642-15961-9_9.
- Alzahrani, L., Al-Karaghoudi, W. and Weerakkody, V. (2017) ‘Analysing the critical factors influencing trust in e-government adoption from citizens’ perspective: A systematic review and a conceptual framework’, *International Business Review*, 26(1), pp. 164–175. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2016.06.004.
- Carter, L. and Bélanger, F. (2005) ‘The utilization of e-government services: citizen trust, innovation and acceptance factors*’, *Information Systems Journal*, 15(1), pp. 5–25. DOI: 10.1111/j.1365-2575.2005.00183.x.
- Chernev, A., Böckenholt, U. and Goodman, J. (2015) ‘Choice overload: A conceptual review and meta-analysis’, *Journal of Consumer Psychology*, 25(2), pp. 333–358. DOI: 10.1016/j.jcps.2014.08.002.
- Davis, F. D. (1989) ‘Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology’, *MIS Quarterly*, 13(3), pp. 319–340. DOI: 10.2307/249008.
- Eckhard, S. (2021) ‘Bridging the citizen gap: Bureaucratic representation and knowledge linkage in (international) public administration’, *Governance*, 34(2), pp. 295–314. DOI: 10.1111/gove.12494.
- Epstein, B. (2022) ‘Two decades of e-government diffusion among local governments in the United States’, *Government Information Quarterly*, 39(2), pp. 101665. DOI: 10.1016/j.giq.2021.101665.
- Fang, Z. (2002) ‘E-Government in Digital Era: Concept, Practice, and Development’, *International Journal of the Computer, the Internet and Management*, 10.

- Faniran, S. and Olaniyan, K. (2009) ‘E-Governance Diffusion in Nigeria: The Case for Citizens’ Demand’, pp. 145–149.
- Gupta, K., Singh, S. and Bhaskar, P. (2016) ‘Citizen adoption of e-government: A literature review and conceptual framework’, *Electronic Government, an International Journal*, 12, p. 160. DOI: 10.1504/EG.2016.076134.
- Haghpour, B., Sahabeh, E. and Halvari, H. (2022) ‘Opportunity cost in consumer behavior: Definitions, operationalizations, and ambiguities’, *International Journal of Consumer Studies*, 46(5), pp. 1942–1959. DOI: 10.1111/ijcs.12842.
- Jacob, B. M., Thomas, S. and Joseph, J. (2024) ‘Over two decades of research on choice overload: An overview and research agenda’, *International Journal of Consumer Studies*, 48(2), p. e13029. DOI: 10.1111/ijcs.13029.
- Kumar, V., Mukerji, B. and Butt, I. (2007) ‘Factors for Successful e-Government Adoption: a Conceptual Framework’, *Electronic Journal of e-Government*, 5(1), pp. 63–76.
- LeBlanc, D. (2020) *E-participation: A Quick Overview of Recent Qualitative Trends*. UN Department of Economic and Social Affairs (DESA) Working Papers 163. DOI: 10.18356/0f898163-en.
- Li, Y. and Shang, H. (2023) ‘How does e-government use affect citizens’ trust in government? Empirical evidence from China’, *Information & Management*, 60(7), pp. 103844. DOI: 10.1016/j.im.2023.103844.
- Macintosh, A. (2004) ‘Characterizing e-participation in policy-making’, in *37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences, 2004. Proceedings of the. 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences, 2004. Proceedings of the*, Big Island, HI, USA: IEEE, 10 p. Available at: <https://doi.org/10.1109/HICSS.2004.1265300>.
- Mano, R. (2021) ‘The institutionalization of ICT and civic participation: Evidence from eight European nations’, *Technology in Society*, 64, pp. 101518. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101518.
- Mustaf, A., Ibrahim, O. and Mohammed, F. (2020) ‘E-government adoption: a systematic review in the context of developing nations’, *International Journal of Innovation: IJI Journal*, 8(1) (January–April), pp. 59–76.
- Napitupulu, D. (2014) ‘The Critical Success Factors Study for e-Government Implementation’, *International Journal of Computer Applications*, 89. DOI: 10.5120/15716-4588.
- Ndou, V. (Dardha) (2004) ‘E-Government for Developing Countries: Opportunities and Challenges’, *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 18(1), pp. 1–24. DOI: 10.1002/j.1681-4835.2004.tb00117.x.
- Niskanen, J. (2017) *Bureaucracy and Representative Government*. New York: Routledge. Available at: DOI: 10.4324/9781315081878.
- Rogers, E.M. (2010) *Diffusion of Innovations, 4th Edition*. Simon and Schuster.
- Singh, H. et al. (2020) ‘Review of performance assessment frameworks of e-government projects’, *Transforming Government: People, Process and Policy*, 14(1), pp. 31–64. DOI: 10.1108/TG-02-2019-0011.
- Steinbach, M., Sieweke, J. and Süß, S. (2019) ‘The diffusion of e-participation in public administrations: A systematic literature review’, *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*, 29(2), pp. 61–95. DOI: 10.1080/10919392.2019.1552749.
- Styrin, E., Mossberger, K. and Zhulin, A. (2022) ‘Government as a platform: Intergovernmental participation for public services in the Russian Federation’, *Government Information Quarterly*, 39(1), pp. 101627. DOI: 10.1016/j.giq.2021.101627.
- Tolbert, C. J. and Mossberger, K. (2006) ‘The Effects of E-Government on Trust and Confidence in Government’, *Public Administration Review*, 66(3), pp. 354–369. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00594.x.
- Verkijika, S. F. and De Wet, L. (2018) ‘E-government adoption in sub-Saharan Africa’, *Electronic Commerce Research and Applications*, 30, pp. 83–93. DOI: 10.1016/j.elerap.2018.05.012.
- Yang, K. and Rho, S.-Y. (2007) ‘E-Government for Better Performance: Promises, Realities, and Challenges’, *International Journal of Public Administration*, 30(11), pp. 1197–1217. DOI: 10.1080/01900690701225556.
- Yildiz, M. (2007) ‘E-government research: Re-viewing the literature, limitations, and ways forward’, *Government Information Quarterly*, 24(3), pp. 646–665. DOI: 10.1016/j.giq.2007.01.002.
- Yun, H. J. and Opheim, C. (2010) ‘Building on Success: The Diffusion of e-Government in the American States’, *Electronic Journal of e-Government*, 8(1), pp. 71–82.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 30.09.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

**THEORETICAL MODEL OF DIGITAL (NON-)INTERACTION
BETWEEN AUTHORITIES AND CITIZENS: CHOICE PARADOX AND BUREAUCRATIC
LOGIC IN SERVICE DESIGN ON THE CASE OF SAINT PETERSBURG**

D. Arkatov, O. Filatova

Dmitry Arkatov, Candidate of Sciences (in Politics), Associate Professor, School of Social Sciences, Department of Political Science and International Affairs, HSE University – St. Petersburg, Russia.

E-mail: darkatov@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5204-9736. ResearcherID: AAH-1966-2021).

Olga Filatova, Doctor of Sciences (in Politics), leading Research Fellow, Center for E-Governance, ITMO University, Associate Professor School of Human Sciences, Department media, HSE University – St. Petersburg, Russia

E-mail: ogfilatova@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9568-1002. ResearcherID: Q-2391-2016).

Abstract

The article addresses the gap between the rapid development of digital government services and citizens' limited adoption of them. Classic models of technology adoption and innovation diffusion can explain perceptions of usefulness and convenience; however, they do not provide a comprehensive understanding of the rejection of regional solutions. This study advances an interdisciplinary approach that combines the psychological theory of "choice overload" with bureaucratic decision-making logic. Empirical evidence is drawn from ten focus groups conducted in Saint Petersburg with 62 participants across different age cohorts. Findings reveal that while citizens actively engage with federal platforms (e.g., Gosuslugi), they show little interest in regional services such as "I Live Here" and the "Unified Card of St. Petersburg." Key barriers include the excessive number of services, duplication of functions already offered by private platforms, insufficient attention to user preferences, and distrust of data security. Consequently, digitalization faces a paradox: the greater the number of offered services, the higher the likelihood of refusal to use them. The study concludes that sustainable digital government development requires integrating user experience and citizen consultation into the design phase, rather than relying solely on bureaucratic implementation logic.

Keywords: digitalization of public administration; e-government; e-participation; focus groups; technology acceptance.

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation & St. Petersburg Science Foundation grant No. 23-18-20079 «The Social Efficacy of Electronic Interaction between Citizens and the Government: The Case of Urban Digital Services in St. Petersburg» (<https://rscf.ru/en/project/23-18-20079/>).

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-38-48

**ПРОШЛОЕ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС ДЛЯ ВООБРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО:
НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ VIII СОЗЫВА**

А. В. Курбатов

Курбатов Андрей Владимирович, аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: avkurbatov@hse.ru (ORCID: 0009-0001-1211-1854. ResearcherID: JMP-4901-2023).

Аннотация

Будущее представляет собой неотъемлемую и стратегически важную составляющую публичной политической коммуникации. Вместе с тем попытки представления будущего сталкиваются с проблемой его фундаментальной неопределенности, степень которой увеличивается в контексте специальной военной операции. Тем не менее даже в таких условиях политики вынуждены говорить о будущем. Анализируя презентации образов будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы, автор выявляет возможности и ограничения использования событий прошлого в качестве символического ресурса, используемого для конструирования образов будущего. Источником эмпирических данных для исследования являются стенограммы пленарных заседаний Государственной Думы VIII созыва со 2-й по 7-ю сессии. Автор анализирует данные при помощи качественного контент-анализа, а также смыслового анализа высказываний, отмечая дискурсивные стратегии использования прошлого для воображения будущего. В исследовании делается вывод о том, что 1990-е годы, советская эпоха и Великая Отечественная война выполняют различные, но взаимодополняющие функции в парламентском дискурсе, выступая в качестве символических ресурсов, используемых для конструирования образов будущего. Отмечается, что практики использования прошлого в дискурсе депутатов идут вразрез с традиционным тематическим репертуаром политики памяти властующих элит в России. Период 1990-х годов в дискурсе депутатов выступает в качестве «наиболее удобного инструмента», используемого для конструирования образов будущего и преодоления его неопределенности в современном контексте.

Ключевые слова: образ будущего; символическая политика; политическое использование прошлого; политическое конструирование будущего; Государственная Дума; дискурсивные стратегии.

Введение

Будущее представляет собой неотъемлемую и стратегически важную составляющую публичной политической коммуникации. Еще П. Бурдье заключал, что образы будущего в политическом дискурсе играют ключевую роль в формировании стратегий и программ, а также в мобилизации общества на политические действия (Bourdieu, 1998: 82). Вместе с тем попытки представления будущего сталкиваются с проблемой его фундаментальной неопределенности. В отличие от прошлого и настоящего, предмет или событие, описываемое в будущем, нельзя наблюдать или измерять. По справедливому замечанию Е.Б. Шестопала, будущее во многом является продуктом политического дискурса, создаваемого и изменяемого в зависимости от действий политических акторов в настоящем (Шестопал, 2016: 9). В силу специфики своей деятельности политики вынуждены объяснять избирателям свое отношение не только к событиям, происходящим в настоящем, но и к тем, что могут произойти в будущем. Коммуникация по поводу обоснования или оспаривания политического курса подразумевает обсуждение желаемого и/или ожидаемого будущего (Dunmire, 2011: 42). Вполне логично можно заключить, что процесс конструирования будущего относится исследователями к функциональным обязанностям политической элиты государства (Шестопал, 2016: 9). Таким образом, политический дискурс становится важной ареной для формирования ожиданий относительно будущего,

где властующие элиты играют ключевую роль в создании сценариев и стратегий, предлагаемых обществу для преодоления неопределенности.

Одним из способов разрешения обозначенной проблемы, рассматриваемым в настоящей статье, является аргументирование предлагаемых представлений будущего с помощью обращения к опыту, извлекаемому из прошлого. Программы развития, политические реформы часто представляются как часть долгосрочного проекта, требующего сплоченности и усилий со стороны общества. Политики активно используют исторические даты, юбилеи и символические события, чтобы вызывать у общества чувство принадлежности к историческому процессу и мобилизовать его на действия (Малинова, 2012: 182). Отечественные исследователи А.И. Щербинин и Н.Г. Щербинина предлагают представлять процесс политического конструирования в виде моделирования, когда программа или моделирующий образ выступают в качестве символической презентации, формирующей ключевые признаки конструируемой реальности (Щербинин, Щербинина, 2020: 296). При этом предлагаемые образы будущего будут различаться с точки зрения оценки, закладываемой авторами, и в периоде прогнозирования: разные интерпретации одного и того же исторического события могут служить обоснованием для разных, зачастую противоположных, сценариев будущего.

Образ будущего, по сути, является совокупностью коллективно разделяемых конструируемых представлений будущего в сознании индивидов. В таком понимании, как считает Н.Г. Щербинина, образ не содержит произвольных и «чистых» фактов, но всегда включает отобранные, проинтерпретированные и значащие элементы (Щербинина, 2010: 73) и является средством коммуникации, передающим информацию посредством символического обмена (Щербинин, Щербинина, 2020: 286). Т.В. Гаврилюк подчеркивает, что осмысление образа будущего становится возможным благодаря типизации предшествующего опыта и пониманию посредством эмпатии, являющейся фундаментальным свойством интерсубъективного коммуникативного пространства (Гаврилюк, 2016). Образ будущего, таким образом, не обладает автономией и собственной сущностью, отличной от производящего его субъекта, а ситуативно воссоздается когнитивным усилием и чувственным представлением под воздействием внутренних или внешних побуждающих сил.

Государственная Дума (ГД) Федерального Собрания Российской Федерации как высший представительный и законодательный орган государства, формирующийся на выборных началах, представляет собой площадку, совмещающую как институциональные возможности для воплощения проектов будущего, так и дискуссионное поле для их презентации. Как отмечают М.В. Назукина и М.В. Сулимов, ГД РФ представляет исследовательский интерес как площадка для выработки оснований для согласованного консолидированного видения основ будущего развития (Назукина, Сулимов, 2021: 2). Вместе с тем контекст специальной военной операции связывает современные отечественные политические процессы с высокой степенью воспринимаемой обществом неопределенности (Нестик, 2023: 14), связываемой с чувствами тревоги и ожидания относительно будущего. Отдельные исследования также показывают, что в условиях кризисов возрастает поддержка политиков, предлагающих стратегии, которые, по их же словам, способны снизить неопределенность и вернуть стабильность (White, 2019: 14). Тем не менее даже в таких условиях неопределенности, когда общество испытывает повышенную тревогу и потребность в стабильности, депутаты вынуждены говорить о будущем, которое становится необходимым механизмом снижения неопределенности и мобилизации общественной поддержки.

Анализируя презентации образов будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы, мы выявляем возможности и ограничения использования событий прошлого в качестве символического ресурса, используемого для конструирования образов будущего и преодоления его фундаментальной неопределенности, а также фиксируем дискурсивные стратегии использования прошлого в качестве ресурса для воображения будущего.

Методология исследования

Источником эмпирических данных для настоящего исследования выступили стенограммы пленарных заседаний Государственной Думы со 2-й по 7-ю сессии ГД VIII созыва (т.е. начиная с 22 февраля 2022 года и заканчивая декабрем 2024 года). Общее количество стенограмм пленарных заседаний, попавших в указанный исследуемый период, составило 260 ($N = 260$). Выбор границ обусловлен предположением, что в условиях повышенной неопределенности общественных представлений о будущем в данный период.

Автоматизированная обработка представленного в исследовании массива текстовой информации без предварительных приготовлений и «ручной» поиск необходимых фрагментов текста не являются оптимальными исследовательскими стратегиями. Как отмечают в своей работе М.В. Назукина и К.А. Сулимов, подобные исследования необратимо сталкиваются с: а) необходимостью и неудобностью обработки большого объема текстовой информации и при этом учета контекстуальных обстоятельств, в которых разворачивается политический дискурс; б) «проблемой языка» – многозначностью, неполной формализуемостью, стилевым и жанровым своеобразием использования, различия между естественными языками (Назукина, Сулимов, 2021: 3). Поэтому при выборе подхода к работе с данными мы сочетали автоматизированный и «ручной» подходы.

Автоматизированная часть процедуры поиска и обработки данных предусматривала составление запросов, с помощью которых мы осуществляли поиск обращений к будущему. Таким образом, поиск сводился к выделению отдельных словоформ, образующих будущее время в русском языке. Для формирования списка словоформ автором было проведено кодирование способов проектирования будущего на ограниченном количестве стенограмм Государственной Думы из указанного массива. Ввиду того что образование указания на будущее в русском языке происходит разными способами, в список ключевых слов были включены различные части речи: а) глаголы совершенного вида (обладающие свойством изменения по лицам и числам) – простая форма будущего времени (например, создать), при этом глаголы несовершенного вида (не обладающие свойством изменения по лицам и числам) в список ключевых слов не включались (например, работать), так как образование будущего времени в таком случае производится при помощи дополнительного глагола (например, будем работать); при этом также было учтено, что многие глаголы несовершенного вида в русском языке могут иметь однокоренной глагол совершенного вида (например, работать – переработать), образованный при помощи иной словообразовательной морфемы или чередования гласных или согласных букв; б) существительные; в) прилагательные (например, будущий); г) другие части речи, к которым могут быть отнесены наречия (например, необходимо), а также предикативы (например, надо). Отобранные словоформы (ключевые слова) использовались для формирования автоматизированного поискового запроса, который технически проводился при помощи ATLAS.ti (<https://atlasti.com>). Полученный массив данных насчитывал 266 тематически связанных фрагментов, содержащих упоминания событий / периодов прошлого и образов будущего.

Ввиду того что даже отдельное незначительное прошедшее событие или период могут обозначаться значительным множеством словоформ, отсылающих слушателя, погруженного в социально-политический контекст, к упомянутым событиям, поиск упоминаний прошлого осуществлялся автором вручную по принципу текстовой и логической близости (т.е. уточнялось, что фрагмент текста, отмечаемый как «прошлое», действительно имел связь с фрагментом текста, отмечаемым как «будущее») к «будущему» и в действительности являющимся таковым.

На первом этапе полученные таким образом данные были подвергнуты качественному контент-анализу. Кодирование осуществлялось в соответствии с индуктивной исследовательской стратегией. Автором выделялся ряд критериев для осуществления кодирования: 1) тема будущего – для преодоления какой неопределенности используется воображение будущего; 2) субъект будущего / прошлого – страна, для которой прогнозируется будущее / чье прошлое используется; 3) период прогноза (в случае наличия слова-идентификатора времени прогнозирования (например, завтра) указывалось данное слово, в ином случае – неопределенный период); 4) событие / период прошлого (в случае наличия прямого упоминания на событие / период прошлого (например, Великая Отечественная война) указывалось данное событие, в ином случае – даты, личности); 5) контекст – указывалась обсуждаемая тема / обсуждаемый законопроект или доклад; 6) оценка будущего / прошлого (положительная, нейтральная, отрицательная). После этого полученный список кодов был обобщен по принципам их схожести (минимальным пороговым значением является указание кода не менее 3 раз). В случае если выделяемые фрагменты текста содержали несколько кодируемых признаков, их кодирование осуществлялось последовательно. Выделяемые таким образом коды подсчитывались, что позволило сравнивать практику их использования. В результате, применительно к коду «тема будущего» был получен список из семи ключевых тем обсуждения, содержащих образы будущего (табл. 1).

Таблица 1

Темы, содержащие образы будущего, сопровождаемые репрезентациями событий прошлого в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)

Тема	Количество упоминаний	Положительные образы будущего	Отрицательные образы будущего	Нейтральные образы будущего
Международные отношения	48	11	7	30
Специальная военная операция	49	25	1	20
Наука, образование, просвещение	22	5	1	16
Экономика	21	6	1	14
Патриотическое воспитание	16	6	1	9
Международные санкции	13	4	7	7
Внутренние вопросы ¹	100	23	11	66
ИТОГО	269	80	29	162

На втором этапе методика дополнялась смысловым анализом высказываний, задачей которого была фиксация дискурсивных стратегий использования прошлого в качестве ресурса для воображения будущего. При этом под дискурсивной стратегией понимался «более или менее намеренный план дискурсивных практик, формируемых под влиянием габитуса и интернализированных диспозиций, применяемый для достижения определенных социальных, политических, психологических или лингвистических целей» (Kwon et al., 2014: 5). Основные дискурсивные стратегии, используемые в политическом дискурсе, как отмечает О.В. Захарова со ссылкой на Р. Водак, разделяются на пять типов (Захарова, 2016: 219): 1) номинализация, выражаясь в категоризации и конструировании «своей» референтной группы, т.е. той, с которой спикер соотносит себя и свою аудиторию, и противопоставляемой ей «чужой» группы; 2) предикация, которая подразумевает присваивание ярлыков, стереотипизацию, как негативную, так и позитивную, определенных социальных акторов; 3) перспективизация, т.е. характеристизация объекта, социального актора или группы с точки зрения спикера; 4) модификация эпистемического статуса высказывания, т.е. усиление или снижение интенсивности его побудительного заряда, указание со стороны спикера на то, как это высказывание следует воспринимать; 5) аргументирование, т.е. обоснование того или иного действия или позиции (Wodak, 2011: 73). Использование такого подхода позволило не только выявить и классифицировать основные способы апелляции к прошлому в контексте проектирования образов будущего, но и определить их специфические функции.

Дискурсивные стратегии использования прошлого как символического ресурса для воображения будущего в выступлениях депутатов Государственной Думы РФ VIII созыва

В результате исследования обращений к прошлому в дискурсе депутатов ГД РФ мы выделили шесть ключевых исторических периодов и событий прошлого (табл. 2). Дальнейшее обсуждение строится вокруг двух ключевых исторических периодов (1990-е годы и советская эпоха) и одного исторического события (Великая Отечественная война), апелляции к которым в контексте конструирования образов будущего встречаются в дискурсе депутатов наиболее часто.

¹ К данной теме относились многочисленные вопросы внутренней политики, рассматриваемые на заседаниях Государственной Думы, не выделяемые автором в отдельные темы в силу малочисленности обращений к ним по отдельности ($n < 10$).

Таблица 2

**События и периоды прошлого, используемые для воображения будущего
в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)**

Событие / период прошлого	Количество упоминаний	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Нейтральная оценка
1990-е годы	108	6	89	13
СССР	71	33	21	17
Великая Оте- чественная война	37	19	9	9
XXI век	24	3	13	8
Российская империя	8	2	3	3
История в целом	8	5	–	3
Другое	41	8	22	11
ИТОГО	297²	76	157	64

Апелляции к периоду 1990-х годов как символический ресурс для воображения будущего. Наиболее часто встречаемым периодом прошлого, используемым при представлении будущего в дискурсе депутатов ГД РФ, является период постсоветской России 1990-х годов, выступающий в качестве мощного предостережения и антипримера, от которого необходимо дистанцироваться в будущем. Негативный опыт используется для представления преимущественно нейтральных или положительных образов будущего России. Носителями прошлого, связанного с 1990-ми в речах депутатов, являются: Россия – 97 (90 %) упоминаний (из них: 1990-е как носитель положительного опыта – 4; отрицательного – 79; нейтрального – 14); Запад / США / Европа / Украина – 11 (10 %), причем все оценки являются отрицательными. При этом образы будущего, символическим ресурсом для аргументации которых используются 1990-е годы, носят преимущественно нейтральные оценки (нейтральные – 66; положительные – 25; отрицательные – 15). Среди субъектов такого будущего: Россия – 102 (94 %) упоминания (нейтральных образов будущего – 65; положительных – 26; отрицательных – 11); Запад / США / Европа / Украина – 6 (6 %) упоминаний (нейтральное – 1; положительное – 1; отрицательных – 4). Можно заключить, что 1990-е годы в контексте будущего России преимущественно используются в дискурсе депутатов как инструмент апелляции к негативному опыту для формирования устойчивых нейтральных по своей оценке образов будущего страны (например, представление будущего: «Уважаемые коллеги, давайте все-таки признаем, что любое решение, которое принимается, надо анализировать с точки зрения времени, в котором мы живем, и не обращать внимания на то, что страна столкнулась с вызовами и санкциями, неправильно»; презентация прошлого: «Мы с вами помним, как в 90-е годы все проблемы переложили на плечи населения, – сейчас об этом никто уже не хочет думать и даже вспоминать, пройдет время, вообще скажут, что там было замечательно. На самом деле это не так» (председатель ГД РФ В.В. Володин, 07.12.2022 г.)³. Таким образом, 1990-е годы в отечественном парламентском дискурсе представляются в качестве источника

² Отдельные закодированные фрагменты содержат сразу несколько упоминаний событий прошлого.

³ Стенограмма заседаний, 07.12.2022 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5966/> (Дата обращения: 05.05.2025).

отрицательного опыта. Прошлое выступает не как прямое указание, куда двигаться, а как предупреждение о том, чего следует избегать.

Период 1990-х годов преимущественно используется в дискурсе парламентариев при помощи стратегий предикации и аргументирования. Так, первая проявляется в присвоении периоду ярко негативных характеристик (например, «лихие», «смутные», «кriminalные» годы): «Вы – я обращаюсь к родителям – жили в 90-е годы, вы помните, какие страшные это были времена, были война и разруха. И вы очень хотели – и я вас понимаю, я сам отец, дед, – чтобы дети и внуки жили в мире, жили счастливо» (руководитель фракции «Справедливая Россия – за правду» С.М. Миронов, 28.09.2022 г.)⁴. В свою очередь, стратегия аргументирования применительно к данному периоду подчеркивает необходимость извлечения уроков из прошлого, избежания подобных сценариев в будущем: «Вообще, долгое время, особенно в 2000-е, в 1990-е, точнее в 1990-е, акцент сделаем на это? Мы были свидетелями одного постыдного процесса: мы отворачивались от науки, мы не занимались ею, наука была недофинансирана, и, самое главное, мы забирали полномочия и возможности у российской науки. <...> Сегодня же в условиях не только импортозамещения, но, по большому счету, конкуренции идей, мнений, позиций мы возвращаем нашей науке те возможности и, безусловно, создаем все условия для того, чтобы и фундаментальная наука, и прикладная наука в нашей стране развивались» (заместитель Председателя ГД РФ Б.А. Чернышов, 01.02.2024 г.)⁵.

Образы будущего, сформированные при помощи обращения к периоду девяностых как символического ресурса, представляются в качестве желаемых через идею преодоления ошибок и кризисов данного исторического периода. Аналогичные практики использования дискурсивных презентаций данного исторического периода наблюдаются в исследованиях отечественных ученых. Например, О.Ю. Малинова отмечает, что, период 1990-х годов использовался В.В. Путиным в 2000-х годах в качестве примера неэффективности и нестабильности для обоснования политики и представления ее как способа достижения стабильности и процветания в России (Малинова, 2018: 64–65). Наше исследование дискурса депутатов ГД РФ приходит к согласующемуся выводу: данный период используется для формирования представлений о будущем, которое, будучи противопоставленным хаосу прошлого, видится как стабильное и предсказуемое, даже если его конкретные очертания остаются нейтральными (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение событий и периодов прошлого и тональности конструируемых образов будущего в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)

Событие / период прошлого	Положительные образы будущего	Отрицательные образы будущего	Нейтральные образы будущего
1990-е годы	27	15	66
СССР	19	5	47
Великая Отечественная война	15	–	22
XXI век	9	1	14
Российская империя	3	–	5
История в целом	5	1	2
Другое	12	4	25
ИТОГО	75	41	181

Апелляции к событиям советского периода как символический ресурс для воображения будущего. Вторым по количеству использований в дискурсе депутатов ГД РФ в контексте представления будущего является исторический период, относящийся к Советскому Союзу (за исключением Великой Отечественной войны, поскольку мы выделяем ее в качестве отдельного события, использующегося для представления будущего). Советское прошлое выполняет роль ключевого позитивного символического ресурса для конструирования образов будущего в дискурсе депутатов. Домини-

⁴ Стенограмма заседаний, 06.12.2022 [Электронный ресурс], *Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5909/> (Дата обращения: 05.05.2025).

⁵ Там же.

рующим объектом будущего в данном случае является Россия – 67 (94 %) упоминаний (нейтральные – 47; положительные – 17; отрицательные – 3); Запад / США / Европа / Украина – 4 (6 %) упоминаний (положительные – 2; отрицательные – 2). Можно наблюдать, что преимущественно положительный опыт Советского Союза в выступлениях депутатов используется для формирования нейтральных по оценке образов будущего страны (например, представление будущего: «Я считаю, что мы обязаны учиться у Ильича тому, как можно спасать государственность страны в чрезвычайных условиях»; презентация прошлого: «Советская власть в течение двух месяцев мирно, бескровно была установлена фактически во всех 100 крупных городах...» (руководитель фракции КПРФ в ГД РФ Г.А. Зюганов, 23.01.2024 г.)⁶. Положительные образы будущего России в 2/3 случаев (будучи связанными с СССР) опираются именно на положительно оцениваемый опыт Советского союза: «Мы должны... защитить наших новых соотечественников, восстановить разрушенные города и заводы, придать новый импульс развитию страны и широкими шагами идти вперед»; презентация прошлого: «Но сделать все это можно, только опираясь на опыт великого Советского Союза» (депутат ГД РФ Ю.В. Афонин, 06.12.2022 г.)⁷. В отличие от доминирующего негативного ориентира – 1990-х годов, советский период получает в дискурсе депутатов преимущественно положительную оценку. Это позволяет использовать его как модель для частичного заимствования и восстановления преемственности. Несмотря на положительную оценку самого исторического периода, он чаще всего используется для аргументации нейтральных по тональности образов будущего. Основная функция в данном случае не столько создать идеализированное представление о будущем, сколько обосновать устойчивость, стабильность и преемственность развития страны, опираясь на проверенные исторические практики.

Советское прошлое в парламентском дискурсе в основном применяется для формирования образов будущего при помощи стратегий перспективизации и аргументирования. Так, первая выражается в выборочном выделении положительных аспектов советского опыта (например, индустриализация, социальные гарантии, великие стройки): «Особо значимой мы считаем работу по обобщению советского социального опыта, широкое использование которого становится сейчас, без преувеличения, условием выживания нашей страны» (депутат ГД РФ Ю.В. Афонин, 06.12.2022 г.)⁸. В то же время стратегия аргументирования встречается в высказываниях, предполагающих использование опыта СССР как модели для частичного заимствования: «В XX веке мы в СССР приспосабливали под мирные нужды самые разные военные разработки: нержавеющую сталь, застежки-молнии, банки крови. <...> Такой опыт был в СССР, нужно и сейчас двигаться синхронно оборонному комплексу и всей остальной промышленности, взаимно обогащая друг друга, потому что, если мы не будем развиваться, мы безнадежно отстанем» (депутат ГД РФ Р.Б. Чемерис, 26.10.2023 г.)⁹. Обращение к советскому периоду является дискурсивным инструментом, направленным на легитимацию текущего и будущего курса страны через апелляцию к позитивным аспектам общего исторического прошлого. Такой опыт используется в качестве доказательства преемственности современного политического курса, что позволяет представлять будущее России как государства, уверенно опирающегося на собственную историю.

Апелляции к Великой Отечественной войне как символическому ресурсу для воображения будущего. Мы выделяем Великую Отечественную войну (ВОв) из периода Советского Союза в качестве самостоятельного события в связи с тем, что с 2000-х годов тема Победы активно используется в политических целях, а ее символический репертуар подвергается расширению за счет появления новых смысловых функций (Малинова, 2013: 180). Исследование использования ВОв в дискурсе депутатов ГД РФ позволяет сделать вывод об уникальной функции данного события в конструировании образов будущего: в отличие от других исторических периодов, презентации войны выступают не просто как символический ресурс, а как краеугольный камень национальной идентичности для будущих поколений. Основная функция обращения к нему не спроектировать конкретные события прошлого на будущее, а аргументировать необходимость преемственности ценностей: патриотизма и защиты национальных интересов. Будущее в данном случае представляется как прямое продолжение подвига предков. Д. Хлевнюк и др., исследовавшие нарративы российских государственных СМИ, предлагают описывать такое использование памяти о Великой Отечественной войне как временную

⁶ Стенограмма заседаний, 20.03.2024 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/6295/> (Дата обращения: 05.05.2025).

⁷ Стенограмма заседаний, 06.12.2022 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5964/> (Дата обращения: 05.05.2025).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

структурой, предполагающую непрерывность, связывающую эпохи в логике причинности и наследственности (Khlevniuk et al., 2024: 10). Опыт войны преимущественно используется для представления будущего России – 34 (91 %; из них нейтральные – 21; положительные – 13). Примечательно, что нам не удалось обнаружить конструкций, использующих опыт войны для формирования негативных образов будущего, т.е. это единственный период из выделенных, который никогда не используется в этих целях. Представляя таким способом будущее, депутаты подчеркивают преемственность прошлого и будущего: «Важно сделать так, чтобы здесь жили наши дети, внуки, правнуки, все будущие поколения нашей России, чтобы они любили ее, были патриотами России, и к этому нас призывает и завтрашний день – день начала Великой Отечественной войны, к этому нас призывает память и скорбь наших великих предков» (первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» В.С. Макаров, 21.06.2022 г.)¹⁰. Так, данное историческое событие используется как универсальный символ, транслирующий идеи единства, устойчивости и исторической правды. Обращения к данному историческому событию в дискурсе депутатов ГД РФ направлены не столько на описание желаемого состояния общества, сколько на формирование идентичности и системы ценностей, которые должны лежать в основе этого будущего.

Великая Отечественная война в дискурсе депутатов характеризуется наиболее сбалансированным распределением стратегий, с некоторым преобладанием аргументирования и номинализации. Последняя выражается в создании в дискурсе сакральной категории «Великая Победа» и противопоставлении «наших» («победителей», «освободителей») и «чужих» («фашистов», «нацистов»): «Мы с вами видим, что происходит на Украине, – фашизм поднял голову, неонацизм. И события сегодняшнего дня во многом результат того, что кто-то не сделал выводы из истории Второй мировой войны. Огромные жертвы – по вине Вашингтона, Брюсселя и киевского преступного режима. <...> Сегодня, так же как в 1941-м, наши солдаты и офицеры спасают мир от нацизма, борются с коричневой чумой, только уже XXI века...» (депутат ГД РФ Н.В. Новичков, 05.12.2023 г.)¹¹. Таким образом, номинализация в данном случае используется для формирования системы ценностей и национальной идентичности.

Необходимо также кратко отметить, что стратегия модифицирования эпистемического статуса высказываний не получила широкого распространения (табл. 4) среди рассмотренных примеров, однако, как можно заметить, она также наиболее характерна для темы Великой Отечественной войны. Так, она проявляется в использовании усиленных конструкций (например, никогда не забудем, навсегда запомним), придающих высказываниям характер морального императива, не подлежащего сомнению.

Таблица 4

Дискурсивные стратегии использования прошлого как символического ресурса для воображения будущего в дискурсе депутатов ГД РФ VIII созыва (22.02.2022 – 31.12.2024)

Дискурсивная стратегия	Событие / период прошлого							ИТОГО
	<i>1990-е годы</i>	<i>СССР</i>	<i>ВОв</i>	<i>XXI век</i>	<i>Российская империя</i>	<i>История в целом</i>	<i>Другое</i>	
Аргументирование	32	19	6	9	3	2	7	88
Перспективизация	20	25	9	1	1	3	3	62
Предикация	34	10	6	–	–	3	4	57
Номинализация	13	4	9	2	1	–	5	34
Модифицирование эпистемического статуса высказывания	3	3	6	2	3	–	8	25
ИТОГО	102	61	6	4	8	8	7	266

Выводы

Исследование демонстрирует, что два ключевых исторических периода и историческое событие – 1990-е годы, советская эпоха и Великая Отечественная война – выполняют различные, но взаимодополняющие функции в парламентском дискурсе как символические ресурсы для конструирова-

¹⁰ Стенограмма заседаний, 06.12.2022 [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5862/> (Дата обращения: 05.05.2025).

¹¹ Там же.

ния образов будущего. 1990-е годы выступают в качестве доминирующего негативного ориентира, служащего противопоставлением по отношению к будущему. Этот период используется преимущественно для формирования нейтральных образов будущего России через демонстрацию необходимости избежания ошибок прошлого. Дискурс дистанцирования от «хаоса 1990-х годов» позволяет конструировать образ стабильного и предсказуемого будущего. Советский период выполняет роль позитивного символического ресурса, обеспечивающего преемственность исторического развития. Несмотря на преимущественно положительную оценку этого периода, он используется для аргументации нейтральных образов будущего, что выражается в его роли обоснования устойчивости и стабильности развития как идеализированной реконструкции прошлого. Великая Отечественная война занимает особое сакральное положение в парламентском дискурсе. Обращение к опыту войны направлено на формирование системы ценностей и национальной идентичности, которые должны лежать в основе будущего России.

В то же время мы фиксируем, что использование данных периодов для конструирования образов будущего в дискурсе депутатов ГД РФ идет вразрез с традиционным тематическим репертуаром политики памяти властующих элит. Так, исследователи отмечают, что репертуар официальной политики памяти в России как на федеральном, так и на региональном уровнях фокусируется на событиях и фигурах советского периода, с упором на Великую Отечественную войну (Политика памяти в России..., 2023: 471). Именно память о войне, как подчеркивает О.Ю. Малинова, оказывается наиболее «пригодным» для политического использования элементом коллективного прошлого (Малинова, 2015: 25).

Наше исследование приходит к выводу о том, что наиболее часто используемым для представления будущего является период 1990-х годов. Мы связываем это наблюдение с отмечаемым Т.А. Нестиком высоким уровнем воспринимаемой обществом неопределенности, связанным с контекстом специальной военной операции, современных отечественных политических процессов (Нестик, 2023: 14). Мы соглашаемся с Е.Б. Шестопал в том, что процесс конструирования будущего относится к функциональным обязанностям политической элиты государства (Шестопал, 2016: 9), а также учтываем, что в условиях кризисов возрастает поддержка политиков, предлагающих стратегии, которые, по их же словам, способны снизить неопределенность и вернуть стабильность (White, 2019: 14). В этом контексте именно 1990-е годы в дискурсе депутатов ГД РФ выступают в качестве «наиболее удобного инструмента», символического ресурса, используемого для конструирования образов будущего и преодоления его неопределенности. Учитывая преимущественно отрицательную оценку самого периода, а также отмечаемую нами высокую роль предикции как дискурсивной стратегии его использования для представления будущего, мы полагаем, что такой инструмент не требует от депутатов детальной концептуализации конструируемых образов будущего (что, как мы отметили, само по себе является нетривиальной задачей), а предполагает осмысление будущего как «не девяностых».

При этом мы отмечаем, что в целом в дискурсе депутатов доминирующей дискурсивной стратегией использования событий прошлого для обсуждения образов будущего России является аргументирование. Это свидетельствует о том, что апелляция к прошлому в контексте обсуждения будущего во многом остается продуманной тактикой обоснования конкретных политических решений и курсов. В свою очередь, сам выбор доминирующей дискурсивной стратегии напрямую зависит как от целей, которые должен выполнять конкретный образ будущего, так и от используемых в качестве опоры на социальный опыт исторических периодов или событий. Вместе с тем важно учитывать, что дискурс может сочетать в себе различные стратегии, и такая идентификация возможна лишь при его аналитической деконструкции, что в контексте настоящей работы служит поводом для дальнейших исследований данной проблематики.

Список литературы / References

- Гаврилюк, Т. В. (2016) ‘Понятие «образ будущего» в категориальном поле феноменологической психологии’, *Общество: социология, психология, педагогика*, 5. [Gavriluk, T.V. (2016) ‘The “image of the future” concept in the categorical field of the phenomenological psychology’ [Ponyatiye «obraz budushchego» v kategorial'nom pole fenomenologicheskoi psikhologii], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 5. (In Russ.)].
- Захарова, О. В. (2016) ‘Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе’, *Политическая наука*, 3, сс. 217–235. [Zakharova, O. V. (2016) ‘Identification and analysis of topoi (argumentative schemes) in political discourse’ [Identifikatsiya i analiz

- toposov (argumentatsionnykh skhem) v politicheskem diskurse], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 217–235. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2015) ‘Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг.’, *Россия и современный мир*, 2(87), сс. 6–29. [Malinova, O. Yu. (2015) ‘The Great Patriotic War as a Symbolic Resource: The Evolution of the Official Rhetoric 2000–2010’ [Velikaya Otechestvennaya voyna kak simvolicheskii resurs: evolyutsiya otobrazheniya v ofitsial'noi ritorike 2000–2010-kh gg.], *Rossiya i sovremennyi mir*, 2(87), pp. 6–29. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018) ‘Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о "лихих девяностых"’, *Политическая наука*, 3, сс. 45–69. DOI: 10.31249/poln/2018.03.03 [Malinova, O. Yu. (2018) ‘Justifying the political course of the 2000 s and constructing the myth about "the hard nineties" in the Vladimir Putin's discourse’ [Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V. V. Putina i formirovanie mifa o "likhikh devyanostykh"], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 45–69. DOI: 10.31249/poln/2018.03.03 (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2012) ‘Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России’, *POLITЭКС*, 4, сс. 179–204. [Malinova, O. Yu. (2012) ‘Political Usage of the Past as a Tool of Symbolic Policy: The Evolution of a Discourse of the Governing Elite in Post-Soviet Russia’ [Politicheskoe ispol'zovanie proshloga kak instrument simvolicheskoi politiki: evolyutsiya diskursa vlastvuyushchei elity v postsovetskoi Rossii], *POLITEKS*, 4, pp. 179–204. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2013) ‘Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты’, *Прошлый век*, 1, сс. 158–186. [Malinova, O. Yu. (2013) ‘The political usage of the symbol of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia: Evolution of the ruling elite discourse’ [Politicheskoe ispol'zovanie simvola Velikoi Otechestvennoi voiny v postsovetskoi Rossii: Evolyutsiya diskursa vlastvuyushchei elity], *Proshlyi vek*, 1, pp. 158–186. (In Russ.)].
- Назукина, М. В., Сулимов, К. А. (2021) ‘К измерению образа будущего в дискурсе депутатов Государственной Думы (на примере территориально-политических представлений)’, *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13 (1), сс. 1–18. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18 [Nazukina, M. V., Sulimov, K. A. (2021) ‘On measuring the image of the future in the discourse of the Russian State Duma deputies (as based on territorial-political representations)’ [K izmereniyu obrazu budushchego v diskurse deputatov Gosudarstvennoi Dumy (na primere territorial'no-politicheskikh predstavlenii)], *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 13 (1), pp. 1–18. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-1-18 (In Russ.)]
- Нестик, Т. А. (2023) ‘Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований’, *Социальная психология и общество*, 14 (4), сс. 5–22. DOI: 10.17759/sps.202314040 [Nestik, T. A. (2023) ‘The influence of military conflicts on the psychological state’ [Vliyanie voennykh konfliktov na psihologicheskoe sostoyanie obshchestva: perspektivnye napravleniya issledovanii], *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo*, 14 (4), pp. 5–22. DOI: 10.17759/sps.202314040 (In Russ.)].
- Миллер, А. И., Малинова, О. Ю., Ефременко, Д. В. (ред.) (2023) *Политика памяти в России – региональное измерение: монография*. РАН. ИНИОН. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 471 с. DOI: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00 [Miller, A. I., Malinova, O. Yu., Efremenko, D. V. (eds.) (2023) *Memory politics in Russia – regional dimension: monograph* [Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie: monografiya]. RAS. INION. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, 471 p. DOI: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00 (In Russ.)].
- Шестопал, Е. Б. (2016) ‘Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития’, *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 2, сс. 7–20. [Shestopal, E. B. (2016) ‘Images of the future in Rus-

- sian society as a factor in political development' [Образ будущего в сознании российского общества как фактор политического развития], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2, pp. 7–20. (In Russ.)]
- Щербинин, А. И., Щербинина, Н. Г. (2020) 'Политическое конструирование образа будущего', *Вестник Томского государственного университета, Философия. Социология. Политология*, 56, сс. 285–299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25 [Shcherbinin, A. I., Shcherbinina, N. G. (2020) 'Political construction of the image of the future' [Politicheskoe konstruirovaniye obrazu budushchego], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 56, pp. 285–299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25 (In Russ.)].
- Щербинина, Н. Г. (2010) 'Политический образ и имидж: соотношение понятий', *Политический маркетинг*, 4 (145), сс. 71–78. [Shcherbinina, N. G. (2010) 'Political image and image: correlation of concepts'
- [Politicheskii obraz i imidzh: sootnoshenie ponyatiy], *Politicheskii marketing*, 4 (145), pp. 71–78. (In Russ.)].
- Bourdieu, P. (1998) *Acts of Resistance: Against the New Myths of Our Time*. New York: Polity Press, 109 p.
- Dunmire, P. L. (2011) *Projecting the future through political discourse: the case of the Bush doctrine*. John Benjamins, 218 p.
- Khlevniuk, D., GN, & Noordenbos, B. (2024) 'The temporality of memory politics: An analysis of Russian state media narratives on the war in Ukraine', *The British Journal of Sociology*, pp. 1–17. DOI: 10.1111/1468-4446.13171
- Kwon W., Clarke I., Wodak R. (2014) 'Micro-level discursive strategies for constructing shared views around strategic issues in team meetings', *Journal of management studies*, 51(2), pp. 265–290. DOI: 10.1111/joms.12036
- White, J. (2019) *Politics of Last Resort: Governing by Emergency in the European Union*. Oxford University Press. 229 p.
- Wodak, R. (ed.) (2011) *The discourse-historical approach Critical discourse analysis: Concepts, history, theory*. Sage. pp. 63–93.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025
Статья принята к печати: 30.10.2025

THE PAST AS A SYMBOLIC RESOURCE FOR IMAGINING THE FUTURE: BASED ON SPEECHES BY DEPUTIES OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE VIII CONVOCATION

A. Kurbatov

Andrei Kurbatov, Ph.D. Student, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: avkurbatov@hse.ru (ORCID: 0009-0001-1211-1854. ResearcherID: JMP-4901-2023).

Abstract

Although the future is central to public political communication, its articulation is hindered by fundamental uncertainty, intensified by the special military operation. Despite these conditions, politicians must still speak about the future; analyzing how State Duma deputies construct such images reveals both the possibilities and the limits of using the past as a symbolic resource. The study uses transcripts of plenary sessions of the VIII State Duma (2nd–7th sessions) as empirical data, which are analyzed through qualitative content and semantic analysis to identify discursive strategies employing the past to imagine the future. The study concludes that the 1990s, the Soviet era, and the Great Patriotic War perform different but complementary functions in parliamentary discourse, acting as symbolic resources used to construct images of the future. It should be noted that the practices of using the past in the discourse of deputies run counter to the traditional thematic repertoire of the politics of memory of the ruling elites in Russia. The 1990s period in the discourse of deputies acts as the «most convenient tool» used to construct images of the future and overcome its uncertainty in the modern context.

Keywords: image of the future; symbolic politics; political use of the past; political construction of the future; State Duma; discursive strategies.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-49-63

СИМВОЛИЧЕСКОЕ VS. ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА ВОСПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИНИЦИАТИВ СУБЪЕКТОВ РФ)

К. П. Турцева

Турцева Кристина Павловна, кандидат политических наук, старший преподаватель, младший научный сотрудник кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
Email: burdina.k@bk.ru (ORCID: 0000-0003-2109-7772).

Аннотация

В Российской Федерации существует такой механизм межуровневого взаимодействия, как право законодательной инициативы регионов в федеральной легислатуре. У регионов нет ограничений по тематике инициатив, региональные инициативы рассматриваются в рамках процедуры, одинаковой для всех инициаторов законодательства. Однако часто законопроекты, поданные от субъектов РФ, откладыиваются Государственной Думой и затем отклоняются. Подобные ситуации особенно характерны для экологической сферы: несмотря на формальное равенство процедур, экологические инициативы регионов отклоняются более чем в 90 % случаев, при этом 63 % проектов рассматриваются свыше 1 года, что дольше, чем инициативы по другим темам. Цель исследования – сквозь призму концепции символического законодательства выявить, как различия в восприятии экологических инициатив разными акторами законодательного процесса (депутатами и регионами) оказывают влияние на вероятность их принятия. На основе анализа 416 региональных экологических инициатив (2004–2022 годы), их пояснительных записок и стенограмм пленарных заседаний продемонстрировано, что ключевым барьером является системное расхождение в восприятии типа законопроектов (символические vs проблемно-ориентированные) между регионами и федеральными депутатами. Эмпирически доказано, что при полном совпадении восприятия шансы на принятие достигают 55–100 %. Существующие институциональные практики усиливают конфликт восприятия: централизация власти и роль профильных комитетов как «фильтров» трансформируют расхождения в восприятии в инструмент отсея региональных инициатив. Проведенное исследование демонстрирует, что не тип законопроекта, а (не)совпадение в его восприятии акторами разных уровней власти оказывает влияние на дальнейшую судьбу инициатив. Эти выводы раскрывают один из механизмов провала региональных инициатив в многоуровневых системах управления.

Ключевые слова: символическое законодательство; проблемно-ориентированное законодательство; экологическое законодательство; Государственная Дума; право законодательной инициативы регионов; региональные экологические законодательные инициативы; регионы России.

Введение

В Российской Федерации существует такой механизм межуровневого взаимодействия, как право законодательной инициативы регионов в федеральной легислатуре. В мировой практике субнациональные единицы редко обладают подобным правом, чаще всего они могут оказывать влияние на национальную политику через верхнюю палату парламента, но не только (Palermo, 2018; Behnke, Mueller, 2017; Tremblay, 2023). Кроме того, результативность данного инструмента ограничена, так как часто законопроекты, поданные от субъектов РФ, откладыиваются Государственной Думой, и затем отклоняются. Особенно ярко это проявляется в экологической сфере, где лишь 6 % инициатив принимаются при среднем сроке рассмотрения более 1 года (63 % случаев с 2004 по 2022 год), при том что доля принятых законопроектов от регионов в целом по всем тематикам выше.

Низкий процент принятия региональных инициатив можно объяснить политико-управленческими особенностями: высоким уровнем централизации власти, ориентацией Государ-

ственной Думы при рассмотрении законопроектов на федеральные приоритеты, небольшим количеством акторов, которые могут оказывать влияние на принятие решений, большим количеством законопроектов, подаваемых в Государственную Думу (30 713 законопроектов было подано с 1995 по конец 2022 года¹); спецификой конфигурации законодательной активности (результативность поданных от депутатов и регионов законопроектов невысока по сравнению с другими субъектами права законодательной инициативы – президентом и Правительством) (Сулакшин, Гаганов, 2015). Отсутствие поддержки части законопроектов может также объясняться их низким профессиональным качеством, отсутствием актуальности и лоббистов (Колесников, Пажетных, 2009).

Тем не менее представленные объяснения низкого принятия законопроектов до конца не раскрывают механизмов селективного отклонения именно экологических инициатив.

Концепция символического законодательства (Newig, 2007; Klink, 2016) может быть продуктивна в контексте данного исследования. В рамках данной теории предполагается, что законопроекты отличаются характером предлагаемых изменений: часть из них направлена на решение конкретных вопросов (имеет проблемно-ориентированный характер), другая – преследует иные цели, например, обеспечивает инициатору политические преимущества, способствует повышению статуса и т.д. (отражает политico-стратегическую эффективность) (Newig, 2007). Символическое законодательство может выступать инструментом политических уступок (Gandhi, 2008): депутаты поддерживают декларативные, но нефункциональные инициативы регионов, чтобы снизить протестный потенциал, при этом сохраняя контроль над ресурсно-значимыми решениями.

С этой точки зрения важным является восприятие поданной инициативы федеральными акторами. С одной стороны, можно предположить, что в случае совпадения федеральных и региональных позиций относительно характера поданного законопроекта, отсутствия противоречивых интересов, данная инициатива с большей долей вероятности будет быстрее рассмотрена и принята. С другой стороны, в зависимости от типа того или иного законопроекта восприятие может быть различным и при этом не обязательно снижать, но и повышать вероятность принятия законопроекта.

Применительно к России остается неисследованным то, как различия в восприятии характера инициатив между регионами и депутатами оказывают влияние на их принятие/отклонение. Игнорируется также роль экологической тематики как условно «безопасного поля» для символического законотворчества в условиях консолидации элит по приоритетным вопросам (Levitsky, Way, 2010; Schedler, 2013).

Данное исследование стремится восполнить этот пробел, выявляя последствия конфликта восприятия экологических инициатив. Соответственно, центральными для данного исследования становятся вопросы о том, как расхождения в восприятии типов экологических законопроектов (символические vs проблемно-ориентированные) между разными участниками законодательного процесса влияют на вероятность их принятия и как существующие институциональные рамки усиливают или смягчают конфликт восприятия?

Ответы на них позволят выявить не только специфику российской практики, но и барьеры, препятствующие высокой результативности многоуровневого регулирования.

Логика исследования будет организована следующим образом: сначала данные предположения обосновываются с помощью концепции символического законодательства, на ее основе приводятся критерии различия типов законопроектов и их восприятия, далее эксплицируются эмпирические данные, на основе которых проводится анализ, и приводятся его результаты.

Теоретико-методологическая основа исследования

Для того чтобы выявить различия в восприятии региональных инициатив депутатами, мы опираемся на концепцию символического законодательства, суть которой состоит в том, что существуют два типа законов: 1) те, которые направлены на решение конкретных острых вопросов с прозрачными и понятными положениями, механизмами реализации и контроля; 2) законы, выполняющие латентные политические функции, наносящие ущерб их нормативно-правовой эффективности (Newig, 2007). При этом символическое законодательство обычно дает выражение некоторым ценностям и предназначено для реализации посредством общения (Klink, 2016). Некоторые авторы убеждены, что правовая система в целом может рассматриваться как некая совокупность символов, выполняющих функцию поддержания власти и сохранения статус-кво (Edelman, 1976; Arnold, 1938).

---

¹ Собственные расчеты автора, выполненные на основе данных Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД).

В литературе выделяются две коннотации символического законодательства: позитивная и негативная. Некоторые авторы рассматривают его как «патологию» (Dwyer, 1990; Campbell, 1993; Witteveen, 1999), другие исследования акцентируют внимание на его позитивных чертах, таких как более открытые нормы, меняющие поведение индивида косвенно, посредством социального взаимодействия; «гибкость» закона; «мягкость» механизмов принуждения, стимулирующих обсуждение (Klink, 2016; Schwitters, 2016; Lembcke, 2016). Таким образом, с одной стороны, символическое законодательство может являться инструментом обмана, создания ложных ожиданий у общества, с другой – инструментом воспитания норм, формирования новых ценностей. Синтез данных подходов впервые встречается у Ferraro (Ferraro, 2022), где он пытается доказать, что символические законы одновременно выражают ценности и являются инструментом политических манипуляций (имеют *puzzling rationality*), а их эффективность может зависеть от контекста (например, если после принятия данного законопроекта возникает общественное давление на законодателей с целью обеспечить его исполнение или если есть «агенты изменений» (суды, НКО, СМИ), которые с помощью «правильной» интерпретации делают закон рабочим).

Одной из причин использования символической стратегии при внесении законопроекта в парламент может быть восприятие данной инициативы избирателями, которые могут вознаграждать законодателей за их активность, если содержание законопроекта совпадает с их позицией, независимо от успеха его принятия (Huffman, Kane, Stack, 2025). Это может обеспечить электоральное преимущество депутатам и партиям.

В контексте международного опыта экологического регулирования и экологической политики в целом законопроекты в данных сферах часто рассматриваются с символической точки зрения из-за отсутствия действенных механизмов принуждения (Klink, 2016).

Применительно к России феномен символического законодательства остается практически вне внимания ученых. Отечественные исследования активности и эффективности региональных законодательных инициатив фокусируются на причинах их низкого принятия (Сулакшин, Гаганов, 2015; Морозова, 2018; Серова, 2019), работе Совета законодателей как «фильтра» их отсеивания (Помигуев, Зарипов, 2022), предложениях по совершенствованию участия субъектов РФ в законотворческом процессе (Иванов, 2013; Удычак, Чеботарева, 2016; Морозова, 2018; Серова, 2019), динамике активности регионов (Сулимов, 2020) и влиянию на нее внешних шоков (Сулимов, 2022).

Вместе с тем в исследовательской литературе уже выработан ряд специфических критериев для того, чтобы оценить, действительно ли тот или иной законопроект является символическим. Подобное законодательство может быть более или менее символическим. Критерии делятся на семантические (текст закона) и прагматические (контекст законодательного процесса) (Klink, 2016; Newig, 2007) (табл. 1).

В данной работе указанные выше критерии были уточнены и расширены за счет включения дополнительного типа законопроектов – символико-технических. Включение данного типа можно объяснить спецификой конфигурации тех политических сил, которые вовлечены в процесс инициирования федеральных законопроектов внутри самого региона.

Право законодательной инициативы формально принадлежит региональному парламенту, но инициировать законы могут и другие субъекты, в первую очередь исполнительная власть. Именно она с большей вероятностью выступает проводником проблемно-ориентированного подхода, так как несет прямую ответственность за решение конкретных проблем в регионе, а законотворчество для нее является инструментом. Депутаты также могут реагировать на проблемы законодательными инициативами, но прямой ответственности за их решение не несут (Сулимов, Турцева, 2024).

Следовательно, законодательная активность для депутатов является профильной деятельностью, и региональным легислатурам в той или иной степени необходимо проявлять активные действия для демонстрации своей работы, однако эта демонстрация не обязательно должна сопровождаться детальной и серьезной проработкой законопроекта, если главным является лишь проявление инициативы. Соответственно, предполагается, что в ряде случаев регионы будут подавать законопроекты, связанные с уточнением определенной формулировки, корректировки отдельных положений уже существующего законодательства, устранением внутренних противоречий, которые не будут принципиальным образом менять существующие правила.

Таблица 1

Критерии разделения законопроектов по типам

Критерии		Символические законопроекты	Проблемно-ориентированные законопроекты
Семантические	критерий несоответствия (discrepancy)	основные положения не подкреплены механизмами его реализации	основные положения подкреплены механизмами его реализации
	критерий неясности (obscenity)	текст закона непонятен лицам, которые должны его соблюдать, а также другим субъектам, которые должны его применять	текст закона понятен лицам, которые должны его соблюдать, а также лицам, которые должны его применять
	критерий неопределенности (vagueness)	положения закона могут быть интерпретированы по-разному	положения закона интерпретируются одинаковым образом всеми субъектами
Прагматические	критерий конфликта интересов	группы с конфликтующими или несовместимыми интересами конкурируют друг с другом в процессе обсуждения законопроекта	отсутствие конкуренции между группами с конфликтующими или несовместимыми интересами в процессе обсуждения законопроекта
	критерий политизации	одна из вовлеченных групп рассматривает принятие закона как «моральную» победу над другой группой	закон не рассматривается ни одной из конкурирующих групп в морально-этических категориях
	критерий кризиса	наличие кризисной ситуации и необходимости быстрой на нее реакции в форме законодательного акта	отсутствие кризисной ситуации

Источник: составлено автором на основе статьи Klink, van B. (2016), “Symbolic legislation: An essentially political concept”, in Klink van B., Beers, van B. and Poort, L. (eds.), Symbolic legislation theory and developments in biolaw, Springer, Cham, Switzerland, pp. 19–35, https://doi.org/10.1007/978-3-319-33365-6_2.

Таким образом, символическими могут считаться те законопроекты, инициаторы которых стремятся получить определенные политические преимущества, продемонстрировать собственную заинтересованность или компетентность, привлечь внимание определенных групп, а также те, которые являются условно техническими «отписками», создающимися только для демонстрации законодательной активности.

Стоит обратить внимание на возможное пересечение типов, так как технические инициативы могут маскироваться под проблемно-ориентированные (авторы описывают проблему, но предлагают лишь терминологические правки), при этом политико-стратегические иногда включают элементы проблемной ориентации.

Различия в типах законопроектов являются аналитическими и условными. В целом законодательство выполняет разные функции и может иметь различные эффекты – как инструментальные, так и символические. Закон никогда не бывает полностью символическим или проблемно-ориентированным. Однако мы предполагаем, что несколько групп критериев помогут объяснить, какой тип является превалирующим и как переплетаются разные стратегии действий регионов при подаче законопроектов в федеральный парламент.

В соответствии с данной логикой критерии классификации законопроектов будут выглядеть следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Классификация законопроектов по типам

Типы законопроектов	Цель внесения	Критерии		Операционализация
Символические: политико-стратегические	Получение политических дивидендов без решения реальных проблем	Семантические	Низкая степень конкретики	Декларативные формулировки без указания механизмов реализации
			Высокая степень неопределенности	Нормы закона могут быть интерпретированы по-разному
		Прагматические	Низкая степень конфликтности	Быстрое рассмотрение (до 1 года); Отсутствие дебатов по содержанию законопроекта
			Низкая степень конкретики	Отсутствие упоминания конкретных проблем, статистики или кейсов
			Конъюнктурное соответствие	Соответствие текущей федеральной повестке (нацпроекты, указы Президента)
			Высокая политико-стратегическая значимость	Ссылки на абстрактные ценности; Эмоциональные выступления депутатов с использованием символических высказываний
		Семантические	Минимальное правовое воздействие	Замена терминов, уточнение формулировок; Отсутствие новых норм или изменений в правах/обязанностях субъектов
			Отсутствие практической значимости	Минимальный объем (≤ 150 слов)
Символические: технические	Устранение незначительных противоречий в законодательстве (приведение законов в соответствие) без изменения сути регулирования	Прагматические	Низкая приоритетность	Длительное рассмотрение (2-4 года); Отсутствие дискуссии при рассмотрении
		Семантические	Высокая степень конкретики	Четкие механизмы реализации (новые правила, штрафы, системы мониторинга); Упоминание ресурсного обеспечения (бюджет, инфраструктура); Больший объем текста
			Высокая степень конфликтности	Конфликты интересов при обсуждении; Поддержка стейкхолдеров (бизнес, НКО)
Проблемно-ориентированные	Решение конкретных экологических проблем региона	Прагматические	Высокая степень конкретики	Детальное описание проблемы (статистика, кейсы, экономические расчеты); Связь с реальными инцидентами в регионе

Источник: составлено автором

Далее необходимо также выделить критерии различий в восприятии законодательных инициатив депутатами и регионами. Различия в восприятии законопроектов можно разделить на три категории (полностью совпадает/частично совпадает, конфликт восприятия) в соответствии с актуальностью представленной в законопроекте проблемы, адекватностью механизмов реализации и значимостью изменений.

Различия будут определяться на основе анализа текстов пояснительных записок и стенограмм. Подробное описание критериев разделения представлено в табл. 3.

Таблица 3

Критерии различия восприятия экологических законопроектов депутатами и регионами

	Полностью совпадает	Частично совпадает	Конфликт восприятия
Актуальность проблемы	Регион и Дума явно признают проблему, приводят схожие аргументы/данные	Дума признает проблему в целом, но сомневается в ее масштабе/срочности	Дума отрицает существование проблемы или ее связь с законопроектом
Примеры из текстов законопроектов	Регион: представляет ссылки на международные акты, статистику Депутаты: подтверждение статистических данных, возможного ущерба	Депутаты: проблема существует, но есть и другие более острые	Депутаты: данные не подтверждают наличие проблемы
Адекватность механизмов реализации	Предложенные регионом инструменты (штрафы, нормы) поддержаны без существенной критики	Дума признает цель, но критикует отдельные механизмы как неэффективные/избыточные Мнения депутатов относительно характера законопроекта разные	Дума отвергает подход в целом: механизмы неработоспособны/вредят
Примеры из текстов законопроектов	Депутаты: предложенные санкции/механизмы реализации адекватны	Депутаты: указанные меры являются избыточными, не соответствуют реальной проблеме	Депутаты: предлагаемые поправки противоречат Конституции, федеральным законам, Кодексам (Бюджетному, Налоговому и т.д.)
Значимость изменений	Обе стороны трактуют проект как качественное улучшение (или как техническую правку)	Регион преподносит как прорыв, Дума – как малозначимое изменение (или наоборот)	Отрицание Думой ценности инициативы: проект бесполезен/дублирует законы
Примеры из текстов законопроектов	Регион: уточнение терминологии; Депутаты: техническая корректировка	Регион: решим проблему (размещения отходов, вырубки лесов и т.д.) Депутаты: незначительная правка	Депутаты: этот законопроект устарел – аналогичные нормы уже приняты

Источник: составлено автором

В случае если два и более критериев находятся в колонке «полностью совпадает» и/или при этом один критерий находится в колонке «частично совпадает», значит расхождение в восприятии несущественно и данный законопроект воспринимается одинаково. В случае если два и более критериев находятся в колонке «частично совпадает» и/или один критерий находится в колонке «конфликт восприятия», значит различия в восприятии присутствуют, но конфликт по одному аспекту компенсируется согласием по другим. Конфликт восприятия присутствует, если два и более критериев можно отнести к третьей колонке, или один критерий относится к колонке «частично совпадает».

Можно сформулировать несколько гипотез относительно значимости различий в восприятии инициатив на основе классификации типов законопроектов.

Во-первых, чем сильнее расхождение в восприятии типа инициативы, тем ниже вероятность принятия законопроекта. Это связано с тем, что, если актуальность, значимость изменений и адекватность механизмов реализации по-разному интерпретируются депутатами и регионом, возникает конфликт, который препятствует принятию законопроекта.

Второе предположение состоит в том, что технические законопроекты могут демонстрировать наиболее сильное расхождение (конфликт восприятия). Авторы законодательных инициатив в пояснительных записках должны преподнести собственную инициативу как решение определенной проблемы, но технические законопроекты, которые связаны непосредственно с внесением незначительных уточняющих корректировок, будет тяжелее представить как что-то стоящее и значимое.

Таким образом, ключевое теоретическое ожидание исследования состоит в том, что законодательные инициативы регионов воспринимаются и оцениваются другими участниками законодательного процесса по-разному, как проблемно-ориентированные / технические / политики-стратегические. Разное восприятие данных инициатив может влиять на вероятность их принятия.

Основываясь на этой общей теоретической рамке, можно определить характер закона и различия в его восприятии разными участниками процесса принятия решений.

Данные и методы

Для эмпирического анализа были использованы данные по законодательным инициативам на федеральном уровне. Данные были взяты с сайта Государственной Думы².

Собирались все доступные данные в соответствующей информационной системе – с 2004 по 2022 год. Соответственно, из выборки были исключены те регионы, которые или прекратили свое существование в результате объединений, или были вновь образованы. Всего в выборке присутствуют 83 региона. Данные по объединившимся регионам до их преобразования не суммировались. Из базы данных были использованы только экологические законопроекты, которые идентифицировались на основании прямого упоминания экологии или контекстуальной принадлежности к теме экологического регулирования. Контекстуальная или прямая принадлежность определялась с помощью анализа наименования законопроекта. В наименованиях отобранных законопроектов присутствуют термин «экология» или конструкции, непосредственно связанные с экологической повесткой: охрана окружающей среды, устойчивое использование природных ресурсов, предотвращение загрязнений, природоохранные зоны, обращение с отходами и химикатами, улучшение качества воздуха, воды и почвы, а также сохранение биологического разнообразия (Сулимов, Турцева, 2024).

В таблице 4 продемонстрирована результативность экологических законопроектов по созывам в Государственной Думе (ГД).

Таблица 4

Экологические законопроекты, поданные субъектами РФ за период с 2004 по 2022 год

	Количество поданных законопроектов	1 чтение	2 чтение	3 чтение	Количество принятых законопроектов
4 созыв	75	70	5	4	4
5 созыв	116	109	5	5	5
6 созыв	166	154	12	11	11
7 созыв	41	39	6	6	6
начало 8 созыва	18	12	1	1	1
Всего	416	384	29	27	27

Источник: представлены собственные расчеты автора по данным Государственной Думы³

Говоря о результативности прохождения инициатив, наблюдается высокий отсев в первом чтении: в среднем 90 % инициатив не проходят первое чтение, 6 % отсеиваются еще до него.

² Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс], Офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (Дата обращения: 22.06.2020).

³ Система обеспечения законодательной деятельности...

Только 5–15 % инициатив, прошедших первое чтение, становятся законами. Например, в шестом созыве из 154 законопроектов, допущенных к рассмотрению, принято лишь 11 (7,1 %).

При этом максимальная результативность (VII созыв) достигнута при минимальной активности, что может косвенно подтвердить тезис о символическом характере части инициатив.

В результате анализа табл. 4 можно прийти к выводу о том, что количество поданных законопроектов сильно варьируется от созыва к созыву, однако количество принятых законопроектов изменяется незначительно и остается на низком уровне. При этом большинство инициатив отсеиваются после первого чтения.

Принимая во внимание процедуру рассмотрения законопроектов в федеральном парламенте, автором для анализа типов законопроектов и их восприятия разными участниками законодательного процесса, кроме текстов законопроектов, были проанализированы также пояснительные записки и стенограммы пленарных заседаний, на которых представители комитета представляют законопроект. Данные документы позволяют лучше определить, к какой категории можно отнести законопроект.

Пояснительная записка, вместе с которой подается текст законопроекта, помогает раскрыть мотивы подачи инициативы регионом. Проблемно-ориентированные законопроекты содержат анализ проблемы и предлагаемые механизмы ее решения. В технических законопроектах речь скорее будет идти об устранении внутреннего противоречия. При подаче политico-стратегических инициатив законодатели прежде всего будут описывать их через необходимость поддержки имиджа страны, выполнения морального долга (использовать эмоционально окрашенные формулировки).

В стенограммах пленарных заседаний содержится информация о процессе обсуждения законопроекта; в них можно отследить маркеры символичности, проследить связь выступлений депутатов с их целями, определить потенциальных заинтересованных сторон, оценить, обсуждаются ли механизмы реализации, то, как закон изменит поведение индивидов. Иными словами, данные документы ориентированы на анализ контекста создания нормы.

Однако необходимо понимать, что процесс открытого обсуждения инициативы – это публичное оформление законодательного процесса, следовательно, в данном случае мы игнорируем возможное наличие скрытых целей при подаче и далее принятии решения относительно законопроекта.

Далее перейдем непосредственно к анализу типов законопроектов.

Классификация законопроектов проводилась ручным кодированием, также были привлечены нейросети DeepSeek-R1⁴ и GigaChat (SberAI)⁵ для проверки разделения законопроектов на типы. Процент соответствия экспертного и машинного кодирования составил более 90 %. Если были обнаружены отклонения, учитывалась ручная кодировка.

Работа с искусственным интеллектом (ИИ) проходила следующим образом. Моделям предstawлялись тексты законопроектов, пояснительных записок и стенограмм с задачей выявить тип законопроекта. Промпт выглядел следующим образом: «Представь, что ты эксперт в области экологического законодательства. Тебе необходимо проанализировать текст законопроекта, определить его тип или типы в соответствии с приведенными критериями (во вложении). Аргументируй свою позицию и приведи конкретные примеры из текста. Твой ответ должен основываться только на предоставленном тексте, не используй внешние знания». Был проведен перекрестный анализ документов с использованием двух нейросетей, для того чтобы сравнить полученные результаты и сделать их более надежными (согласованность результатов двух моделей – более 90 %).

Применение нейросетей, несмотря на высокую скорость обработки, имело ограничения: риск генерализации контекстно-зависимых формулировок (искаженная трактовка иронии в выступлениях депутатов), отсутствие адаптации моделей к юридической терминологии РФ. Теоретически это могло привести к тому, что символические высказывания в стенограммах (например, «спасем леса для потомков») могли трактоваться как проблемно-ориентированные, хотя являлись лишь риторическими жестами; в свою очередь, ироничные высказывания могли ошибочно интерпретироваться как поддержка той или иной инициативы. Однако, так как нейросети применялись в качестве способа проверки полученных результатов, а также спорных кейсов, это минимальным образом оказало влияние на результаты.

Результаты анализа представлены в табл. 5.

Анализ восприятия проводился только у тех законопроектов (ЗП), которые дошли до первого чтения и имели стенограмму обсуждения. В круглых скобках указано процентное соотношение: по-

⁴ DeepSeek (2024). DeepSeek-R1: An open-source large language model [online]. Available at: <https://deepseek.com> (Accessed: 22.06.2020).

⁵ SberAI (2025). GigaChat Technical Report [online]. Available at: <https://giga.chat/> (Accessed: 22.06.2020).

данных инициатив и доли их принятия (первая строчка), количества инициатив, прошедших первое чтение (вторая строчка); инициатив, распределенных по типам (1, 3 и 5-й столбцы соответственно), принятых инициатив в зависимости от их восприятия (2, 4 и 6-й столбцы).

Таблица 5

Анализ экологических законопроектов, поданных регионами в Государственную Думу с 2004 по 2022 год

Критерии анализа / Типы законопроектов	Символические: политico-стратегические	Кол-во принятых ЗП	Символические: технические	Кол-во принятых ЗП	Проблемно-ориентированные	Кол-во принятых ЗП
Подано ЗП	20 (5%)	2 (10%)	175 (42%)	12 (7%)	221 (53%)	14 (6%)
Количество ЗП, прошедших 1 чтение и имеющих стенограмму обсуждения	16 (80%)	2	99 (57%)	12	168 (76%)	13
Восприятие: Полностью совпадает	3 (19%)	2 (66,6%)	18 (18%)	10 (55,5%)	25 (15%)	9 (33%)
Восприятие: Частично-совпадает	4 (25%)	0	20 (20%)	0	57 (34%)	3 (5%)
Восприятие: Конфликт восприятия	9 (56%)	0	61 (62%)	2 (3%)	86 (51%)	1 (1%)
Длительность рассмотрения (в годах ср. знач.)	0,6	-	0,9	-	1 год	-
Количество отозванных ЗП СПЗИ ⁶	3 (18%)	-	37 (21%)	-	24 (12%)	-

Источник: представлены собственные расчеты автора по данным Государственной Думы⁷

Согласно результатам анализа, наибольшие шансы на принятие имеют законопроекты, по которым восприятие полностью совпадает (для политico-стратегических инициатив это 66,6 %, для технических – 55,5 %, а для проблемно-ориентированных – 33 %). В отношении доли принятых законопроектов вероятность еще более высокая: для политico-стратегических – 100 % (всего 2 принято, и у 2 же восприятие полностью совпадает), для технических – 83 % (из 12 принятых у 10 восприятие полностью совпадает), для проблемно-ориентированных – 67 % (из 14 принятых у 9 восприятие полностью совпадает). Это подтверждает выдвинутое предположение о том, что одинаковое восприятие инициативы повышает шансы принятия законопроекта.

Отдельно уделим внимание анализу конфликтов восприятия, что позволит выделить его возможные причины.

Конфликт восприятия является основной проблемой, независимо от типа законопроекта (56 % законопроектов сталкиваются с принципиальным несогласием депутатов). Полное совпадение в восприятии законодательных инициатив можно назвать редкостью (всего 17 % случаев). При этом технические законопроекты лидируют по различиям в восприятии: 62 % против 51–56 % у других типов, что подтверждает вторую гипотезу.

Следовательно, расхождения в восприятии – это системная черта законодательного процесса, особенно для технических экологических инициатив. Возможно, это связано с тем, что регионы часто преподносят технические правки как решение проблем, но депутаты видят в них «бумажную волокиту» (однако в очень редких случаях такое восприятие все же не препятствует принятию законопроекта). Проблемно-ориентированные инициативы воспринимаются с минимальными различиями, депутаты действительно признают проблему, но не всегда согласны с предложенными решениями. Одна-

⁶ СПЗИ – субъект права законодательной инициативы

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности...

ко даже при частичном совпадении (34 %) проекты часто отклоняются из-за критики механизмов реализации.

Таким образом, низкий процент полного совпадения в восприятии законопроектов (17 %) свидетельствует о разрыве в понимании «значимости» инициатив между регионами и Государственной Думой. При этом даже признание важности проблемы (т.е. совпадение на концептуальном уровне) не спасает инициативу, если в законопроекте не проработаны механизмы, инициатива вступает в конфликт с интересами федеральных акторов (например, с точки зрения распределения доходов бюджета или полномочий между уровнями власти), отсутствует поддержка со стороны Правительства, депутатов, других регионов или заинтересованных сторон. Даже несмотря на то, что депутаты уважают региональные инициативы и открыто высказывают это в своих выступлениях («Еще раз хотел бы выразить благодарность нашим коллегам из Заксобрания Вологодской области за нужные, важные и своевременные инициативы и ещё раз хотел бы обратиться к правительству и к партии власти: давайте внимательнее относиться к инициативам, направляемым из регионов»⁸), это не оказывает решающего влияния на принятие или отклонение законопроекта.

Если присутствует конфликт восприятия, то практически на 100 % данный законопроект будет отклонен. Депутаты могут не видеть проблемы, так как авторы не всегда обосновывают необходимость принятия их инициативы. С другой стороны, иногда регионы вносят в Государственную Думу уже устаревший законопроект (предлагают на рассмотрение вопрос, который уже включен в другой законопроект, прошедший первое чтение), или законопроект, который ранее был актуальным, устаревает из-за его «затягивания» в легислатуре. Подобная ситуация с рассмотрением уже устаревшего законопроекта может указывать на формальный подход к законотворчеству со стороны депутатов и подчеркивать его символический характер.

Подтверждают данный аргумент и заявления некоторых депутатов, которые акцентируют внимание на том, что иногда в Государственной Думе рассмотрение законопроектов от регионов носят формальный характер: «Но, мне кажется, ведь люди его сюда прислали для того, чтобы мы над ним подумали, а не просто вот так отклонили»⁹. Депутаты также могут не пояснить причины отклонения законопроекта, предлагая сразу начать голосование: «Мы не нашли оснований, чтобы его поддержать»¹⁰.

Анализ распределения законопроектов по типам также имеет большое значение, так как это позволяет выявить логику, которой регионы придерживаются чаще всего, используя данный механизм многоуровневого управления.

Согласно результатам анализа, технических законопроектов в выборке оказалось 41 %, что может быть связано с тем, что это относительно «безопасный» и при этом простой (не требующий значительных усилий) для регионов способ продемонстрировать свою активность, не ориентируясь на успех инициативы, так как именно в данной категории законопроектов отзывы со стороны субъектов права законодательной инициативы больше, чем в других.

Кроме того, включение в повестку технических поправок позволяет законодателям формально увеличивать количество принятых инициатив, демонстрируя «работу над законами». Подобная риторика о «приведении законов в соответствие» может использоваться для оправдания малозначимых изменений. Фактическое влияние данных изменений минимально, так как они не рассматриваются как содержательные или политически значимые, не создают новых правил, не затрагивают интересы граждан или бизнеса (не меняют поведение субъектов права) и не требует дополнительных бюджетных расходов. Дебатов, связанных с содержанием данных поправок, нет. Декларативность проявляется в том, что акцент идет на «правильность формулировок», а не на решение конкретной проблемы. Кроме того, депутаты в части стенограмм «ругают» регионы за то, что они не участвуют в обсуждении законопроектов, разработанных ими же¹¹, что косвенно свидетельствует о символичности подобных инициатив.

⁸ О внесении изменения в статью 260 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс]: Законопроект № 192442-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/192442-6> (Дата обращения: 15.06.2025).

⁹ О внесении изменения в статью 74 Лесного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Законопроект № 482318-4. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/482318-4?ysclid=mbz1drkuw9824064850> (Дата обращения: 15.06.2025.).

¹⁰ О внесении изменения в статью 15 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Законопроект № 1082226-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1082226-7?ysclid=mbz1e4baj7366913630> (Дата обращения: 15.06.2025).

¹¹ О внесении изменения в статью 35 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» [Электронный ресурс]: Законопроект № 201810-4. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/201810-4?ysclid=mbz1ejfl9a174630854> (Дата обращения: 15.06.2025.).

При этом любопытно, что авторы данных законопроектов воспринимают их как проблемно-ориентированные, апеллируя к конкретной проблеме, стоящей за изменениями, так как стремятся повлиять на включение ее в политическую повестку.

Большинство законопроектов оказались проблемно-ориентированными (54 %). Это означает, что субъекты РФ воспринимают подобный механизм многоуровневого управления важным для решения их собственных региональных проблем.

Кажется, что и тематика экологической инициативы также может иметь значение, так как некоторые из экологических проблем являются более острыми, чем другие, и имеют более высокий федеральный приоритет, соответственно, вызывают больший интерес у депутатов и одновременно могут иметь большую конфликтность. Поэтому дополнительно был проведен анализ содержания законопроектов на основе их разделения на группы в соответствии с тематикой.

Было выявлено, что доминирующими темами с самими сильными расхождениями в восприятии являются лесные, водные ресурсы, атмосферный воздух, вопросы, связанные с недропользованием, перераспределением полномочий, налогами и защитой животных. Это можно объяснить противоречивыми интересами как участников законодательного процесса, так и заинтересованных сторон. Например, тема освоения недр затрагивает экономические интересы; распределение полномочий/доходов между центром и регионами часто является предметом споров (центр может рассматривать подобные законопроекты как «посыгательство» на федеральную собственность и единую политику); защита животных – это одна из наиболее эмоциональных тем; охрана атмосферного воздуха связана со сложностью мониторинга, регулирования выбросов; лес и вода – это стратегические ресурсы с огромным экономическим потенциалом.

Темами с относительной согласованностью интересов являются экологическая экспертиза (как более техническая сфера с понятными процедурами), а также ООПТ (возможно все субъекты осознают значимость данной темы).

Тема административных правонарушений является одной из умеренных при анализе различий в восприятии. Возможно, депутаты признают существующую проблему нарушений, но существуют разногласия по строгости санкций и их эффективности.

Соответственно, тематика может выступать одним из ключевых факторов конфликта. Вероятность конфликта восприятия между регионами и Государственной думой сильно зависит от темы законопроекта: ресурсные (вода, недра, леса), бюджетные, финансовые и эмоциональные (животные) темы вызывают наибольшие разногласия. С другой стороны, более технические (процедурные) темы менее противоречивы: это темы, связанные с установленными процедурами (экологическая экспертиза) или символически значимыми объектами (ООПТ).

Обсуждение и выводы

Итак, в данном исследовании был проведен содержательный анализ законопроектов, подаваемых регионами в Государственную Думу с целью определения их влияния как внешних акторов на соотношение «символичности» или «проблемно-ориентированности» в обсуждении экологического законодательства.

В целом можно подтвердить утверждение о том, что «законопроекты, которые не имеют серьезной поддержки депутатов или групп интересов (лоббистов), годами не рассматриваются Государственной Думой. За это время их актуальность теряется и их отклоняют», что «свидетельствует об отсутствии надлежащего механизма реализации интересов субъектов РФ в федеральном законодательном процессе» (Сулакшин, Гаганов, 2015). Однако все же это не объясняет до конца саму логику принятия или отклонения законодательных инициатив регионов.

В результате данного исследования было выявлено, что вероятность принятия законодательной инициативы по экологической тематике наиболее высока, если наблюдается полное соответствие восприятия характера инициатив между инициаторами, в данном случае субъектами РФ, и депутатами. Соответственно, низкий процент принятия экологических инициатив может являться следствием не только институциональных барьеров, но и системного конфликта в восприятии законопроектов.

Технические инициативы воспринимаются регионами как проблема (они считают, что устраняют правовой пробел, совершенствуя законодательство), но депутатами – как малозначимая «бумажная» инициатива, поэтому их отклоняют или «замораживают».

Политико-стратегические законопроекты, в свою очередь, регионы подают, выступая в качестве «защитников природы», но депутаты видят в них лишь популистские, декларативные элементы, поэтому принимают только при совпадении с федеральной повесткой.

Проблемно-ориентированные проекты регионов основаны на реальных чрезвычайных ситуациях, но депутаты могут их игнорировать из-за конфликта интересов (например, снижение доходов бюджета), поэтому затягивают рассмотрение.

Одним из главных барьеров, препятствующих принятию законопроекта, является не тип инициативы, а именно расхождение в его восприятии между регионом и депутатами. Можно предположить, что это связано с разными уровнями ответственности, лоббизме на федеральном уровне, нехваткой экспертизы в регионах для проработки механизмов реализации.

Важно подчеркнуть, что признание проблемы со стороны депутатов автоматически не приводит к принятию законопроекта. Большую роль играют конфликт интересов и непроработанность механизмов.

Можно выделить несколько уровней проявления данного конфликта.

Первый уровень – это различия в оценке инициативы, которые проявляются через актуальность проблемы (регионы больше фокусируются на локальных кризисах, а депутаты скорее на системных долгосрочных последствиях того или иного вызова); адекватность механизмов (предлагаемые решения могут игнорировать федеральные ограничения, существующее законодательство); значимость изменений (регионы могут преувеличивать эффект технических правок, а депутаты, наоборот, скорее преуменьшают остроту проблемы).

Второй уровень связан с противоречием в интересах, которые проявляются в борьбе за ресурсы и полномочия и различиями в характере и влиянии предлагаемых изменений (регионы реагируют на текущие кризисы, депутаты думают на перспективу).

Третий уровень – это различия в способах коммуникации, риторике субъектов законодательного процесса. Регионы часто использует риторику «технического символизма» (например, устранение «правовых пробелов»), депутаты, в свою очередь, «эмоциональный символизм» (например, «защита национального достояния»). Подобная символизация может усиливать взаимное непонимание.

Символические высказывания могут выступать катализатором конфликта восприятия. Используя эмоциональную риторику, депутаты переводят дискуссию из проблемно-ориентированной плоскости в ценностную. Внесение технических законопроектов может маскировать имеющиеся политические цели регионов. Соответственно, подобные формы символизации могут мешать содержательной оценке инициатив. Примечательно, что наиболее символически насыщенные темы (лес, вода) имеют и высокую степень конфликта восприятия (60–79 %).

Институциональный дизайн существующей системы управления оказывает влияние на интенсивность этого конфликта. В российской системе с высокой централизацией власти и ориентацией на федеральную повестку расхождения могут усиливаться из-за асимметрии ответственности, роли комитетов как «фильтров» восприятия, лоббистских возможностей на федеральном уровне.

Выявленные закономерности могут оказаться продуктивными для анализа других систем с асимметрией ресурсов, объясняя причины низкой результативности инициатив отдельных акторов законодательного процесса.

Будущие исследования, посвященные выявлению типов и восприятия законодательных инициатив, могут быть связаны с анализом неэкологических законопроектов разных субъектов права законодательной инициативы, исследованием роли комитетов Государственной Думы как условных «фильтров» восприятия, разработкой рекомендаций для регионов по повышению вероятности принятия их законопроектов, анализом успешных кейсов преодоления конфликта восприятия.

Финансовая поддержка:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Список литературы / References

- Иванов, К. К. (2013) ‘К вопросу о применении совместной законодательной инициативы субъектами Российской Федерации’, *MNIZh*, 12-2 (19), сс. 133–134. [Ivanov, K. K. (2013) ‘On the issue of the application of joint legislative initiative by the constituent entities of the Russian Federation’ [K voprosu o primenenii sovmestnoi zakonodatel'noi initsiativy sub"ektami Rossiiskoi Federatsii], *MNIZh*, 12-2 (19), pp. 133–134. (In Russ.)].
- Колесников, Е. В., Пажетных, Д. В. (2009) ‘Участие Совета Федерации в законодательном процессе’, *Конституционное и муниципальное право*, 11. [Kolesnikov', E. V., Pazhetnyh, D. V. (2009) ‘Participation of the Federation Council in the legislative process’ [Uchastie Soveta Federacii v zakonodatel'nom processe], *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 11. (In Russ.)].
- Морозова, А. С. (2018) ‘Особенности реализации права законодательной инициативы в субъектах Российской Федерации’, *Муниципалитет: экономика и управление*, 2 (23), сс. 96–100. [Morozova, A. S. (2018) ‘Features of the implementation of the right of legislative initiative in the constituent entities of the Russian Federation’ [Osobennosti realizatsii prava zakonodatel'noi initsiativy v sub"ekakh Rossiiskoi Federatsii], *Municipalitet: ekonomika i upravlenie*, 2 (23), pp. 96–100. (In Russ.)].
- Помигуев, И. А., Зарипов, Н. А. (2022) ‘Влияние Совета Законодателей на законодательную деятельность региональных легислатур’, *Вестник РУДН. Серия Политология*, 4, сс. 619–633. [Pomiguev, I. A., Zaripov, N. A. (2022) ‘The influence of the Council of Legislators on the legislative activity of regional legislatures’ [Vliyanie Soveta Zakonodatelei na zakonodatel'nyyu deyatel'nost' regional'nykh legislatur], *Vestnik RUDN. Seriya Politologiya*, 4, pp. 619–633. (Accessed: 30.06.2025). (In Russ.)].
- Серова, Ю. В. (2019) ‘Актуальные проблемы законотворческой деятельности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации’, *Право и современные государства*, 6, сс. 22–29. [Serova, Yu. V. (2019) ‘Current issues of legislative activity of legislative (representative) bodies of the con-
- stituent entities of the Russian Federation [Aktual'nye problemy zakonotvorcheskoi deyatel'nosti zakonodatel'nykh (predstavitele'nykh) organov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 6, pp. 22–29. (In Russ.)].
- Сулакшин, С. С., Гаганов, А. А. (2015) *Постсоветский российский парламентаризм взглядом аналитика*. Труды Центра научной политической мысли и идеологии. Вып. № 13. М.: Наука и политика, 48 с. [Sulakshin, S. S., Gaganov, A. A. (2015) *Post-Soviet Russian Parliamentarism through an Analyst's Eye* [Postsovetskiy rossijskij parlamentarizm vzgljadem analitika]. Trudy Centra nauchnoj politicheskoy mysli i ideologii. Vyp. № 13. M.: Nauka i politika, 48 p. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2020) ‘Оспаривание vs коррекция: динамика активности российских регионов в использовании обращений в конституционный суд и законодательной инициативы на федеральном уровне’, *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 12 (4), сс. 541–713. [Sulimov, K. A. (2020) ‘Contestation vs. correction: dynamics of activity of Russian regions in using appeals to the constitutional court and legislative initiatives at the federal level’ [Osparivanie vs korrektsiya: dinamika aktivnosti rossiiskikh regionov v ispol'zovanii obrashchenii v konstitutsionnyi sud i zakonodatel'noi initsiativy na federal'nom urovne], *Ars Administrandi*, 12 (4), pp. 541–713. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2024) ‘Законодательные инициативы российских регионов на федеральном уровне в условиях пандемии COVID-19. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 16(4), сс. 589–607. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-4-589-607> [Sulimov, K. A. (2024) ‘Legislative initiatives of Russian regions at the federal level in the context of the COVID-19 pandemic’ [Zakonodatel'nye initsiativy rossiiskikh regionov na federal'nom urovne v usloviyah pandemii COVID-19], *Ars Administrandi*, 16(4), pp. 589–607. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А., & Турцева, К. П. (2024) ‘Законодательные экологические инициативы регионов России в федеральном парламенте: политико-стратегическая

- эффективность или проблемно-ориентированный подход?’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 18(4), сс. 111–127. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-111-127>
- [Sulimov K. A. & Turtseva Ch. P. (2025) ‘Legislative environmental initiatives of Russian regions in the federal parliament: political-strategic effectiveness or issue-related approach? [Zakonodatel'nye ekologicheskie initsiativy regionov Rossii v federal'nom parlamente: politiko-strategicheskaya effektivnost' ili problemno-orientirovannyi podkhod?], Bulletin of Perm University. Political Science, 18(4), pp. 111–127. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-111-127> (In Russ.)].
- Удычак Ф. Н., Чеботарева И. Ю. (2016) ‘Реализация права законодательной инициативы субъектов Российской Федерации’, *НАУ*, 10-1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prava-zakonodatelnoy-initsiativy-subektov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 30.06.2025) [Udychak F. N., Chebotareva I. Yu. (2016) ‘Implementation of the right of legislative initiative of the constituent entities of the Russian Federation’ [Realizatsiya prava zakonodatel'noi initsiativy sub"ektov Rossiiskoi Federatsii], *NAU*, 10-1 (26). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prava-zakonodatelnoy-initsiativy-subektov-rossiyskoy-federatsii> (Accessed: 30.06.2025) (In Russ.)].
- Behnke, N., Mueller, S. (2017) ‘The purpose of intergovernmental councils: A framework for analysis and comparison’, *Regional and Federal Studies*, 27 (5), pp. 507–527.
- Campbell, R. M. (1993) ‘Symbolic regulation: the case of third-party regulation of Canada Post’, *Canadian Public Policy – Analyse de Politiques*, 19(3), pp. 325–339.
- Dwyer, J. P. (1990) ‘The pathology of symbolic legislation’, *Ecology Law Quarterly*, 17, 233–316.
- Edelman, M. (1976) *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press.
- Ferraro, F. (2022) ‘Deception and Expression: The Puzzling Rationality of Symbolic Legislation’. In: Ferraro, F., Zorzetto, S. (eds) *Exploring the Province of Legislation*. Legisprudence Library, vol. 9. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-87262-5_6
- Gandhi, J. (2008) *Political institutions under dictatorship*. Cambridge University Press.
- Huffman, N., Kane J, Stack D. (2025) “Worth a Try? The Electoral Consequences of Symbolic Legislation”, APSA Preprints. doi: 10.33774/apsa-2025-ds4h5.
- Klink, van B. (2016) ‘Symbolic legislation: An essentially political concept, in Klink van B., Beers, van B. and Poort, L. (eds.), *Symbolic legislation theory and developments in biolaw*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 19–35, https://doi.org/10.1007/978-3-319-33365-6_2.
- Lembcke, O. W. (2016) ‘Symbolic Legislation and Authority’ In: van Klink, B., van Beers, B., Poort, L. (eds) *Symbolic Legislation Theory and Developments in Biolaw*. Legisprudence Library, vol. 4. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-33365-6_6
- Levitsky, S., Way, L. A. (2010) *Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War*. Cambridge University Press.
- Newig, J. (2007) ‘Symbolic environmental legislation and societal self-deception’, *Environmental Politics*, 16 (2), pp. 276–296, DOI: 10.1080/09644010701211783
- Noble, B. (2019) ‘Regional legislatures and national lawmaking’, *The Journal of Legislative Studies*, 25 (1), pp. 143–147. DOI: 10.1080/13572334.2019.1570597
- Palermo, F. (2018) ‘Beyond Second Chambers: Alternative Representation of Territorial Interests and Their Reasons’, *Perspectives on Federalism*, 10 (2), pp. 49–70.
- Schedler, A. (2013) *The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism*. Oxford University Press.
- Schwitters, R. (2016) ‘How Law Matters: Sociological Reflections on the Symbolic Dimension of Legislation’ In: van Klink, B., van Beers, B., Poort, L. (eds) *Symbolic Legislation Theory and Developments in Biolaw*. Legisprudence Library, vol. 4. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-33365-6_4
- Tremblay, J.-F. (ed.) (2023). *The Forum of Federations Handbook of Fiscal Federalism*. Springer Nature. 483 p.
- Vgl. Thurman W. Arnold, (1938) *The Symbols of Government*. New Haven: Yale University Press.
- Witteveen, W. J. (1999) ‘Significant, symbolic and symphonic laws’, in H. van Schooten (ed.), *Semiotics and Legislation. Jurisprudential, Institutional and Sociological Perspectives*, pp. 27–70. (Liverpool: Charles).

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025
Статья принята к печати: 30.10.2025

**SYMBOLIC VS. ISSUE-RELATED LEGISLATION IN ENVIRONMENTAL SPHERE:
INSTITUTIONAL CONSEQUENCES OF THE PERCEPTION CONFLICT
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN REGIONS)**

Ch. Turtseva

Christina Turtseva, Candidate of Sciences (in Politics), Senior Lecturer, Junior Research Fellow,
Department of Political Sciences,
Perm State University, Perm, Russia.
Email: burdina.k@bk.ru (ORCID: 0000-0003-2109-7772).

Abstract

The Russian Federation employs a mechanism of multi-level governance whereby regional parliaments hold the right of legislative initiative in the federal legislature. Regions face no thematic restrictions on proposals, and their initiatives undergo the same legislative procedure as those from other actors. However, bills submitted by regional entities are frequently postponed and subsequently rejected by the State Duma. This pattern is particularly pronounced in the environmental sphere: despite procedural parity, over 90% of regional environmental initiatives are rejected, with 63% undergoing consideration for more than one year –significantly longer than initiatives on other topics. This study employs the theoretical lens of symbolic legislation to examine how perceptual discrepancies regarding environmental initiatives among legislative actors (regional initiators vs. federal deputies) influence their adoption likelihood. Through analysis of 416 regional environmental initiatives (2004–2022), their explanatory notes, and plenary session transcripts, we demonstrate that a systemic misalignment in bill-type perception (symbolic vs. issue-related) constitutes the primary barrier to adoption. Empirically, when perceptual alignment is achieved, adoption probability reaches 55–100%. Existing institutional practices – notably power centralization and committee gatekeeping – amplify perceptual conflicts, transforming them into systematic filters for regional initiatives. Crucially, our findings reveal that an initiative’s fate depends not on its formal type, but on actor-level perceptual (mis)alignment. This insight uncovers a key mechanism behind regional initiative failure in multi-level governance systems.

Keywords: symbolic legislation; issue-related legislation; environmental legislation; State Duma; regions’ right of legislative initiative; regional environmental legislative initiatives; Russian regions.

Financial support: The research was carried out at the expence of the grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, at Perm State University.

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-64-73

РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И. А. Помигуев, Д. И. Федосейкин

*Помигуев Илья Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, заведующий лабораторией парламентских и законотворческих исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва; научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва.
E-mail: pomilya@mail.ru (ORCID: 0000-0003-3068-5664).*

*Федосейкин Дмитрий Игоревич, аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: dimafedosikin@gmail.com (ORCID: 0009-0003-4833-8940).*

Аннотация

Бюджетный процесс служит ярким примером политической борьбы между политическими акторами, результатом которой является перераспределение государственных ресурсов. В нем наиболее показательно проявляются все особенности баланса сил между законодательной и исполнительной властью, которые можно рассматривать в сравнительной перспективе. Одним из наиболее интересных направлений с точки зрения исследований взаимодействия ветвей власти можно признать постсоветские страны. Здесь, несмотря на общее институциональное наследие, представлены разные модели такого взаимодействия, что особенно наглядно проявляется в организации бюджетного процесса. Статья направлена на выявление роли законодательной и исполнительной ветвей власти в бюджетном процессе постсоветских стран. В качестве методической основы исследования используется индекс бюджетных полномочий И. Венера (Index of Legislative Budget Institutions), модифицированный авторами с учетом специфики постсоветских государств. Он включает оценку по шести параметрам: полномочия парламента по внесению поправок в бюджет; последствия его непринятия; степень гибкости исполнительной власти на стадии исполнения бюджета; время парламентского рассмотрения бюджета; роль профильных комитетов; доступ к независимой бюджетной информации. Для расчета показателей применялись данные Опроса открытости бюджета (International Budget Partnership), базы Межпарламентского союза, национальных нормативных актов и официальных документов. Результаты эмпирического анализа по пятнадцати странам постсоветского пространства выявили значительную вариативность в уровне парламентского контроля за бюджетным процессом, который во многом зависит от особенностей политического режима, степени институционализации парламентов, развитости неформальных практик принятия решений, а также международного контекста.

Ключевые слова: бюджетный процесс; индекс бюджетных полномочий; постсоветские страны; взаимоотношения исполнительной и законодательной власти; Опрос открытости бюджета; парламентский контроль.

Введение

Бюджетная система СССР имела ряд особенностей, отличающих ее от бюджетных моделей большинства других государств (Guess, Savage, 2021). Прежде всего она характеризовалась высокой степенью централизации, при которой все финансовые потоки контролировались в рамках плановой экономики. Такая система не имела возможности гибкой корректировки, а аналитика бюджетных

расходов была развита слабо (Ermasova, Guzman, Seka, 2021). Дж. Майкселл и Д. Маллинз отмечали, что переход от советской модели бюджетирования был медленным и фрагментированным: реформам подверглись механизмы исполнения и контроля, однако этапы подготовки бюджета и стратегического планирования в значительной степени сохранили черты прежней системы (Mikesell, Mullins, 2001).

В любом случае новым независимым государствам, возникшим после распада СССР, пришлось строить новую систему бюджетного процесса, которая бы признавала необходимость парламентского контроля в отношении бюджета, что является основой принципа разделения властей и фундаментом функционирования многих демократических государств (Wehner, 2010). Однако баланс сил между основными политическими акторами в разных странах складывался по-разному: в одних режимах доминирующее положение занял президент как центральный политический актор, в других – более широкая коалиция политических элит. Организация бюджетного процесса в этом контексте выступает отражением распределения власти между политическими акторами. Как отмечает А.С. Кошель, «каждая страна принимает такое законодательство, регулирующее бюджетный процесс, которое отражает политico-правовое состояние ее общества, а также баланс взаимоотношений исполнительной и законодательной власти» (Кошель, 2025: 157).

Таким образом, несмотря на общее институциональное наследие, постсоветские страны могут демонстрировать значительное разнообразие моделей взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в рамках бюджетного процесса. С момента обретения независимости государствами постсоветского пространства прошло почти тридцать пять лет, что позволяет делать обоснованные выводы об уровнях государственности, институционализации и режимных особенностях не переходного, а вполне устойчивого характера (Борисов, 2023).

В этой связи вопрос выявления различий в институциональном развитии постсоветских государств становится важным для понимания процесса эволюции их политических режимов (Мадьяр, Мадлович, 2022; Шкель, 2013; Levitsky, Way, 2010). Распределение полномочий и соотношение влияния двух ветвей власти в рамках бюджетного процесса служат индикаторами политического баланса сил и позволяют судить о механизмах функционирования режима в целом. Более того, такой подход дает возможность критически переосмыслить устойчивое представление о маргинальной роли парламентов в политике постсоветских стран (Waller, 2024), продемонстрировав, что степень парламентского влияния на бюджетный процесс является не только эмпирически измеримой, но и значительно варьируется от страны к стране.

В условиях постсоветских государств неформальные связи элиты часто могут преобладать над формальными институтами и процедурами, поэтому следует критически переосмыслить существующие исследовательские подходы. Тем важнее становится задача разработки методического инструментария, который бы позволил сравнивать модели взаимодействия исполнительной и законодательной власти в бюджетном процессе этих стран, объяснить возникающие различия.

Сравнительные параметры индекса бюджетных полномочий

В профильной литературе отсутствует консенсус относительно оптимального объема полномочий законодательной и исполнительной власти в бюджетном процессе. С одной стороны, расширенные парламентские полномочия могут рассматриваться как фактор риска для стабильности и последовательности экономической политики, проводимой правительством. С другой стороны, подчеркивается важная роль парламента в обеспечении подотчетности исполнительной власти и функционировании системы сдержек и противовесов в демократических режимах (Kim, 2019; Rios, Bastida, Benito 2018).

Однако интерес исследователей к организации бюджетного процесса усилился с распространением идеи о том, что такие макроэкономические показатели, как дефицит бюджета или соотношение госдолга к ВВП, могут объясняться не только экономической конъюнктурой, но и институциональными особенностями самого бюджетного процесса (Alesina et al., 1999; Gleich, 2003; Hagen, 2006; Wehner, 2010).

Так, в исследовании А. Алесины и соавторов бюджетные процедуры подразделяются на «иерархические» и «коллегиальные». «Иерархические» процедуры предполагают жесткие рамки при составлении бюджета, ограниченную возможность его пересмотра и наличие правил, препятствующих росту дефицита. Напротив, «коллегиальные» процедуры предполагают большую гибкость и возможность значительной корректировки проекта бюджета в ходе обсуждения.

Эмпирический анализ стран Латинской Америки показал, что наличие более иерархичных процедур статистически значимо связано с меньшим уровнем бюджетного дефицита (Alesina et al., 1999).

Аналогичным образом Дж. Хаген и М. Халлерберг выделяют два подхода к институциональному содержанию бюджетного процесса: делегирующий подход (*delegation approach*) и договорной подход (*contracts approach*). Первый предполагает концентрацию стратегических бюджетных полномочий у одного ключевого актора (чаще всего у министра финансов), второй – выработку бюджетных параметров через коллективные переговоры внутри исполнительной власти и с парламентом (Hagen, Hallerberg 1998). Также влияние правил бюджетного процесса, ограничивающих полномочия парламентариев или запросы министерств, на уровень бюджетного дефицита было продемонстрировано на примере стран Центральной и Восточной Европы в переходный период 1994–1998 годов (Gleich, 2003).

Один из результатов данных исследований заключается в необходимости учитывать организацию бюджетных институтов на всех стадиях бюджетного цикла: при формировании проекта бюджета, его рассмотрении и утверждении парламентом, а также на этапе исполнения (Kim, 2015). На каждом из этих этапов существуют развики институционального выбора, которые могут влиять на структуру и сбалансированность бюджета (Gleich, 2003; Wehner, 2010).

Поскольку главной ареной столкновения исполнительной и законодательной власти оказывается стадия рассмотрения и утверждения проекта бюджета, значительная часть научных исследований сосредоточена на изучении парламентских полномочий (Wehner, 2010; Kim, 2015; Kim, 2019). Роль парламента в бюджетном процессе представляет интерес для сравнительных политических исследований, что обуславливает появление различных индексов, оценивающих парламентское влияние на бюджет и, таким образом, позволяющих сравнивать различные страны по этому показателю.

У. Крафчик и И. Венер предложили двухуровневую структуру анализа влияния законодательного органа на бюджетный процесс. На первом уровне оцениваются формальные полномочия парламента, на втором – факторы, определяющие эффективность его внутренней работы: роль профильных комитетов в рассмотрении законопроекта о бюджете, время, выделенное на его изучение, модель координации между комитетами, а также доступ к независимой экспертизе и информации (Krafchik, Wehner, 1998). Таким образом, исследователи продемонстрировали, что наличие у законодательного органа формальных полномочий вносить поправки в бюджет еще не гарантирует эффективную реализацию этого права (*Ibid.*: 519).

В дальнейшем И. Венер разработал индекс бюджетных полномочий (*Index of Legislative Budget Institutions*) парламента, позволяющий оценить как формальные полномочия, так и организационную способность законодательного органа контролировать бюджетный процесс. Индекс включает оценку по шести параметрам (Wehner, 2006).

1. *Полномочия парламента по внесению поправок в проект бюджета.* В рамках этого критерия оценивается степень, в которой парламент может внести изменения в законопроект о бюджете, представленный исполнительной властью. Ранее при сравнительной оценке парламентов в бюджетном процессе исследователи также обращали внимание преимущественно на этот критерий. Например, согласно классификации бюджетных полномочий парламентов, сформулированной В.С. Назаровым, О.В. Богачевым и Т.В. Фокиной, в части внесения изменений в правительственный проект закона о бюджете могут быть выделены парламенты:

- с неограниченными полномочиями (право увеличивать или уменьшать объемы бюджетных доходов и расходов);
- ограниченными полномочиями (возможность внесения поправок при условии сохранения предложенного органами исполнительной власти бюджетного дефицита или профицита);
- запретительными полномочиями (законодательный орган не может вносить поправок в проект бюджета) (Назаров, Богачева, Фокина, 2014: 56).

2. *Полномочия исполнительной власти в случае непринятия бюджета.* Данный критерий отражает степень свободы исполнительной власти в условиях, когда парламент отклоняет проект закона о бюджете. Возможные последствия непринятия варьируются: от полного прекращения финансирования деятельности государства, что ставит исполнительную власть в жесткую зависимость от законодательного органа, до автоматического введения в действие проекта бюджета, предложенного исполнительной властью, по истечении установленного периода времени.

3. *Полномочия исполнительной власти на стадии исполнения бюджета.* Данный критерий оценивает степень гибкости, с которой исполнительная власть может изменять бюджетные параметры

в период исполнения бюджета после его утверждения законодательным органом. В частности, он включает оценку прав правительства по перераспределению ассигнований между бюджетными статьями и программами, а также механизмов реагирования на отклонения от плановых показателей. Ключевыми аспектами являются возможности использования дополнительных, незапланированных бюджетных доходов без санкции парламента и, напротив, сокращения утвержденных расходов в условиях недополучения доходов. Таким образом, данный показатель позволяет выявить, насколько исполнительная власть сохраняет автономию в управлении бюджетом после завершения законодательной фазы.

4. *Время, отведенное на обсуждение бюджета в парламенте.* Одним из индикаторов парламентского влияния выступает длительность рассмотрения бюджета: более короткие сроки зачастую свидетельствуют о низкой степени парламентской автономии. Как отмечает А.С. Кошель, «международный опыт показывает, что для детального анализа проекта бюджета парламенту необходимо по меньшей мере три месяца» (Кошель, 2025: 159). Оценка по данному параметру включает в себя как формально установленные законом сроки представления проекта бюджета в парламент, так и фактическое время, которым парламентарии располагают для работы с документом, поскольку эти показатели могут существенно различаться.

5. *Полномочия профильного парламентского комитета.* Данный критерий позволяет оценить институциональную роль парламентских комитетов в процессе рассмотрения и контроля бюджета. Центральное внимание уделяется профильному комитету по бюджету: способен ли он обеспечивать парламенту реальное влияние на бюджетный процесс и в какой мере другие отраслевые комитеты вовлечены в работу над проектом главного финансового закона страны? Возможные варианты варьируются от отсутствия специализированного комитета до сложных моделей, при которых комитет по бюджету агрегирует поправки, подготовленные другими комитетами.

6. *Доступ к бюджетной информации.* Данный критерий отражает степень обеспеченности законодательного органа информационными и экспертными ресурсами, необходимыми для осуществления надзора за бюджетным процессом. Особое внимание уделяется наличию у парламента доступа к независимой экспертизе и аналитическим центрам, способным предоставить альтернативную оценку проекту бюджета. Таким образом, данный показатель позволяет оценить, в какой мере законодательная власть располагает возможностями для анализа бюджетных данных, представленных исполнительной властью.

Отметим, что представленные переменные отражают в основном степень институционального влияния законодательной и исполнительной ветвей власти в бюджетном процессе, при этом отдельные политические особенности не учитываются. Так, например, особенности политического режима и формы правления, лоббистские ресурсы, уровень партийной конкуренции, профессиональные компетенции депутатов и аппарата, парламентский дискурс и другие критерии могут являться значимыми для понимания степени влияния на бюджетный процесс. Более того, это потенциально именно те параметры, которые можно добавлять в индекс, чтобы описывать влияние политических акторов на бюджетный процесс.

Однако в рамках изучения бюджетных полномочий представленный список критериев представляется достаточным для понимания институционального веса ветвей власти. Методология была апробирована И. Венером на 27 странах ОЭСР на основе опроса их представителей (Wehner, 2006). В дальнейшем на основе индекса И. Венера Ч. Ким расширил выборку исследования до 60, а затем до 70 стран, подтвердив применимость его индикаторов к более широкому кругу государств (Kim, 2015; Kim, 2019).

В текущей модификации Ч. Кима индекс бюджетных полномочий может быть использован и в рамках представленного исследования. Он позволяет определить соотношение власти между законодательными и исполнительными органами в бюджетном процессе: высокие значения указывают на преобладание в бюджетном процессе законодательного органа, тогда как при низких значениях большая власть сосредоточена у органов исполнительной власти (Kim, 2019: 131).

Данные и методика оценки индекса бюджетных полномочий

Для анализа взаимодействия законодательной и исполнительной власти в бюджетном процессе использовалась комбинация из источников международных организаций и национальных нормативно-правовых документов. Наиболее систематизированным источником является Опрос открытости бюджета (Open Budget Survey), проводимый организацией International Budget Partnership¹. Ос-

¹ Open Budget Survey [online]. Available at: <https://internationalbudget.org/open-budget-survey/> (Accessed: 01September 2025).

новное внимание в рамках этого исследования уделяется вопросам доступности информации о бюджете для граждан и функционированию механизмов прозрачности, однако структура опросника также включает блоки, непосредственно относящиеся к полномочиям парламента, работе комитетов и срокам рассмотрения бюджета. Эти элементы делают данные релевантными для анализа парламентского участия в бюджетном процессе. Преимуществом опроса является унифицированная методология для всех стран, что обеспечивает сопоставимость показателей. Кроме того, ответы государственных представителей проходят экспертную верификацию и корректируются на основе анализа достоверности и официальных документов, что является отличием от аналогичных опросов ОЭСР, результаты которых могут быть подвергнуты корректировке со стороны участвующих стран (Wehner, De Renzio, 2013). Последний раунд исследования был проведен в 2023 году и охватывает девять постсоветских стран из пятнадцати.

Дополнительным источником данных выступает база Межпарламентского союза (Inter-Parliamentary Union, IPU), которая предоставляет сведения о законодательных полномочиях парламентов, сроках представления и утверждения бюджета, а также о наличии независимой финансовой экспертизы². В отличие от OBS, данные IPU основываются на информации, предоставляемой самими парламентами, что ограничивает их аналитическую ценность, однако они позволяют закрыть пробелы и дополнить картину.

В случаях, когда ни OBS, ни IPU не давали полной информации, использовались национальные официальные источники, включая Конституции, Бюджетные кодексы и регламенты парламентов постсоветских стран. Такой подход позволил комплексно оценить институциональные особенности бюджетного процесса, минимизируя риск пропусков.

Для целей исследования анализировались следующие параметры. Полномочия по внесению поправок к проекту бюджета оценивались на основе данных IPU Parline и вопросов OBS № 110 и 111, которые позволяют сопоставить формально закрепленные права парламента с практикой их применения. Баллы выставлялись по шкале от 0 до 10: от ситуации, когда парламент может лишь одобрить или отклонить проект в целом (0), до возможности свободно пересматривать проект бюджета (10), с промежуточными значениями для ограниченных форм поправок.

Последствия непринятия бюджета определялись по положениям национальных бюджетных кодексов. Здесь также использовалась шкала от 0 до 10: от автоматического вступления в силу проекта бюджета, предложенного исполнительной властью (0), до полной невозможности осуществления расходов до утверждения бюджета парламентом (10).

Полномочия исполнительной власти на стадии исполнения бюджета анализировались через вопросы OBS № 115–117, посвященные перераспределению средств, использованию дополнительных доходов и сокращению расходов, а также через положения национальных нормативных актов. Каждое из трех измерений оценивалось по бинарной шкале (0, если исполнительная власть может действовать без одобрения парламента, и 2,5, если требуется предварительное согласие парламента), а также 2,5 балла ставилось, если в стране не существовало правительственного резервного фонда, расходы в котором не подконтрольны парламенту, что суммарно формирует показатель до 10 баллов.

Время рассмотрения бюджета оценивалось на основе данных IPU и вопросов OBS № 108–109, которые фиксируют момент внесения проекта бюджета и сроки его утверждения. Баллы распределялись по шкале от 0 до 10 в зависимости от того, за сколько месяцев до начала нового финансового года парламент получает проект бюджета: фактически балл означает количество месяцев, которые есть у парламента на рассмотрение бюджета до наступления нового финансового года.

Работа парламентских комитетов анализировалась через вопросы OBS № 112–114, позволяющие определить роль профильного бюджетного комитета и отраслевых комитетов. Баллы присваивались от 0 (отсутствие профильного комитета) до 10 (наличие профильного бюджетного комитета, который совместно с отраслевыми комитетами участвует в рассмотрении бюджета).

Наконец, доступ к бюджетной информации оценивался через вопрос OBS № 103, касающийся наличия независимого фискального института (IFI), а также через данные IPU и национальные источники. Стоит также отметить базу данных ОЭСР, содержащую информацию о независимых фискальных институтах (в отношении Латвии, Эстонии, Литвы)³. Баллы выставлялись по бинарной шкале, в которой 0 – это отсутствие специализированной структуры, а 10 – наличие такой структуры.

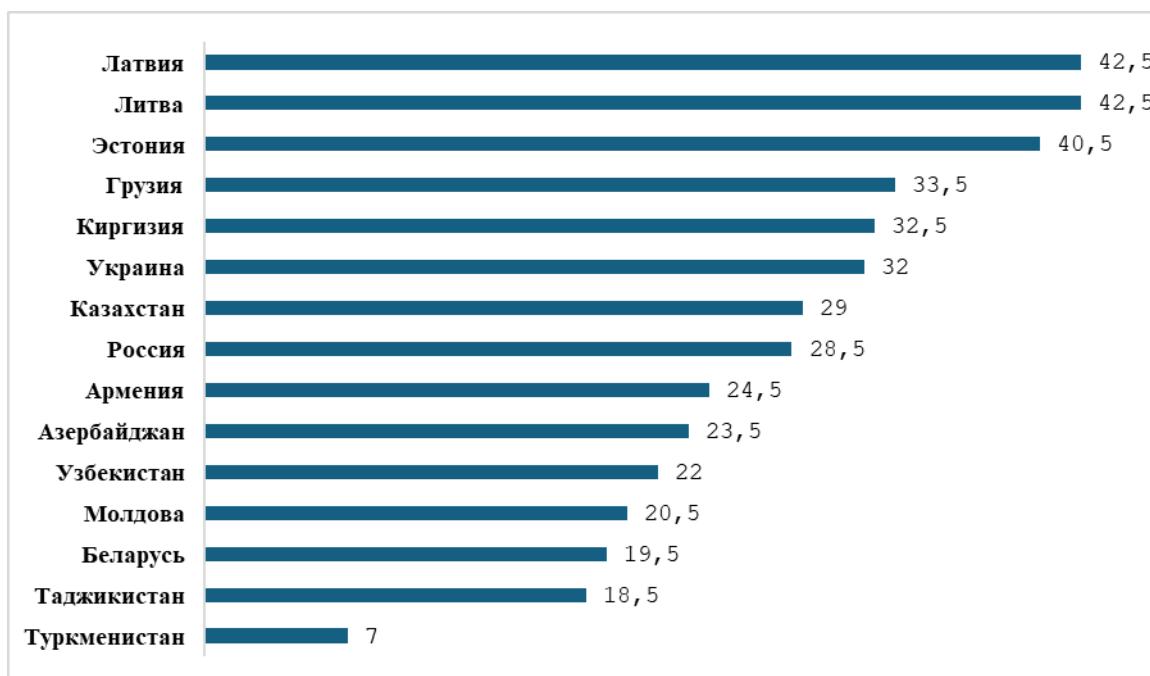
² Parline – Global data on national parliaments [online]. Available at: <https://data.ipu.org/> (Accessed: 01 September 2025).

³ Parliamentary budget offices and independent fiscal institutions [online], OECD. Available at: <https://www.oecd.org/en/topics/parliamentary-budget-offices-and-independent-fiscal-institutions.html> (Accessed: 01 September 2025).

В совокупности использование этих источников позволило сформировать единый сравнительный индекс бюджетных полномочий парламентов постсоветских стран. Для итогового значения индекса были просуммированы значения по категориям. Для стран, не охваченных последним раундом OBS, использовались данные IPU и национальных правовых документов, что обеспечивает максимально возможную полноту охвата и сопоставимость показателей.

Результаты

Эмпирические результаты расчетов индекса демонстрируют значительную вариативность между постсоветскими странами в части влияния парламентов на бюджетный процесс (рисунок).

Рис. Результаты расчета индекса бюджетных полномочий
(составлено авторами на основе анализа официальных документов,
данных Опроса открытости бюджета (OBS), базы данных Межпарламентского союза (IPU))

Во-первых, по критерию полномочий по внесению поправок заметное число стран получили максимальную оценку (10 баллов). Формально это отражает широкие конституционные или законодательные права парламентов изменять проект бюджета, представленный исполнительной властью. К таким странам относятся Латвия, Литва, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Украина, Армения. Однако проведенный анализ показывает, что на практике эти полномочия часто ограничиваются дополнительными механизмами контроля со стороны исполнительной власти. В ряде случаев парламент юридически обладает правом внесения поправок, но обязан согласовывать их с правительством, что существенно снижает значение данного полномочия и сводит его к формальной норме.

Во-вторых, в отношении последствий непринятия бюджета выявляется высокая степень унифицированности. Практически во всех странах региона, за исключением Туркменистана, действует система, при которой в случае непринятия нового бюджета продолжает действовать бюджет предыдущего года. Такой механизм обеспечивает стабильность функционирования государственных институтов, но одновременно лишает парламент рычага давления, так как отказ утвердить бюджет не создает для правительства угрозы блокировки финансирования. Выявленный в ходе исследования факт распространенности практики продления действия бюджета предыдущего года в постсоветских странах может быть интерпретирован как часть более широкой тенденции диффузии авторитарных практик в регионе. В данном случае речь идет о заимствовании институциональных механизмов, которые ограничивают автономию парламентов и снижают их способность оказывать влияние на бюджетный процесс. Такой подход согласуется с выводами Е. Лемона и О. Антонова, указывающих на процессы «авторитарной правовой гармонизации» на постсоветском пространстве, когда государства перенимают и адаптируют друг у друга эффективные практики (Lemon, Antonov, 2020).

В-третьих, показатель гибкости исполнительной власти при исполнении бюджета демонстрирует значительные различия. При этом во всех странах существуют аналоги резервных фондов, находящихся вне парламентского контроля. Их размеры и формы варьируются: в ряде случаев речь идет о сравнительно небольших суммах, в других – о масштабных ресурсах, напрямую связанных с доходами от добычи полезных ископаемых. Особенно это характерно для Казахстана, Азербайджана и Туркменистана, где значительная часть государственных финансов аккумулируется во внебюджетных фондах (например, в Национальном фонде Казахстана), использование которых регулируется исключительно исполнительной властью (Franke, Gawrich, Alakbarov, 2009).

В-четвертых, по критерию времени на рассмотрение бюджета выявлен общий тренд на ограниченные сроки обсуждения. Максимальная продолжительность рассмотрения в постсоветских странах составляет три месяца. При этом в отдельных случаях сроки могут дополнитель но сокращаться под влиянием чрезвычайных обстоятельств.

В-пятых, во всех странах региона существуют специализированные бюджетные комитеты парламентов. Однако их реальное влияние на бюджетный процесс и взаимодействие с отраслевыми комитетами различаются. В одних случаях бюджетный комитет аккумулирует предложения и координирует участие других комитетов (например, в Латвии или России), в других он остается единственным органом, рассматривающим проект бюджета, что существенно снижает возможности для парламентского контроля (Азербайджан, Армения, Узбекистан). Кроме того, различается степень открытости их работы: публикация отчетов и рекомендаций перед голосованием по бюджету происходит не всегда, что следует из данных OBS.

Наконец, доступ к независимой бюджетной информации остается ограниченным в большей части региона. Специализированные аналитические структуры, предоставляющие парламентам независимую экспертизу, существуют только в Латвии, Эстонии, Литве и Грузии. В остальных странах депутаты либо вовсе лишены возможности пользоваться независимой оценкой, либо вынуждены полагаться на данные, предоставляемые самим правительством, что снижает качество парламентского контроля.

Детализированная оценка по значениям категорий индекса представлена в таблице.

Детализированные значения по категориям индекса бюджетных полномочий

Страна	Полномочия по внесению поправок	Времен-ный бюджет	Гибкость исполнительной власти при исполнении	Время на рассмотрение	Возможности комитетов	Доступ к бюджетной информации	Ито-го
Латвия	10,0	5,0	7,5	2,5	7,5	10,0	42,5
Литва	10,0	5,0	7,5	2,5	7,5	10,0	42,5
Эстония	7,5	5,0	7,5	3,0	7,5	10,0	40,5
Грузия	–	5,0	7,5	3,0	8,0	10,0	33,5
Кыргызстан	10,0	5,0	7,5	2,0	8,0	–	32,5
Украина	10,0	5,0	6,0	3,5	7,5	–	32,0
Казахстан	10,0	5,0	5,0	3,0	6,0	–	29,0
Россия	5,0	5,0	7,5	3,0	8,0	–	28,4
Армения	10,0	5,0	2,5	2,0	5,0	–	24,5
Азербайджан	7,5	5,0	5,0	1,0	5,0	–	23,5
Узбекистан	10,0	5,0	–	2,0	5,0	–	22,0
Молдова	5,0	5,0	2,5	0,5	7,5	–	20,4
Беларусь	5,0	5,0	–	2,0	7,5	–	19,4
Таджикистан	5,0	5,0	2,5	1,0	5,0	–	18,5
Туркменистан	–	–	–	2,0	5,0	–	7,0

Источник данных: составлено авторами на основе анализа официальных документов, данных Опроса открытости бюджета (OBS), базы данных Межпарламентского союза (IPU).

Заключение

Прежде, чем делать обобщения относительно полученных результатов, стоит отметить, что применяемый в работе индекс бюджетных полномочий фиксирует текущее распределение полномочий и организационных возможностей парламентов, не учитывая динамику изменений во времени. Таким образом, на нынешнем этапе индекс следует рассматривать как «срез» современного состояния бюджетных институтов постсоветских стран, но не как инструмент анализа траекторий их эволюции.

Сравнительный анализ показывает, что различия в силе парламентов в бюджетном процессе на постсоветском пространстве тесно связаны с политико-институциональными особенностями конкретных стран. Высокие показатели (Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Кыргызстан, Украина) во многом объясняются либо устойчивой демократизацией и институционализацией парламента (страны Балтии), либо наличием высококонкурентной политической среды и сильных оппозиционных фракций (Украина, Кыргызстан, частично Грузия). В этих случаях парламент сохраняет определенную автономию и способность использовать бюджетный процесс как инструмент контроля над исполнительной властью. Данные также демонстрируют, что важным оказывается фактор международного давления и интеграции: членство в ЕС стимулировало Балтийские страны к повышению прозрачности бюджетных процедур.

Следует подчеркнуть, что случай Кыргызстана с его высокой оценкой в индексе бюджетных полномочий в определенной мере выбивается из общих тенденций политического развития региона Центральной Азии. Вероятнее всего, здесь значительную роль играют неформальные механизмы принятия решений, которые нивелируют значение сильных формальных полномочий парламента и ограничивают их практическую реализацию.

Низкие показатели (Молдова, Беларусь, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) отражают консолидацию исполнительной власти и слабую институционализацию парламентов. В этих странах законодательные органы, как правило, обладают ограниченными ресурсами для анализа бюджета, не располагают независимой экспертизой и практически не имеют политической автономии от правящей элиты. Особенно показательны примеры Туркменистана и Молдовы. В первом случае парламент играет номинальную роль в бюджетном процессе, а все ключевые решения принимаются исполнительной властью. Молдавский пример показывает, что формальные институты, зафиксированные в индексе бюджетных полномочий, не отражают тенденций демократизации в стране, что указывает на потенциальную уязвимость и институциональную хрупкость текущего режима.

Таким образом, проведенное исследование показало, что парламентское влияние на бюджетный процесс в постсоветских странах остается крайне неоднородным и во многом определяется политическим режимом, степенью институционализации парламентов и международным контекстом. Несмотря на формальное наличие у многих парламентов широких полномочий, их практическая реализация часто ограничивается доминированием исполнительной власти и отсутствием независимых инструментов экспертизы у законодательной.

Полученные результаты подтверждают, что конкурентные политические системы создают условия для более значимого участия парламентов в бюджетном процессе, что можно рассматривать как один из инструментов поиска компромиссов и легитимации решений, в то время как менее конкурентные системы сохраняют тенденцию к концентрации бюджетных полномочий в руках исполнительной власти.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10163 (<https://rscf.ru/project/24-78-10163/>) в Финансовом университете при Правительстве РФ.

Список литературы / References

- Борисов, Н. А. (2023) ‘Тридцать лет постсоветских исследований в российской политической науке: тренды и перспективы’, *Политическая наука*, 4, сс. 15–55. [Borisov, N. A. (2023) ‘Thirty years of post-Soviet studies in Russian political science:

trends and prospects’ [Tridtsat’ let postsovetskikh issledovanii v rossiiskoi politicheskoi nauke: trendy i perspektivy], *Political science (RU)*, 4, pp. 15–55. (In Russ.)].

- Кошель, А. С. (2025) *Парламентские процедуры в России: Конституционные стандарты*

- ты. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. [Koshel, A. S. (2025) *Parliamentary procedures in Russia: constitutional standards* [Parlamentskie protsedury v Rossii: Konstitutsionnye standarty]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)].
- Мадьяр, Б., Мадлович, Б. (2022) *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. М.: Новое лит. обозрение. Т. 1, 744 с. [Magyar, B., Madlovich, B. (2022) *Post-communist regimes. Conceptual framework* [Postkommunisticheskie rezhimy. Kontseptual'naya struktura]. Moscow: New Literary Observer. Vol. 1. 744 p. (In Russ.)].
- Назаров, В. С., Богачева, О. В., Фокина, Т. В. (2014) ‘Роль законодательных органов власти в рассмотрении и утверждении проекта государственного бюджета’, *Финансовый журнал*, 4, сс. 55–65. [Nazarov, V. S., Bogacheva, O. V., Fokina, T. V. (2014) ‘The role of legislative bodies in reviewing and approving the draft state budget’ [Rol' zakonodatel'nykh organov vlasti v rassmotrenii i utverzhdenii proekta gosudarstvennogo byudzheta], *Financial journal*, 4, pp. 55–65. (In Russ.)].
- Шкель, С. Н. (2013) *Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе*. Уфа: Гилем, Башк. энцикл. 352 с. [Shkel, S. N. (2013) *Post-Soviet authoritarianism in comparative perspective* [Postsovetskiy avtoritarizm v sravnitel'noi perspektive]. Ufa: Gilem, Bashkir Encyclopedia. 352 p. (In Russ.)].
- Ahmadov, A. K. (2019) ‘How oil autocracies learn to stop worrying: Central Eurasia in 2008 global financial crisis’, *Post-Soviet Affairs*, 35(2), pp. 161–180.
- Alesina, A., Hausmann, R., Hommes, R., Stein, E. (1999) ‘Budget institutions and fiscal performance in Latin America’, *Journal of development Economics*, 59(2), pp. 253–273.
- Ermasova, N., Guzman, T., Ceka, E. (2021) ‘Legacy effect of soviet budgeting system on public capital budgeting: Cases of Russia, Moldova, and Uzbekistan’, *International Journal of Public Administration*, 44(13), pp. 1090–1102.
- Franke, A., Gawrich, A., Alakbarov, G. (2009) ‘Kazakhstan and Azerbaijan as post-Soviet rentier states: resource incomes and autocracy as a double ‘curse’ in post-Soviet regimes’, *Europe-Asia Studies*, 61(1), pp. 109–140.
- Gleich, H. (2003) ‘Budget institutions and fiscal performance in Central and Eastern European countries’, *ECB working paper*, 215, pp. 1–44.
- Guess, G. M., Savage, J. D. (2021) ‘Budgeting in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union’ in Guess, G.M., Savage, J. D. (eds). *Comparative Public Budgeting: Global Perspectives on Taxing and Spending*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 135–163.
- Hagen, J. (2006) ‘Fiscal rules and fiscal performance in the European Union and Japan’, *Monetary and Economic Studies*, 24(1), pp. 25–60.
- Hagen, J., Hallerberg, M. (1998) ‘Electoral Institutions and the Budget Process’ in Fukasaku, K., Hausmann, R. (eds). *Democracy, Decentralization, and Deficits in Latin America*. Paris: OECD Development Center, pp. 65–95.
- Kim, C. (2015) ‘A study on compilation and improvement of indices for legislative budgetary institutions-with focus on comparative analysis of current institutions in 60 countries’, *OECD Journal on Budgeting*, 14(3), pp. 9–39.
- Kim, C. (2019) ‘Who has power over the budget-The Legislature or the Executive?: A comparative analysis of budgetary power in 70 Countries’, *OECD Journal on Budgeting*, 18(3), pp. 125–144.
- Krafchik, W., Wehner, J. (1998) ‘The role of Parliament in the budget process’, *South African Journal of Economics*, 66(4), pp. 512–541.
- Lemon, E., Antonov, O. (2020) ‘Authoritarian legal harmonization in the post-Soviet space’, *Democratization*, 27(7), pp. 1221–1239.
- Levitsky, S., Way, L. A. (2010) *Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press. 517 p, DOI: 10.1017/CBO9780511781353. EDN: USKLUP.
- Mikesell, J. L., Mullins, D. R. (2001) ‘Reforming budget systems in countries of the former Soviet Union’, *Public Administration Review*, 61(5), pp. 548–568.
- Rios, A. M., Bastida, F., Benito, B. (2018) ‘Risks and benefits of legislative budgetary oversight’, *Administration & society*, 50(6), pp. 856–883.
- Scartascini, C., Stein, E. (2009). ‘A new framework’ in Hallerberg, M., Scartascini, C., Stein, E. (eds). *Who Decides the Budget? A Political Economy Analysis of the Bud-*

- get Process in Latin America. Washington, D.C.: Inter-American Development Bank, pp. 1–22.
- Waller, J. G. (2024) ‘Parliaments’ in Brown, N. J., Schaaf, S. D., Anabtawi, S., Waller J.G (eds). *Autocrats can't always get what they want: state institutions and autonomy under authoritarianism*. Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 135–187.
- Wehner, J. (2006) ‘Assessing the power of the purse: An index of legislative budget institutions’, *Political studies*, 54(4), pp. 767–785.
- Wehner, J. (2010) *Legislatures and the budget process: The myth of fiscal control*. London: Palgrave Macmillan. 183 p. DOI: 10.1057/9780230281578. EDN: XZ JVHT.
- Wehner, J., De Renzio, P. (2013) ‘Citizens, legislators, and executive disclosure: The political determinants of fiscal transparency’, *World Development*, 41, pp. 96–108.

Статья поступила в редакцию: 23.09.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

EXECUTIVE AND LEGISLATIVE BODIES IN THE BUDGETARY PROCESS OF POST-SOVIET STATES: A COMPARATIVE STUDY

I. Pomiguev, D. Fedoseikin

Ilya Pomiguev, Candidate of Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications.
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
researcher, Department of Political Science,
INION RAS, Moscow, Russia.
E-mail: pomilya@mail.ru (ORCID: 0000-0003-3068-5664).

Dmitrii Fedoseikin, Ph.D. Student, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: dimafedosikin@gmail.com (ORCID: 0009-0003-4833-8940).

Abstract

The budgetary process vividly illustrates the political struggle over the redistribution of state resources, making the balance of power between the legislative and executive branches especially visible and open to comparative analysis. The post-Soviet space offers a compelling field for studying interbranch relations, where a shared institutional legacy has produced diverse models of budgetary interaction. This article compares the prerogatives of legislative and executive bodies to assess their relative influence in the budgetary process. Methodologically, the study applies J. Wehner’s Index of Legislative Budget Institutions—adapted to post-Soviet specificities—which evaluates six parameters: parliamentary amendment powers, consequences of non-approval, executive flexibility in execution, time for legislative review, the role of specialized committees, and access to independent budget information. To calculate the indicators, the study draws on data from the Open Budget Survey (International Budget Partnership), the Inter-Parliamentary Union database, as well as national legislation and official documents. The results of the empirical analysis across fifteen post-Soviet countries reveal substantial variation in the level of parliamentary oversight of the budgetary process. This variation largely depends on the characteristics of the political regime, the degree of parliamentary institutionalization, the prevalence of informal decision-making practices, and the broader international context.

Keywords: budgetary process; index of Legislative Budget Institutions; post-Soviet countries; executive-legislative relations; Open Budget Survey; parliamentary oversight.

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-78-10163, (<https://rscf.ru/project/24-78-10163/>) at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

УДК-351:502

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-74-91

ПОЛИТИКА КЛИМАТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В СИСТЕМАХ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНДИЙСКИХ ШТАТОВ ДЖАММУ И КАШМИР И ХИМАЧАЛ-ПРАДЕШ

А. Б. Сорбалэ, П. В. Миронова, Е. С. Мельникова, С. А. Важенина, А. А. Филюшкина

Сорбалэ Алексей Борисович, кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: asorbale@hse.ru (ORCID: 0000-0002-1430-6559. ResearcherID: T-4884-2018).

Миронова Полина Валерьевна, магистр социологии,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: pmironova@hse.ru (ORCID: 0009-0001-6971-9887. ResearcherID: rid118112).

Мельникова Екатерина Сергеевна, магистр политических наук, преподаватель института востоковедения и африканистики,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: esmelnikova@hse.ru (ORCID: 0000-0001-8284-1054. ResearcherID: ONI-9652-2025).

Важенина София Андреевна, студент 4 курса бакалавриата образовательной программы «Политология и мировая политика»,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: savazhenina@edu.hse.ru (ORCID: 0009-0001-2005-3228. ResearcherID: ONI-8867-2025).

Филюшкина Анна Александровна, кандидат экономических наук, независимый исследователь.

E-mail: anna.filyushkina@gmail.com (ORCID: 00000-0002-3586-2028. ResearcherID: E-1182-2015).

Аннотация

Представлены результаты исследования логики формирования и имплементации политических курсов, направленных на создание условий для повышения климатической устойчивости в двух штатах Индии, которые отличаются по степени региональной автономии и статусу в архитектуре индийского федерализма: Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш. Используя теоретическую рамку принципал-агентских отношений, мы рассматриваем влияние различий в статусе двух штатов на их подходы к климатическому регулированию. Эмпирический анализ основан на данных 50 интервью с представителями местных сообществ, бизнеса, фермерских хозяйств, кочевников и органов государственной власти. Дополняя материалы интервью анализом открытых источников по мерам государственной поддержки местных сообществ в меняющихся климатических условиях, мы проводим параллели между двумя штатами и их подходами к нормативному регулированию, имплементации ординарных и кризисных политических курсов и выстраиванию отношений между органами власти и гражданами. В своем исследовании авторы приходят к выводу, что региональная автономия штата Химачал-Прадеш способствует формированию более последовательной и устойчивой модели управления по сравнению с вертикальной централизованной моделью штата Джамму и Кашмир. Тем самым степень централизации и поддержка локальных инициатив представляются важными факторами, ведущими к более результативной климатической политике в горных регионах Индии.

Ключевые слова: климатическая устойчивость; местные сообщества; принципал-агентские отношения; многоуровневое управление; Индия.

Введение

Изменение климата – одна из важнейших проблем современности, поскольку ее последствия затрагивают население всех стран, угрожая здоровью людей, биоразнообразию, экономическому развитию и продовольственной безопасности. Последствия изменения климата выражаются по-разному в различных местностях, одним из проявлений является увеличение частоты и разрушительной силы оползней, засух и других экстремальных явлений природы (IPCC, 2009). Адаптация процессов и практик в различных секторах жизнедеятельности является ключевым моментом долгосрочного реагирования на изменение климата. От ее успешности зависит климатическая устойчивость той или иной системы или страны, а значит, и благосостояние ее населения.

Подходы к адаптации могут сильно различаться в зависимости от ситуации в конкретной организации, общине, стране или регионе. И хотя последствия изменения климата сильнее всего ощущаются на местном уровне, регулирование такого рода проблемы подразумевает многоуровневый принцип, заключающийся в кооперации между федеральными и региональными властями, а также вовлеченности разных групп акторов (OECD, 2023). В зависимости от социоэкономического контекста и политического уклада распределение ролей по разработке программ адаптации в разных секторах, а также мер поддержки, их имплементации и мониторингу исполнения решений может принимать разные формы.

В данной статье представлены результаты исследования логики формирования и имплементации политических курсов, направленных на создание условий для повышения климатической устойчивости в двух штатах Индии, которые отличаются по степени региональной автономии и статусу в архитектуре индийского федерализма: Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш. Индийская федеральная политическая система представляет собой уникальный вызов для климатического регулирования своей централизованностью, в условиях, когда федеральное правительство владеет большими финансовыми и бюрократическими полномочиями (Singh, 2025). В то же время штаты выполняют ряд адаптационных функций в рамках различных социоэкономических секторов. Используя теоретическую рамку принципал-агентской модели, мы рассматриваем влияние различия в статусе двух штатов на их подходы к климатическому регулированию в индийской многоуровневой системе управления.

В рамках эмпирического анализа мы используем данные 50 интервью с представителями местных сообществ, бизнеса, фермерских хозяйств, кочевников и органов государственной власти для ответа на вопрос: как различия в статусах между штатами Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш в федеральной системе Индии и в объеме полномочий в области климатического регулирования влияют на формирование каталога мер, нацеленных на увеличение климатической устойчивости местных сообществ в этих регионах? Дополняя материалы интервью анализом открытых источников по мерам государственной поддержки местных сообществ в меняющихся климатических условиях, мы проводим параллели между двумя штатами и их подходами к нормативному регулированию, имплементации ординарных и кризисных политических курсов и выстраиванию отношений между органами власти и местными сообществами.

Особенности экологического регулирования в системах многоуровневого управления

Климатическая устойчивость, согласно экспертом межправительственной группы по изменению климата, представляет собой способность системы и ее составных частей своевременно и эффективно прогнозировать, противостоять, приспособливаться или восстанавливаться после опасного воздействия, в том числе путем обеспечения сохранности, восстановления или совершенствования основных фундаментальных составляющих и функций (IPCC, 2009). Поскольку климатические проблемы тесно связаны и часто переплетаются с экологическими вызовами современности (например, потеря биоразнообразия, химическое загрязнение), требуя комплексных решений, в данной статье мы используем примеры из литературной базы по регулированию в обеих сферах. В научной литературе хорошо изучены особенности имплементации политических курсов в области экологического регулирования и климатической устойчивости местных сообществ в системах многоуровневого управле-

ния. В некоторых странах, особенно в режимах с сильной вертикалью власти, центральное правительство играет основополагающую роль, задавая вектор развития. Например, в Марокко экологическая повестка инструментализируется центральной властью для укрепления политического влияния центра через избирательное распределение ресурсов (Pimentel et al., 2024). В Китае центральное правительство устанавливает количественные целевые показатели для провинциальных правительств и неохотно допускает в процесс борьбы с климатическими изменениями негосударственных акторов (Nilson, Smit, Kuramochi, 2021; Economy et al., 2014). Регионам предоставлена относительная автономия в достижении этих показателей, однако на практике такой подход приводит к формированию «кризисной» модели управления, где деятельность ориентирована на отчетность, а не на долгосрочное управление (Economy et al., 2014: 185). В то же время ряд авторов демонстрируют успешный опыт и наличие потенциала у региональных и местных властей к созданию условий для климатической устойчивости и устранению последствий природных катастроф. Например, Сурианто и соавторы (Surianto et al., 2019) подчеркивают, что глубокое знание локальных особенностей и потребностей, а также уязвимых мест территорий позволяет региональным органам власти в Индонезии осуществлять более точное планирование мер по предотвращению катастроф и эффективнее адаптироваться к климатическим изменениям, а также реагировать на вызовы более гибко, с меньшей бюрократической нагрузкой. Успешный кейс управления на региональном уровне также демонстрируют Дас и соавторы (Das, Linzenmeier, Schwerhoff, 2024) на примере диффузии климатической политики США, где инициативы на уровне штатов не только эффективно компенсируют неудачи федерального центра по внедрению климатической политики, но и стимулируют соседние регионы к принятию аналогичных мер.

Взаимоотношения федеральных и региональных властей в области климатической политики изучены и в контексте Индии. Исследователи отмечают значительную роль центральной власти в сфере экологического регулирования (Marquardt et al., 2024) и даже тенденцию к ограничению автономии штатов в области разработки и внедрения экологических курсов (Dutta, Nielsen, 2021). Многоуровневая система управления Индии, которая включает в себя целый спектр различных акторов на федеральном, региональном и локальном уровне (панчаяты), представляет как возможности, так и ограничения в контексте нормотворчества, реализации и мониторинга исполнения политических новаций в области экологии. Так, Тивари и Джоши (Tiwari, Joshi, 2015) утверждают, что региональные институты в Индии часто неэффективны из-за отсутствия вертикальной и горизонтальной координации, что препятствует передаче информации и ресурсов на местный уровень. В то же время Сингх (Singh, 2025), проанализировав международный опыт по внедрению климатической политики, предлагает план развития этой сферы для Индии. Он подчеркивает необходимость предоставления большей автономии правительству штатов, чтобы те, в свою очередь, могли разрабатывать локальные планы адаптации для устранения уязвимостей, характерных для конкретного региона.

О положительных последствиях автономизации в штате Химачал-Прадеш пишет Фишер (Fischer, 2021). Он отмечает, что децентрализованное планирование на местном уровне способствует адаптации к климатическим рискам благодаря тому, что местные власти осведомлены о локальных проблемах и предлагают релевантные решения, а также учитывают интересы маргинализированных групп. Другим примером успешной деятельности местных властей в управлении климатическими рисками является кейс штата Одиша, где в 2013 году благодаря подготовительной работе панчаятов и их взаимодействию с местным населением с высокой эффективностью была оперативно проведена крупнейшая эвакуация в Индии, вызванная масштабными паводками (Harichandan, 2023).

В целом существующие исследования демонстрируют, что в многоуровневых политических системах региональные и местные власти обладают значительным потенциалом для разработки релевантных и эффективных стратегий для адаптации к климатическим изменениям и борьбы с последствиями природных бедствий. Однако возможности могут ограничиваться недостатком ресурсов, отсутствием координации работы или, напротив, слишком сильным контролем со стороны центральной власти и институциональными барьерами (Simonet, Leseur, 2019; Rylenius, Hamza, 2024; Economy et al., 2014; Singh, 2025).

Политические курсы в области экологии в MLG-системах: проблема принципал-агентских отношений

Исследования, посвященные управлению катастрофами (*disaster management*), демонстрируют, что главными переменными успеха в контексте противодействия экологическим угрозам являются централизация принятия решений и наличие временного ресурса. Так, на примерах наводнения в Китае, Вьетнаме и Индонезии Ган и соавторы обосновывают важность наличия общего плана действий, которым должны руководствоваться региональные власти в процессе реагирования на природное бедствие (Gan et al., 2021). Количественное исследование Комфорт и соавторов также подтверждает тезис о важности наличия универсального протокола для региональных стейххолдеров (Comfort, Oh, Ertan, 2009). Анализ эффективности принятия решений и реакции на серию ураганов в США в 2005–2009 годах демонстрирует, что региональные администрации при отсутствии протокола гораздо медленнее справляются с мобилизацией необходимых ресурсов для противодействия природному бедствию, как следствие, местные сообщества становятся более уязвимыми как в период кризиса, так и после его завершения (*Ibid.*). Время реакции на катастрофу, в свою очередь, сокращается при наличии специальных планов готовности, которые, например, могут опираться на индекс ключевой уязвимости (*Prevalent Vulnerability Index, PVI*), как это происходит в Центральной и Южной Америке. Такие планы позволяют координировать информационные, финансовые и административные потоки между уровнями управления и выстраивать стратегические приоритеты во время противодействия кризису (Pant, Adhikari, Bhattacharai, 2015; Parsons et al., 2016).

Успех или провал ординарных политических курсов в области экологического регулирования и климатической устойчивости местных сообществ также укладывается в логику построения архитектуры вертикальных и горизонтальных взаимодействий между уровнями власти. Например, авторы исследований, посвященных разработке политических курсов в области «зеленого» сельского хозяйства, выделяют несколько ключевых типов таких взаимодействий, которые могут сочетаться между собой. Во-первых, это взаимодействие по типу «команды и контроля» (*command / control*), где решения реализуются «сверху вниз» посредством регуляций национальных властей, которые должен выполнять нижестоящий уровень управления. Во-вторых, это менее директивные управленческие курсы (*steer policy actions*), которые позволяют национальным властям координировать акторов по вертикали и горизонтали через установление общих целей и приоритетов, например, посредством установления общих рамок и формулирования инструкций. В-третьих, это переговорный процесс (*negotiating*), который предполагает устойчивые каналы координации действий между различными акторами, нацеленные на формулирование совместных решений. И, наконец, поддержка (*supporting*), которая предполагает обмен ресурсами между акторами, включая информацию, знания, техническую поддержку и финансирование, которые представляют вышестоящие уровни власти, другие сферы управления или негосударственные акторы (Moersberger et al., 2020; Wu et al., 2025).

Таким образом, как кризисное, так и ординарное производство и реализация политических курсов в области экологии резонирует с базовыми посылками теории принципал-агентских отношений. Модель принципал-агентских отношений предполагает, что существуют два участника политического процесса: принципал, который находится в позиции актора, формирующего цель политического курса и обозначающего ключевые задачи для достижения этой цели, и агент, которому принципал делегирует часть полномочий и ресурсов (финансовых, информационных и административных) для технической реализации обозначенного политического курса (Gailmard, 2012).

Исследователи выделяют три ключевые проблемы принципал-агентской модели, которые зачастую проявляют себя не по одиночке, но в комплексе. Все они вытекают из основного условия этой теоретической модели – асимметрии информации между участниками.

Первая проблема связана с так называемым моральным риском (*moral hazard*). В сложных политических системах агенты могут пользоваться условиями слабой географической, логистической, транспортной и информационной связности с принципалом, чаще всего для того, чтобы откладывать или саботировать реализацию политического курса на местах или получать несанкционированные бонусы от этой реализации в виде ренты или коррупционного дохода (Banks, Sundaram, 1993). Исследование Ли (Lee, 2024), проведенное на материале 50 штатов США в контексте реализации политических курсов по борьбе с экономическими последствиями пандемии COVID-19, предоставляет удачную иллюстрацию для тезиса о моральном риске. В условиях идеологического противостояния между президентом-республиканцем и губернаторами-демократами, лишь в двух штатах из двадцати трех федеральная программа по поддержке малых и средних предпринимателей была имплементиро-

вана вовремя и в полном объеме. Другой иллюстративный кейс предлагает анализ последствий передачи имплементации продовольственной программы в странах Западной Африки на региональный уровень. Делегирование полномочий по распределению продуктов питания и медикаментов на уровень региональных министерств снабжения в Мали увеличило стоимость реализации программы на 35 % при неизменном размере таргетируемой группы и расходов на транспорт и логистику (Konaté et al., 2020).

Вторая проблема заключается в скрытом действии со стороны агентов. Скрытое действие предполагает, что агенты могут принимать решения и производить действия без информационного контроля и возможности мониторинга со стороны принципала. Так, в северных регионах Швеции и Финляндии на протяжении нескольких десятилетий переработка мусора осуществлялась с нарушением национальных стандартов, регулирующих объем выбросов аммиака в атмосферу (Salmenperä, 2021). В то же время на протяжении 1990–2000-х годов в ряде российских регионов Дальнего Востока производилась активная вырубка лесов для последующей продажи в Китай при непосредственной поддержке региональных властей и в прямом противоречии с федеральным экологическим законодательством (Иванченко, 2017).

Наконец, третья существенная проблема принципал-агентской модели – это разное целеполагание акторов, участвующих в разработке и реализации политических курсов, а также их базовые интересы. Зачастую различные уровни власти по-разному понимают ключевые задачи политического курса. Более того, в ряде случаев нишевые акторы на разных уровнях власти могут в принципе по-разному воспринимать политическую проблему и даже не фреймировать заданную ситуацию как проблемную. Несоответствие интересов и целеполагания принципала и агента ведет к «дрейфу политики» (*policy drift*), то есть к установке агентом измеряемого показателя достижения цели политического курса, который отличается от оригинального показателя, установленного принципалом (Gailmard, 2014). Так, одним из наиболее известных кейсов столкновения федерального и регионального позиционирования проблемной экологической ситуации в России стала программа туристической застройки Тигирекского заповедника в Алтайском крае. В то время как федеральное правительство апеллирует к необходимости развития туристического кластера и сопутствующей инфраструктуры в регионе, региональные стейххолдеры и эксперты указывают на опасность строительства на выделенном участке из-за неустойчивости почвы и потенциальных негативных последствий строительства для местной флоры и фауны (Барышников, Краснослободская, 2010; Котова, 2020).

Институциональной практикой, которая позволяет частично решить структурные проблемы принципал-агентской модели, является децентрализация. С одной стороны, децентрализация позволяет более точно учитывать местную динамику и специфику (Melo Zurita, Gook, Harms et al., 2015), с другой – распределяет ответственность между уровнями власти в периоды реализации антикризисных стратегий, которые могут быть значимыми для стабильности политической системы.

Стоит, однако, отметить, что эффективность реализации политических курсов зависит не только от формально закрепленных зон ответственности и практики делегирования полномочий «сверху вниз», но и от способности решать проблемы на местах (*problem-solving capacity*) (Scharpf, 1997; Allain-Dupre, 2011), которая определяется существующим качеством управления на субнациональном уровне, укорененными рутинными практиками взаимодействия между местными акторами и наличием достаточных ресурсов. Так, в России директивный характер управления кризисами, который наиболее ярко продемонстрировал себя во время финансового и банковского кризисов 2008–2012 годов, а также кадровые проблемы некоторых субъектов определили слабую готовность регионов к автономной разработке антикризисных стратегий в период пандемии. В результате в условиях, когда федеральная власть практически самоустранилась от процесса антикризисного управления и нормотворчества, российские регионы были вынуждены самостоятельно разрабатывать меры по борьбе с социальными и экономическими последствиями кризиса. Отсутствие серьезного опыта межрегионального и вертикального взаимодействия для разработки антикризисных планов привело к тому, что политический ответ на пандемию оказался очень фрагментированным, дифференцированным по уровню эффективности и во многом хаотичным (Malkina, 2022; Blackburn et al., 2023).

В следующих параграфах мы предпринимаем попытку проиллюстрировать теоретические положения статьи эмпирическими примерами из процесса реализации политических инициатив по созданию условий для климатической устойчивости местных сообществ в двух индийских штатах: Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш.

Данные и методология

Исследование базируется на материалах интервью, которые были собраны в рамках двух экспедиций в регион Индийских Гималаев в 2024 году. Экспедиции объединили усилия исследователей из колледжа PGDAV (М) Делийского университета и Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге. Первая из них – в штат Джамму и Кашмир – проходила с 27 апреля по 5 мая. Сбор материала проводился в городе Бхадерва и ближайших к нему деревнях – Данди, Сунгал и Кансару. Члены экспедиции также посетили базовый лагерь Гулабгарх, после чего направилась в Мачаил – небольшую деревню в долине Паддер. В Мачаиле, а также в ближайших горных деревнях Кхети и Ханго состоялись интервью. Вторая экспедиция проходила на территории штата Химачал-Прадеш с 23 сентября по 5 октября. За время поездки с 27 сентября по 1 октября эмпирический материал собирался в нескольких деревнях и городах: Сиссу, долине Лахаул (27 сентября); Танди и Удайпур (28 сентября); Ташиганг, Ургос, Шакто Вилладж и Раблинг Вилладж (29 сентября), Чангут (30 сентября) и Жиспа, долине Лахаул (1 октября).

В совокупности было собрано 50 интервью, 20 из которых – в штате Джамму и Кашмир (представлены в Табл.1) и 30 – в штате Химачал-Прадеш (представлены в Табл.2). В число респондентов в обоих штатах вошли представители местных сообществ, бизнеса, фермерских хозяйств, кочевников и органов государственной власти. Собранная база стала основой для эмпирического исследования. Материалы интервью дополняются анализом открытых источников по мерам региональной и федеральной поддержки местных сообществ в условиях меняющихся климатических условиях, в первую очередь ежегодных аналитических отчетов о реализации программ *Rajiv Gandhi Gramin Vidhutikran Yojna* (RGGVY), *Jal Jeevan* (JJ) и программы «Механизация и технологии» Министерства сельского хозяйства и социального обеспечения Индии.

Важно отметить, что проведенная работа является первым этапом сравнительного исследования практик нормотворчества и нормоконтроля в области экологии в Индии и России, а также влияния внедряемых экологических норм на местные сообщества, индустрию и бизнес в этих двух странах. Это кросс-региональное исследование было поддержано в рамках проекта «Международное академическое сотрудничество», который реализуется в Высшей школе экономики в 2025–2027 годах. Исследование предполагает проведение экспедиций в двух макрорегионах, которые относятся к категории «третьего полюса холода» (Fernandes et al., 2022), – в Индийских Гималаях и на российском Алтае.

Логика выбора кейсов для анализа и респондентов для проведения интервью накладывает определенные ограничения на возможности экстраполяции результатов данного исследования. Выбор регионов для сравнения был продиктован возможностями колледжа PGDAV (М) Делийского университета организовать международные экспедиции в конкретные локации. С учетом того, что в регион Индийских Гималаев входит 13 штатов и союзных территорий Индии (NITI Aayog, n.d.), власти и службы безопасности только двух регионов – Химачал-Прадеш и Джамму и Кашмир – дали разрешение на проведение международного исследования в обозначенный выше период. Важными для экспедиции являлись и вопросы логистики, сопровождения и контактов с местными университетскими сообществами: не все регионы Индийских Гималаев были готовы обеспечивать экспедиции транспортом и информационной поддержкой.

Работа с респондентами выявила три существенных ограничения. Во-первых, большинство респондентов в штатах Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш не говорили по-английски, в связи с чем исследователи были вынуждены обращаться за помощью к переводчикам. На раннем этапе было обнаружено, что переводчики не только переводят слова респондентов, но и добавляют свою интерпретацию и смыслы к их ответам. Эта проблема была частично решена при помощи замены переводчиков, однако при работе с транскриптами интервью эффект дополнительных интерпретаций остается заметным.

Во-вторых, как в пуле респондентов из Джамму и Кашмира, так и в пуле респондентов из Химачал-Прадеш наблюдается явственное смещение выборки: большая часть участников интервью являются мужчинами среднего и пожилого возраста. Этот дисбаланс, который наиболее заметен среди фермеров и кочевников, объясняется как демографическими, так и социоэкономическими причинами. Для посещенных населенных пунктов характерна образовательная и рабочая эмиграция молодого населения в более крупные агломерации – столицы штатов и Дели, которая в большинстве случаев является невозвратной, поэтому в настоящий момент села и деревни в горных районах Индии в основном населены людьми третьего возраста. При этом главами домохозяйств, которые занимаются

фермерским хозяйством, пасторальной активностью и реализацией сельскохозяйственной продукции, по большей части являются мужчины. Именно они были готовы идти на контакт с исследователями, в то время как женщины, которые занимаются домашним хозяйством, в большинстве случаев отказывались от участия в интервью.

В-третьих, среди всех групп, принявших участие в интервью, особенно выделяются фермеры, в то время как представители малого бизнеса и органов государственной власти в пуле респондентов практически отсутствуют. Этот дисбаланс объясняется тем, что большинство респондентов позиционируют себя именно как фермеры, обозначая, что доход от других форм деятельности для их домохозяйства является незначительным.

Вышеперечисленные ограничения были приняты во внимание при работе с эмпирическим материалом и описании результатов региональной и федеральной политики, нацеленной на помощь местным сообществам в области климатической устойчивости.

Политика климатической устойчивости местных сообществ: случай двух индийских штатов

Многоуровневая система Индии: федеральный и региональный контексты

Индия является неоднородной политией с точки зрения географии, экономики, религиозных и этносоциальных характеристик. Для управления разнообразием индийская политическая система предоставляет отдельным штатам особый статус и признает их уникальную этнокультурную специфику и уязвимость. В седьмом приложении к Конституции установлено разделение полномочий между федеральным центром и регионами, где субъекты имеют 66 вопросов, находящихся в их ведении (Constitution of India, 1949, Seventh Schedule List II). Так, законодательная власть штатов имеет приоритет в вопросах местной полиции и местного порядка, здравоохранения. В то же время статьи 256–258 Конституции позволяют федеральной исполнительной власти обязывать штаты к определенным действиям, обеспечивая исполнение федеральных законов и сохраняя коммуникацию между штатами¹.

Индия часто характеризуется как асимметричная федеральная система, поскольку логика вертикального взаимодействия между уровнями власти предполагает разный уровень автономии и политических прав у субъектов федерации (Agrawal, Agarwal, 2020: 2–3; Chaturvedi, 2016: 8–10). На примере двух индийских штатов – Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш – мы изучаем влияние практик распределения властных полномочий между федеральным и региональным уровнями власти на эффективность и целостность реализации программ, направленных на создание условий для климатической устойчивости местных сообществ. Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш, являясь граничащими индийскими штатами, расположенными в Гималаях, имеют схожие структурные условия: зависимость от минеральных ресурсов и природные особенности (Romshoo et al., 2020). С экономической точки зрения оба субъекта являются небогатыми штатами с почти одинаковым ВВП². Однако, несмотря на многие схожие характеристики, они имеют различную внутреннюю политическую структуру, способствующую разным подходам к разрешению региональных вопросов. Политическая система Химачал-Прадеш характеризуется двухпартийностью между социал-демократическим Индийским национальным конгрессом (ИНК) и Бхаратией Джаната Парти (БДП), которая является партией религиозно-националистической направленности. С 2007 года управление штатом регулярно колеблется между ИНК и БДП, приводя правящие партии к все более популистским мерам с ориентацией на основную массу избирателей (Thakur, Negi, 2025: 310). Достаточно большую роль в данной борьбе оказывает и деление штата на территориально старый/новый Химачал-Прадеш, верхний/нижний с точки зрения культуры, а также агропромышленный/садоводческий, для которых было крайне важно представительство их лидеров на выборах, находящееся в основе региональной политики (Thakur, Negi, 2025: 313, 325).

Политическая система Джамму и Кашмира строится на конфликтной почве, появившейся вместе со статусом спорной территории между Индией и Пакистаном в 1947 году (Hussain, 2020: 1, 2, 5, 13). Достаточно продолжительное время Джамму и Кашмир обладал уникальным конституционным статусом, который был отменен и переведен в режим прямого централизованного управления

¹ Constitution of India (1949) Available at: <https://legislative.gov.in/constitution-of-india> (Accessed: 30 September 2025).

² Indian states by GDP (2025) Statistic Times. Available at: <https://statisticstimes.com/economy/india/indian-states-gdp.php> (Accessed: 30 September 2025).

отменой статьи 370 Конституции Индии в 2019 году, чему поспособствовала правящая партия БДП, ориентированная на усиление центра (*Ibid.*, p. 19). С отменой статьи 370 была упразднена и партийная автономность региона, влияние БДП максимально повысилось. Партии, выступавшие за независимость штата, такие как «Фронт освобождения Джамму и Кашмира», были признаны запрещенными (*Ibid.*, p. 16). Несмотря на действия индийского правительства, «линия контроля», проходящая по границе штата, до сих пор не является официально признанной границей и является почвой для регулярно возобновляющихся конфликтов со стороны Кашмирской долины (*Ibid.*, p. 18). Наличие конфликтов в данном регионе также укрепляет милитаризацию, делая положение жителей в вопросах защиты их прав и свобод, а также первоначально обещанного права на самоопределение бессильными (*Ibid.*, p. 13). Так, любые действия, осуществляемые в рамках управления в регионе, реализуются в строгой подотчетности центру.

Экономика Джамму и Кашмира во многом зависит от сельского хозяйства и туризма – секторов, которые крайне чувствительны к деградации экологической обстановки в регионе. С учетом стратегической важности экологического управления для развития региона и общей тенденции на усиление контроля и подотчетности центральной власти процессы адаптации к климатическим изменениям в Джамму и Кашмире также становятся подконтрольными центральному правительству.

В результате два региона со схожими географическими и экономическими характеристиками, однако отличающиеся по внутриполитической структуре и степени автономии, являются интересным примером для сравнения. Учитывая возможность успешной имплементации стратегий для адаптации к климатическим изменениям местными властями, о которой говорилось ранее, относительная независимость в принятии решений для властей на местах представляется значимым фактором, который может оказывать влияние на успешную адаптацию к климатическим изменениям.

Джамму и Кашмир

Штат Джамму и Кашмир представляет собой хрупкую экосистему, изменения которой вынуждают местные сообщества к развитию новых адаптационных стратегий. Значительная часть трудностей и проблем, являющихся результатом изменений климатических условий, связана с сельскохозяйственной и скотоводческой деятельностью местных жителей. В отличие от многих других регионов Индии, где урожай собирают несколько раз в год, в Джамму и Кашмире местные жители имеют возможность собирать урожай только один раз за сезон (респондент 2). Следует отметить, что для многих респондентов, принявших участие в исследовании, сельское хозяйство является единственным источником дохода и пропитания, и их возможности диверсификации экономической модели хозяйствования весьма ограничены. Большинство респондентов отмечают существенное изменение климатических условий, сезонности и биоразнообразия, произошедшее за последние 20 лет. Важно отметить, что в 2019 году штат Джамму и Кашмир был преобразован в союзную территорию³. В федеральной иерархии Индии союзные территории имеют самый низкий уровень финансовой и административной автономии. Регуляции в различных областях политики либо спускаются напрямую с уровня федерации, либо в случаях ограниченного регионального нормотворчества должны быть приведены в полное соответствие с федеральным законодательством. Полномочия в области финансирования политических курсов, мониторинга их исполнения и санкционирования за нарушение различных аспектов их реализации также находятся в руках федерального центра. Политика в области экологического регулирования не является исключением.

Государственные программы оказывают большое влияние на создание условий для климатической устойчивости местных сообществ Джамму и Кашмира. Можно выделить четыре основных направления государственной помощи этим социальным группам: энергетическое, финансовое, консультативное и посредническое. Они реализуются при поддержке крупных федеральных программ. Все программы содействия развития систем водоснабжения, электроснабжения и механизации сельского хозяйства централизованы и действуют при непосредственном участии федерального правительства. Наиболее важными для рассматриваемого региона являются: программа *Rajiv Gandhi Gramin Vidhutikran Yojna* (RGGVY), реализуемая Министерством новой и возобновляемой энергетики с 2007 года с целью электрификации каждой деревни в Индии; программа *Jal Jeevan* (JJ), направленная на создание инфраструктуры для водоснабжения отдаленных деревень Индии; программа

³ Jammu and Kashmir Reorganisation Act, No. 34, Acts of Parliament, 2019. Government of India. Available at: <https://igr.jk.gov.in/files/J&K%20Reorganisation%20Act,%202019.pdf> (Accessed: 30 September 2025).

«Механизация и технологии» Министерства сельского хозяйства и социального обеспечения, которая вступила в активную фазу в 2015 году.

Респонденты отмечают, что правительство поддерживает домохозяйства в приобретении и установке энергетических мощностей, в первую очередь солнечных панелей (респонденты 1, 3, 4). Однако местные жители воспринимают панели только как дополнительные мощности; в большинстве домохозяйств основным источником электроэнергии и тепла по-прежнему остается традиционная печь – *бухари*. Батт и соавторы отмечают, что, несмотря на то что за последние 15 лет правительство Индии потратило уже свыше 200 миллиардов долларов на реализацию программы RGGVY, в северных регионах страны, к которым относится Джамму и Кашмир, план по электрификации выполнен только на 20–25 %. Причины нарушения сроков строительства инфраструктуры кроются как в сложном ландшафте региона и нестабильных климатических условиях, так и в преднамеренном затягивании процесса реализации программы со стороны местных властей, которые рассматривают RGGVY как возможность получения дополнительного финансирования на более приоритетные проекты – строительство электрифицированных туннелей и электростанций, обеспечивающих крупные городские агломерации (Bhatt, Singh, Hagedorn, 2022).

Кроме того, федеральные органы участвуют в строительстве и прокладке труб к деревням, по которым люди получают воду из ледника и горных источников. Стоит отметить, что большинство респондентов оценивают эту помощь как большой прогресс: «*Раньше мы получали воду из общественной ирригационной системы, называемой куль. Вода текла оттуда, с верховьев, и люди пили воду из нее. Теперь государство установило систему водоснабжения, и люди пьют эту более чистую воду*» (респондент 2).

Однако отмечаются и недостатки новой системы водоснабжения. В некоторых районах эти трубы ведут не к леднику, а к водохранилищам, вода из которых традиционно использовалась местными жителями для бытовых и личных нужд: «*Вода [из труб] неприятная на вкус и загрязнена бактериями и насекомыми*» (респондент 3).

Вторая проблема – неработоспособность новой системы водоснабжения: «*За водой к реке нужно идти далеко. Приехало правительство и оставило здесь бочку. В общем трубы есть, но они не работают*» (респондент 11).

Аналитический отчет по итогам реализации программы *Jal Jeevan* за 2020–2022 годы указывает на то, что обозначенные провалы в реализации программы связаны с недостаточным участием локальных гражданских сообществ и региональных экспертов на этапе планирования размещения инфраструктурных объектов водоснабжения: все разведывательные и инженерные работы реализуются силами специалистов из федерального Министерства водных ресурсов (Singh, Shokeen, Mishra, 2022).

Благодаря государственным субсидиям многие домохозяйства за последние пять лет смогли приобрести новую сельскохозяйственную технику – культиваторы и ручные тракторы. Как обозначают многие респонденты, в регионе действует модель, при которой правительство ежегодно выделяет каждому домохозяйству определенную сумму на покупку техники. Некоторые семьи, однако, предпочитают брать кредит на покупку техники под низкий процент: «*Фермеры используют специальную кредитную карту KCC (Kisan Credit Card), чтобы иметь доступ к льготным кредитам*» (респондент 6).

В то же время федеральное правительство выделяет деньги на обеспечение жителей региона дешевыми семенами: «*Существует схема под названием Antyodaya Anna Yojana (AY). Мы получаем килограмм риса по субсидированной цене – 1–2 рупии [средняя цена килограмма риса по стране составляет 30 рупий]*» (респондент 10).

Однако следует отметить, что AAY подвергается серьезной критике как со стороны респондентов (респонденты 8, 10), так и со стороны экспертов по причине устаревания федеральных данных, на которые ориентируются региональные чиновники при принятии решения о том, какие именно домохозяйства должны быть включены или исключены из программы в текущем отчетном периоде. Субсидированная цена семян доступна только для тех домохозяйств, чей среднегодовой доход находится ниже официального прожиточного уровня. В условиях высокой динамики изменения благосостояния населения региона, которая определяется возможностью домохозяйств реализовывать сельскохозяйственную продукцию, многие пострадавшие фермерские хозяйства оказываются вне покрытия программы, поскольку их доход считается слишком высоким (Chathukulam et al., 2021).

В контексте противодействия последствиям стихийных бедствий государственная помощь ограничивается разработкой комплекса рекомендаций по строительству и реконструкции традицион-

ных жилищ местного населения. Эти рекомендации разрабатываются федеральным правительством и адаптируются к ландшафтным и зональным особенностям Джамму и Кашмира. Для посещенных населенных пунктов района Дода наибольшую угрозу представляют оползни и наводнения. Поэтому правительство уделяет особое внимание рекомендациям и помощи в установке специальных свай и укрепленных фундаментов, которые помогают домам выдерживать подвижки грунта: «*Мы получили от правительства около 150 000 рупий [на строительство нового дома]*» (респондент 10).

При этом отмечается, что эта программа ориентирована только на граждан, находящихся за чертой бедности, и, как показали последнее наводнение и оползни 2014 года, оказывается малоэффективной с точки зрения сохранения целостности жилых построек во время природного бедствия (Gulzar et al., 2021; Kaur, 2022).

Наконец, стоит отметить, что одна из важнейших функций правительства – посредничество – была полностью передана на местный уровень. По словам одного из респондентов, в связи с демографическими и культурными изменениями в домохозяйствах Джамму, конфликты из-за перераспределения земли стали все более распространенными: «*Если посмотреть на земельные участки, они очень маленькие. Причина заключается в том, что у меня большая семья. У меня пять братьев, и у них тоже есть свои семьи. Землю поделили между всеми, и эти участки оказались такими маленькими*» (респондент 4).

С учетом деградации земельных ресурсов и сокращения доступа к воде для орошения подобные конфликты представляют серьезную угрозу социальной и политической стабильности региона. Эти вопросы обычно решает панчаят, который является традиционным, легитимным институтом местного самоуправления и пользуется даже большим доверием, чем полиция: «*Конфликты на местном уровне возникают из-за раздробленности пахотных земель... именно такими делами занимается полиция, но редко. У нас есть система медиации, где панчаяты выступают в качестве посредников. Десять представителей [деревни] собираются вместе и принимают решения. Проблемы решаются местными жителями, внутри общинны*» (респондент 2).

В целом наблюдается явный дисбаланс в отношении местного населения к роли государства в своей жизни и стратегиям адаптации. В то время как жители крупных агломераций, таких как Бхадерва или Данди, указывают на государственную поддержку как на один из важнейших факторов, способствующих адаптации к изменению климата, жители отдаленных населенных пунктов подчеркивают, что практически не контактируют с государством ни в каком контексте и не верят, что оно им как-либо помогает: «*В этом районе мы не считаем, что государство принимает меры для помощи местному населению. Жители все организуют сами*» (респондент 13).

При изучении обоснований и приоритетов групп интересов, федерального и регионального правительства и местного населения были обнаружены идеологические и субстантивные разногласия в области развития туризма, которые имеют решающее значение для этого региона.

Заместитель комиссара по сельскому хозяйству изложил правительственную стратегию регионального развития: создание условий, благоприятствующих развитию туристических кластеров («*Нехватка мест, где [туристы] могут остановиться, является большой проблемой как для них, так и для администрации*»). Респондент 14 отмечает, что в период с мая по сентябрь многие жители крупных городов Джамму превращают свои дома в гостевые и получают не только дополнительный доход от туристов, но и поощрительные выплаты от регионального правительства на нужды развития бизнеса. Его слова подтверждает другой респондент, владелец бизнеса: «*Когда приезжают гости, для них все бесплатно – от еды до лекарств. Единственное, за что они платят, – это за проживание, но плата символическая – три-пять рупий с человека*» (респондент 6).

Кроме того, правительство региона активно инвестирует как во внутренний, так и в зарубежный маркетинг региона как «туристического рая» для любителей зимних видов спорта и поддерживает создание горнолыжных курортов.

В то же время многие местные жители видят серьезную проблему в возросшем потоке туристов. Прежде всего их беспокоят местные туристы, которые, в отличие от иностранцев, не проявляют должного внимания и заботы об окружающей среде, оставляют после себя много мусора: «*Департамент туризма ничего не делает, в некоторых деревнях люди сознательны и убирают, но в сезон паломничества очистить дороги и тропинки практически невозможно*» (респондент 6).

Таблица 1

База респондентов в штате Джамму и Кашмир, апрель – май 2024 года

Номер респондента	Дата интервью	Локация	Пол	Возраст	Вид деятельности
1	30/04/24	Кансару	Мужской	26	Фермер
2	01/05/24	Данди	Женский	60+	Фермер
3	01/05/24	Данди	Мужской	91	Фермер
4	01/05/24	Данди	Мужской	70+	Фермер
5	02/05/24	Бхадерва	Мужской	30+	Полицейский
6	04/05/24	Мачеил	Мужской	40+	Фермер, владелец гостевого дома
7	04/05/24	Дели	Женский	20+	Студент
8	01/05/24	Данди	Женский	60+	Продавец
9	01/05/24	Кансару	Мужской	80+	Фермер
10	01/05/24	Бхадерва	Женский	50+	Учитель
11	30/04/24	Кансару	Женский	50+	Фермер, владелец гостевого дома
12	04/05/24	Ханго	Мужской	84	Фермер
13	04/05/24	Ханго	Мужской	60+	Бывший глава панчаята, фермер
14	02/05/24	Бхадерва	Мужской	60+	Заместитель комиссара по сельскому хозяйству
15	02/05/24	Сунгал	Мужской	38	Кочевник
16	02/05/24	Сунгал	Мужской	28	Кочевник
17	01/05/24	Данди	Мужской	60+	Продавец
18	02/05/24	Бхадерва	Мужской	60+	Профессор университета
19	01/05/24	Кансару	Мужской	60+	Фермер, продавец
20	02/05/24	Бхадерва	Мужской	40+	Полицейский

Химачал-Прадеш

Химачал-Прадеш, в отличие от союзной территории Джамму и Кашмир, представляет собой обычный штат с более устойчивой конституционной структурой. Решения по климатическому регулированию принимаются на уровне органов управления штата, поскольку Химачал-Прадеш обладает широкой конституционной автономией в рамках асимметричного федеративного устройства, что позволяет его жителям участвовать в политике штата и пользоваться определенными институциональными и конституционными гарантиями.

В случае Химачал-Прадеша статус штата обеспечивает возможности более эффективной реализации программ: так, например, наличие институциональной автономии, которая не наблюдается у союзной территории Джамму и Кашмир, позволяет штату разрабатывать документы со стратегическим планированием контроля изменения климата и программ адаптации. Более того, такой политический курс создает необходимые институциональные условия для развития региона (наличие самостоятельного управления, независимость от центрального руководства) (Institute for State Effectiveness, 2012). Так, многоотраслевая климатическая программа штата SAPCC (State Action Plan on Climate Change) (программа привязана к национальной NAPCC (National Action Plan on Climate Change) и ориентирована сразу на очень широкий спектр задач) покрывает вопросы от адаптации к климатическим вызовам до их смягчения путем уменьшения выбросов и управления природными ресурсами. Хотя SAPCC пока не демонстрирует систематического успеха реализации, так как в вопросе реализации требует постоянного контроля согласованности планов и осуществления программы (нехватка заявленных ресурсов, реальные механизмы исполнения отстают от планируемых), автономия штата позволяет активно внедрять экологические программы и pilotировать их на более масштабном уровне.

С точки зрения экономического развития Химачал-Прадеш также демонстрирует умелое использование своего географического и экологического положения, а также статуса аграрного штата:

активно развиваются экотуризм, органическое производство, которое не только оказывается правильным с точки зрения экологической политики, но и задает определенный тон экономического развития региона (Kumar, 2024). Эко-тропы, эко-отели и многое другое с приставкой «эко-» обеспечивают местному населению экономическую поддержку путем предоставления рабочих мест и способов заработка, в частности в активно развивающейся области сельского хозяйства.

Так, в регионе Химачал-Прадеш местное население, вовлечено в сельское хозяйство, пользуется государственной поддержкой в виде субсидий на покупку и обеспечение сельскохозяйственной техники (респондент 9 упоминает «машины», с помощью которых производится сбор урожая и уход за ним). Государственную поддержку отмечает и другой фермер (респондент 12) из деревни Ургос: сейчас в сельскохозяйственную деятельность активно внедряются «машины, культиваторы, электрические культиваторы и газонокосилки», а также ирригаторы, облегчающие процессы обработки и сбора культур. Отдельно в нарративе фермера уделяется внимание государственной программе NREGA (Национальный закон о гарантиях занятости в сельской местности, принятый в 2006 году): с точки зрения развития сельской местности в Гималайском регионе закон позволяет создавать рабочие места и гарантировать местному населению трудоустройство, а значит, и обеспечение газом и водой – жизненно необходимыми ресурсами для жителей региона. Важно отметить, что здесь осуществляется сразу и финансовая, и социальная поддержка населения: «*Они [власти] дают гарантию, что предоставляют работу, так как они создают рабочие места. Но они улучшают лишь какой-то участок земли в одно время, это способ улучшить орошение. Так что таким образом они занимаются... они финансируют это для своего конкретного пользования, и местные жители будут трудоустроены, обеспечены газом, водой. <...> NREGA – хороший пример... и все субсидируется, поддерживается правительством*» (респондент 12).

Не менее значимым параметром государственной поддержки становится не только сельское хозяйство, но и область туризма в Химачал-Прадеше: об информационной и финансовой поддержке местного управления рассуждает владелец отеля в деревне Джиспа (респондент 3): «*Они работают над этим, чтобы организовать несколько семинаров, где, знаете, они предоставляют всю информацию, и они предоставляют нам информацию о том, что в такой-то конкретный день будет семинар по тому-то вопросу, и затем мы все должны собраться вместе, и они предоставляют информацию...*».

На региональном уровне наблюдается наличие поддержки малого и среднего бизнеса, которая в действительности оказывается актуальной и работающей для предпринимателей в области туризма. Семинары для занятых в бизнесе, по мнению респондента, оказываются достаточно удачным решением для развития туристической сферы в регионе, так как с их помощью предприниматели имеют возможность не только получать актуальную информацию по финансовым и правовым вопросам, но и консультироваться с экспертами в этих областях.

Поскольку туризм в Химачал-Прадеше носит сезонный характер, владельцы отелей и гостевых домов занимаются приемом гостей с марта по ноябрь – декабрь из-за климатических и погодных условий в регионе, однако в последнее время местным владельцам гостевого бизнеса удается продлить сезон до конца календарного года.

Таким образом, штат Химачал-Прадеш демонстрирует активное экономическое развитие: рост отрасли туризма, развитие инфраструктуры, внедрение сельскохозяйственной техники, что способствует увеличению доходов и расширению возможностей занятости. С другой стороны, эти экономические и социальные процессы сопровождаются усилением климатических рисков и экологических последствий: стремительным таянием ледников, смещением сезонности и нестабильностью осадков, что также приводит к ухудшению земель. Нарративы респондентов подчеркивают, что климатические трансформации оказываются ощутимыми для всех социальных групп, вне зависимости от рода занятости: изменение погоды и сезонных периодов воспринимается как угроза представителями самых разных областей, не только сельского хозяйства (сфера туризма, инфраструктура, энергетика).

В этих условиях роль региональных властей и местных программ адаптации выходит на первый план, становится ключевой: предоставляются субсидии на приобретение техники, организуется информационная и консультационная поддержка малого и среднего бизнеса, особенно в туристической отрасли. Эти программы позволяют удерживать и стабилизировать экономику, а также справляться с негативными климатическими последствиями на локальном уровне. Так, региональные решения сочетают в себе как финансовую, так и инфраструктурную и социальную поддержку, а значит, носят комплексный характер с опорой на реальные запросы местного населения.

Однако не только на региональном, но и на федеральном уровне (пример национальной инициативы NREGA) высоко оценивается эффективность программ: создается гарантированная заня-

тость, что снижает бедность и укрепляет сельскую инфраструктуру с помощью водоснабжения и ирригации, а также повышает климатическую устойчивость сельских регионов (укрепление почв, ремонт водоснабжения). В случае Гималайского региона эта программа носит не только экономический, но и социальный характер: из-за климатической неустойчивости аграрного штата, в котором природная нестабильность напрямую влияет на уверенность населения в завтрашнем дне в продовольственном и экономическом аспектах, реализация программы обеспечивает занятость и альтернативный доход для населения.

Так, в Химачал-Прадеше включенность как региональных, так и федеральных властей путем реализации программ поддержки на разных уровнях демонстрирует комплексную финансово-институциональную поддержку: программы финансируются из национального бюджета (то есть поддерживаются на государственном уровне), но применяются на уровне регионального управления, что формирует единую систему реализации. Местное население конструктивно реагирует на реализуемые программы через активное включение в практики, демонстрируя более высокую лояльность к региональным властям, чем к федеральным, так как именно на локальном уровне видимость реальных решений оказывается выше. В целом реакция населения штата как на климатические, так и на социально-экономические вызовы подчеркивает повышенное доверие жителей к региональным программам: инициативы воспринимаются населением не в формальном, а в практически реализуемом ключе – как реальный инструмент улучшения жизни. Тем не менее население остается чувствительным к вопросам экологических вызовов, ожидая от управления климатически этичных решений.

Таблица 2

База респондентов в штате Химачал-Прадеш, сентябрь – октябрь 2024 года

Респондент	Дата интервью	Локация	Пол	Возраст	Вид деятельности
1	01/10/24	Джиспа	М	84	Сельское хозяйство
2	01/10/24	Джиспа	М	54	Лекарь, владелец гостевого дома
3	01/10/24	Джиспа	М	52	Владелец отеля
4	30/09/24	Чангут	Ж	45	Фермер
5	30/09/24	Чангут	Ж	53	Сельское хозяйство
6	30/09/24	Чангут	М	49	Владелец кемпинга
7	30/09/24	Джиспа	М	34	Лекарь
8	30/09/24	Джиспа	М	49	Владелец отеля
9	29/09/24	Шакто вилладж	М	47	Фермер
10	29/09/24	Раблинг вилладж	М	33	Фермер
11	29/09/24	Раблинг вилладж	М	45	Фермер
12	29/09/24	Ургос	М	70	Сельское хозяйство, местное управление
13	29/09/24	Ургос	М	46	Продавец
14	29/09/24	Удайпур	М	33	Бизнесмен
15	29/09/24	Удайпур	Ж	34	Домохозяйка
16	29/09/24	Удайпур	Ж, Ж	35, 32	Фермеры
17	29/09/24	Ташиганг	М	45	Учитель
18	28/09/24	Удайпур	Ж	61	Владелица магазина
19	28/09/24	Удайпур	М	76	–
20	28/09/24	Танди	М	48	Фермер
21	28/09/24	Танди	М	54	Учитель
22	28/09/24	Танди	Ж, Ж	72, 80	Пенсионерки
23	28/09/24	Танди	М	90	Коммерция
24	28/09/24	Танди	М	27	Доктор
26	27/09/24	Сиссу	М	48	Фармацевт
27	27/09/24	Сиссу	Ж	–	Владелица магазина
28	27/09/24	Сиссу	Ж, Ж	75, 58	Сельское хозяйство
29	27/09/24	Сиссу	Ж	30	Медицина
30	27/09/24	Сиссу	М, М	65, 66	Фермеры

Заключение

Различия в степени региональной автономии между штатами Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш отражают разницу в реализации управлеченческих курсов в области климатической политики в горных регионах Индии. Химачал-Прадеш, являясь полноценным индийским штатом, обладает широкой административной и финансовой автономией, что позволяет ему конструировать более гибкую и пластичную систему климатического регулирования природных вызовов. Благодаря возможностям принимать управлеченческие решения на региональном уровне, власти штата успешно внедряют точечные программы поддержки, попадающие в запросы именно местных фермеров, предпринимателей и представителей туристической сферы. Таким образом, децентрализованная система управления обеспечивает чувствительность управлеченческих структур к локальному контексту и формирует более прочную модель управления. В то же время союзная территория Джамму и Кашмир характеризуется большей централизацией принятия решений: директивное управление экологической политикой со стороны федерального правительства приводит к ограничению возможностей локальных органов управления в вопросах климатических, социальных и экономических инициатив. Из-за выстраивания вертикальной системы управления население штата оказывается ограниченным в принятии решений, что может приводить к снижению эффективности принятых мер. Политика централизации может значительно уменьшать результативность внедренных мер, так как власти скорее стремятся сделать их универсальными и применимыми к любым случаям, чем директивными в отношении конкретных вызовов, с которыми должно справляться местное население. Таким образом, региональная автономия штата Химачал-Прадеш способствует формированию более целостной и устойчивой модели управления по сравнению с вертикальной централизованной моделью штата Джамму и Кашмир. Децентрализация и поддержка локальных инициатив оказываются важными факторами результативной климатической политики горных регионов Индии.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках проекта «Международное академическое сотрудничество» НИУ ВШЭ в 2025 году.

Список литературы / References

- Барышников, Г. Я., Краснослабодцева, Н. А. (2010) ‘Концептуальные подходы к созданию особо охраняемых природных территорий’, *География и природопользование Сибири*, (12), сс. 22–45. [Barышников, G. YA., & Krasnoslabodceva, N. A. (2010) ‘Conceptual approaches to the creation of specially protected natural areas’ [Konceptual'nye podhody k sozdaniyu osobo ohranyaemykh prirodnyh teritorij], *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri*, (12), pp. 22–45. (in Russ.)]
- Иванченко, В. Д. (2017) ‘Дальневосточный лесной комплекс: Оценка и проблемы правового регулирования противодействия незаконной вырубки и оборота древесины’, *Власть и управление на Востоке России*, 4(81), сс. 200–208. [Ivanchenko, V. D. (2017) ‘The Far-Eastern forest complex: assessment and problems of legal regulation of counteraction to the illegal logging and turnover’ [Dal'nnevostochnyj lesnoj kompleks: Ocenka i problemy pravovogo regulirovaniya protivodejstviya nezakonnoj vyrubki i oborota drevesiny], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 4(81), pp. 200–208. (in Russ.)]
- Котова, Е. С. (2021) ‘Обзор зарубежной и отечественной практики расселения в пределах заповедных территорий’, *География, экология, туризм: научный поиск студентов и аспирантов*, сс. 215–218. [Kotova, E. S. (2021) ‘Review of foreign and domestic practices of resettlement within protected areas’ [Obzor zarubezhnoj i otechestvennoj praktiki raseleniya v predelah zapovednyh territorij], *Geografiya, ekologiya, turizm: nauchnyj poisk studentov i aspirantov*, pp. 215–218. (in Russ.)]
- Agrawal, K. and Agarwal, P. (2020) ‘India: A Form of Asymmetrical Federation’, *Supremo Amicus*, 19, pp. 249–254.
- Allain-Dupré, D. (2011) ‘Multi-level governance of public investment: Lessons from the crisis’, *OECD Publishing*, 87 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/5kg3nk962rbv-en>
- Banks, J. S., & Sundaram, R. K. (1993) ‘Moral hazard and adverse selection in a model of

- repeated elections', In W. Barnett, H. Hinich, & N. Schofield (eds.), *Political economy: Institutions, information, competition, and representation*, pp. 295–311. Cambridge University Press.
- Bhatt, B., Singh, A., & Hagedorn, K. (2022) 'Regulatory reforms and technology adoption in the Indian electricity distribution sector: An interplay of actors, institutions, governance structure and technology', *Institutions, Governance Structure and Technology*, pp. 4–16.
- Blackburn, M., Hutcheson, D., Tsumarova, E., & Petersson, B. (2023) 'Covid 19 and the Russian regional response: Blame diffusion and attitudes to pandemic governance', *Canadian Journal of European and Russian Studies*, 16(1), pp. 29–54. DOI: 10.1080/14753820.2023.2179427
- Chaturvedi, R. (2016) 'India's forest federalism', *Contemporary South Asia*, 24(1), pp. 1–18. DOI: 10.1080/09584935.2015.1132189
- Chathukulam, J., Joseph, M., Rekha, V., Balamurali, C. V., & Thilakan, T. V. (2021) 'Mission Antyodaya: Well envisioned but poorly understood', *Editorial Team*, pp. 140–151.
- Comfort, L. K., Oh, N., & Ertan, G. (2009) 'The dynamics of disaster recovery: Resilience and entropy in hurricane response systems 2005–2008', *Public Organization Review*, 9(4), pp. 309–323. DOI: 10.1007/s11115-009-0084-2
- Das, M., Linzenmeier, M. and Schwerhoff, G. (2024) 'Climate Policy Diffusion Across U.S. States', *IMF Working Paper No. WP/24/59. International Monetary Fund*. DOI: 10.5089/9798400264947.001.
- Dutta, A. and Nielsen, K.B. (2021) 'Autocratic Environmental Governance in India', in *Routledge Handbook of Autocratization in South Asia*. Routledge, pp. 70–80.
- Economy, E. (2014) 'Environmental Governance in China: State Control to Crisis Management', *Daedalus*, 143(2), pp. 184–197.
- Fernandes, M., Rasouli, K., Golubkin, P., Dolatshah, A., Radchenko, I., Prokhorova, U., Shalina, E. (2022) 'Comparing recent changes in the Arctic and the Third Pole: linking science and policy', *Polar Geography*, 45(3), pp. 197–225.
- Fischer, H.W. (2021) 'Decentralization and the Governance of Climate Adaptation: Situating Community-based Planning Within Broader Trajectories of Political Trans-
- formation', *World Development*, 140, pp. 105–135. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105335.
- Gailmard, S. (2014) 'Accountability and principal-agent theory'. In M. Bovens, R. E. Goodin, & T. Schillemans (eds.) *The Oxford handbook of public accountability*, pp. 90–105. Oxford University Press.
- Gailmard, S., & Patty, J. W. (2012) 'Formal models of bureaucracy', *Annual Review of Political Science*, 15(1), pp. 353–377. DOI: 10.1146/annurev-polisci-033110-130254
- Gan, C. C. R., et al. (2021) 'A scoping review of climate-related disasters in China, Indonesia and Vietnam: Disasters, health impacts, vulnerable populations and adaptation measures', *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 66, pp. 102–138. DOI: 10.1016/j.ijdrr.2021.102138
- Gulzar, S. M., Mir, F. U. H., Rafiqui, M., & Tantray, M. A. (2021) 'Damage assessment of residential constructions in post-flood scenarios: A case of 2014 Kashmir floods', *Environment, Development & Sustainability*, 23(3), pp. 1123–1145.
- Harichandan, P. (2023) 'Institutional Preparedness Against Disasters: A Case Study of Odisha' In: Singh, A. (eds) *International Handbook of Disaster Research*. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-19-8388-7_12
- Himachal Pradesh: Understanding State Level Transition in India | The Institute for State Effectiveness (2012) Available at: https://effectivestates.org/publication/himachal-pradesh-understanding-state-level-transition-in-india/?utm_source=chatgpt.com (Accessed: 08 October 2025).
- Hussain, S. (2020) 'Society and politics of Jammu and Kashmir: An introduction', In S. Hussain (ed.), *Society and Politics of Jammu and Kashmir*, pp. 1–30. Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-030-56481-0_1
- Intergovernmental Panel on Climate Change. (2009) *Thirtieth session of the IPCC (IPCC 30)*. Available at: <https://www.ipcc.ch/meeting-doc/30th-session-of-the-ipcc/> (Accessed: 30 September 2025).
- Kaur, S. (2022) 'An analysis of 2014 flood disaster in Jammu and Kashmir (J&K): A case study of 2014 floods in and around Jammu city'. *Annals of the National Association of Geographers, India*, 42(2), pp. 45–60.

- Konaté, F., Iknane, A. A., Diawara, F., Coulibaly, D., & Koné, A. D. (2020) ‘Nutrition and food security in Mali from 2010 to 2020’, *North African Journal of Food and Nutrition Research*, 4(9), pp. 1–6.
- Kumar, S. (2024) ‘Eco-Adventures: Discovering the Planet Responsibly in Himachal Pradesh’, *Research & Reviews: Journal of Ecology*, 13(3), pp. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.52783/eel.v15i2.2981>.
- Lee, K. (2024) ‘Moral hazard in public health policies’, *Applied Economics*, 56(57), pp. 8039–8057. DOI: 10.1080/00036846.2023.2289923
- Malkina, M. Y. (2022) ‘The resilience of the Russian regional economies to the 2020 pandemic’, *Regional Research of Russia*, 12(3), pp. 309–320. DOI: 10.1134/S207997052203007X
- Marquardt, J. et al. (2024) ‘Promises and Pitfalls of Polycentric Federalism: The Case of Solar Power in India’, *Global Environmental Politics*, 24(3), pp. 75–99. DOI: 10.1162/glep_a_00749.
- Melo Zurita, M. L., et al. (2018) ‘Global water governance and climate change: Identifying innovative arrangements for adaptive transformation’, *Water*, 10(1), pp. 29–42. DOI: 10.3390/w10010029
- Moersberger, H., Martin, J. G. C., Junker, J., Georgieva, I., Bauer, S., Beja, P., Breeze, T., Brotons, L., Bruelheide, H., Fernández, N., Fernandez, M., Jandt, U., Langer, C., Lyche Solheim, A., Maes, J., Moreira, F., Pe'er, G., Santana, J., Shamoun-Baranes, J., Smets, B., et al. (2022) ‘Europa Biodiversity Observation Network: User and policy needs assessment’, *EuropaBON/German Centre of Biodiversity Research (iDiv)*. DOI: 10.3897/aphapreprints.e84517
- National Institute of Transforming India (NITI Aayog). (n.d.). Sustainable development in the Indian Himalayan region. URL: <https://www.niti.gov.in/sustainable-development-indian-himalayan-region#:~:text=The%20Indian%20Himalayan%20Region%20is,%20stretching%20across%202500%20km>
- Nilsson, A., Smit, S. and Kuramochi, T. (2021) ‘Non-state and Subnational Climate Action in China: An Overview of the Current Landscape’, Emission Reduction Potential and Implementation’, *New Climate Institute*. URL: <https://newclimate.org/>
- Organisation for Economic Co operation and Development. (2023) ‘Climate adaptation: Why local governments cannot do it alone (OECD Environment Policy Paper No. 38)’. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/climate-adaptation-why-local-governments-can-not-do-it-alone_7ac7e7b0/be90ac30-en.pdf
- Pant, L. P., Adhikari, B., & Bhattacharai, K. K. (2015) ‘Adaptive transition for transformations to sustainability in developing countries’, *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 14, pp. 206–212. DOI: 10.1016/j.cosust.2015.06.004
- Parsons, M., Glavac, S., Hastings, P., Marshall, G., McGregor, J., McNeill, J., Morley, P., Reeve, I., & Stayner, R. (2016) ‘Top down assessment of disaster resilience: A conceptual framework using coping and adaptive capacities’, *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 19, pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.ijdrr.2016.07.005
- Pimentel, M. et al. (2024) ‘Morocco: Moving Beyond the Monarchy's Agenda’, in *Mobilizing for Sustainability: Environmental Civil Society in the Middle East and North Africa*. Center for Strategic and International Studies (CSIS), pp. 23–37.
- Romshoo, S. A., Rashid, I., Altaf, S., & Dar, G. H. (2020) ‘Jammu and Kashmir State: An overview’, In G. H. Dar & A. A. Khuroo (eds.), *Biodiversity of the Himalaya: Jammu and Kashmir State*, pp. 129–166. Springer. DOI: 10.1007/978-981-32-9174-4_6
- Rylenius, T.W. and Hamza, M. (2024) ‘The Fragmentation of Climate Change Adaptation: The Sweden Case’, *International Journal of Disaster Resilience in the Built Environment*, 15(4), pp. 497–515. DOI: 10.1108/IJDRBE-02-2023-0042.
- Salmenperä, H. (2021) ‘Different pathways to a recycling society: Comparison of the transitions in Austria, Sweden and Finland’, *Journal of Cleaner Production*, 292. DOI: 10.1016/j.jclepro.2021.125986
- Scharpf, F. W. (1997) ‘Introduction: The problem-solving capacity of multi-level governance’, *Journal of European Public Policy*, 4(4), pp. 520–538. DOI: 10.1080/135017697344099
- Singh, A. (2025) ‘Fiscal federalism and climate change: Building the institutional framework in India’. *Indian Public Policy Review*, 6(1), pp. 78–122. DOI: 10.55763/ippqr.2025.06.01.003

- Singh, P., Shokeen, S., & Mishra, M. (2022) ‘Issues and challenges in implementation of Jal Jeevan Mission and best practices adopted for water resource sustainability in hilly region of Uttarakhand’, In *Proceedings of the International Conference on Innovative Computing & Communication (ICICC)*.
- Simonet, G. and Leseur, A. (2019) ‘Barriers and Drivers to Adaptation to Climate Change: A Field Study of Ten French Local Authorities’, *Climatic Change*, 155, pp. 621–637. DOI: 10.1007/s10584-019-02484-9.
- Surianto, S. et al. (2019) ‘Regional Policy for Disaster Risk Management in Developing Countries Within the Sendai Framework: A Systematic Review’, *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*, 7(13), pp. 2213–2219. DOI: 10.3889/oamjms.201
- Thakur, H. K. and Singh Negi, B. (2025) ‘The Dynamics of State Politics in Himachal Pradesh: Understanding the Transition from Congress Dominance to the Alternating Power System’, *India Review*, 24(3), pp. 301–330. DOI: 10.1080/14736489.2025.2514968

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

**COMMUNITY-BASED CLIMATE RESILIENCE POLICY
IN MULTILEVEL GOVERNANCE SYSTEMS:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INDIAN STATES
OF JAMMU AND KASHMIR AND HIMACHAL PRADESH**

A. Sorbale, P. Mironova, E. Melnikova, S. Vazhenina, A. Filyushkina

Sorbale Alexey Borisovich, Candidate of Sciences (in Politics), Associate Professor of the Department of Political Science and International Affairs,
National Research University Higher School of Economics, Russia, Saint Petersburg.
E-mail: asorbale@hse.ru (ORCID: 0000-0002-1430-6559. ResearcherID: T-4884-2018).

Mironova Polina Valerievna, Master of Sociology,
National Research University Higher School of Economics, Russia, Saint Petersburg.
E-mail: pmironova@hse.ru (ORCID: 0009-0001-6971-9887. ResearcherID: rid118112).

Melnikova Ekaterina Sergeevna, Master of Political Science, Lecturer at the Institute of Asian and African Studies,
National Research University Higher School of Economics, Russia, Saint Petersburg.
E-mail: esmelnikova@hse.ru (ORCID: 0000-0001-8284-1054, ResearcherID: ONI-9652-2025).

Vazhenina Sofia Andreevna, a Fourth-year Undergraduate Student in the Political Science and World Politics Educational Program,
National Research University Higher School of Economics, Russia, Saint Petersburg.
E-mail: savazhenina@edu.hse.ru (ORCID: 0009-0001-2005-3228. ResearcherID: ONI-8867-2025).

Filyushkina Anna Alexandrovna, PhD in Environmental and Resource Economics, Independent Researcher.
E-mail: anna.filyushkina@gmail.com (ORCID: 0000-0002-3586-2028, ResearcherID: E-1182-2015)

Abstract

This article presents the findings of a study examining the logic behind the development and implementation of climate resilience policies in two Indian states with different degrees of regional autonomy and status within the Indian federal architecture: Jammu and Kashmir and Himachal Pradesh. Using a principal-agent framework, we examine the impact of these differences in status on the two states' approaches to climate change adaptation policies. The empirical analysis is based on 50 interviews with representatives of local communities, businesses, farmers, nomads, and government agencies. Supplementing the interview data with an analysis of open sources on government support measures for local communities in

changing climate conditions, we draw parallels between the two states and their approaches to regulation, implementation of ordinary and crisis policies, and building relationships between government and citizens. We conclude that the regional autonomy of Himachal Pradesh facilitates a more coherent and sustainable governance model compared to the vertical, centralized model of Jammu and Kashmir. The degree of decentralization and support for local initiatives proves to be a crucial factor determining the logic of potentially more successful climate policy in the mountainous regions of India.

Keywords: climate resilience; local communities; principal-agent framework; multi-level governance; India.

Financial support: The article was prepared within the framework of the project “International academic cooperation” HSE University in 2025.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-92-101

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ КОАЛИЦИИ ПРИ ДОМИНИРОВАНИИ ОДНОЙ ПАРТИИ:
СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ЕДИНОЙ РОССИИ»
С ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ (IV–VII СОЗЫВЫ)**

А. К. Михеев

Михеев Андрей Константинович, младший научный сотрудник кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Аннотация

В статье исследуется феномен формирования законодательных коалиций в условиях доминирования одной партии на примере взаимодействия «Единой России» с системной оппозицией (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») в сфере экологической политики в Государственной Думе IV–VII созывов. Ставится центральный вопрос о мотивации правящей партии, обладающей конституционным большинством, вступать в коалиции с оппозицией, для которой такие альянсы являются вынужденной стратегией преодоления институционального барьера для принятия законопроекта. Используя теоретическую рамку, объединяющую теорию коалиций и концепт символического законодательства, выдвигаются и эмпирически проверяются две конкурирующие гипотезы. Согласно первой, коалиции носят проблемно-ориентированный характер и служат инструментом легитимации политически рисковых решений. Вторая гипотеза предполагает, что коалиции используются для символического контроля над публичной дискуссией и реагирования на общественный запрос. Эмпирической базой исследования выступили 40 межфракционных экологических законопроектов, отобранных из Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). Их классификация с применением нейросетевой модели DeepSeek-R1 и последующей ручной верификацией показала подавляющее доминирование проблемно-ориентированных инициатив (93%), что опровергает гипотезу о преимущественно символической природе сотрудничества. Основной вывод статьи заключается в том, что «Единая Россия» использует коалиции с оппозицией не для преодоления численного дефицита голосов, а для оптимизации политических транзакционных издержек и легитимации потенциально непопулярных законопроектов. Стратегия включения всех оппозиционных фракций позволяет правящей партии распределять политические риски, демонстрировать консенсус и канализировать деятельность оппозиции в конструктивное, но ограниченное русло.

Ключевые слова: экологическая политика; Государственная Дума Российской Федерации; «Единая Россия»; системная оппозиция; законодательные коалиции; проблемно-ориентированное законодательство; символическое законодательство.

Экологическая проблематика занимает существенное место в повестке современной России, находясь в поле зрения гражданского общества. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, фиксирующие, что каждый второй россиянин готов вносить вклад в улучшение окружающей среды¹. Законодательные инициативы, вносимые парламентскими партиями, являются важным механизмом трансформации общественного запроса в конкретные политические решения.

Сложившаяся в Государственной Думе Российской Федерации последних созывов партийная система, в которой «Единая Россия» обладает конституционным большинством, а системная оппозиция (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») не имеет возможности самостоятельно проводить свои законопроекты, создает для них устойчивый институциональный барьер. Ярким подтверждением этому служит тот факт, что ни одна экологическая инициатива, внесенная исключительно оппозиционными фракциями, не была принята (Михеев, 2024: 134). В этих условиях стратегической реакцией

оппозиции на данный барьер становится практика внесения межфракционных законопроектов в коалиции с доминирующей партией.

Мотивация оппозиционных партий к вступлению в законодательные коалиции с «Единой Россией» очевидна: стремление повысить шансы на реализацию инициатив. Однако заинтересованность правящей партии, обладающей конституционным большинством, в подобных альянсах не столь однозначна. Поскольку сугубо прагматическая цель обеспечения прохождения законопроекта для «Единой России» теряет актуальность, центральным становится вопрос о её мотивах: что побуждает доминирующую партию идти на законодательные коалиции с оппозицией?

Мотивация «Единой России» к вступлению в законодательные коалиции с оппозицией может быть раскрыта через характер самих инициатив. Здесь возможны две основные стратегические линии.

Первая заключается в кооптации оппозиции вокруг значимых, но политически рискованных решений. В этом случае предметом альянса становятся инициативы, направленные на решение конкретных социально-экономических проблем. Такое сотрудничество позволяет правящей партии, во-первых, продемонстрировать консолидацию политического класса и снять с себя монополию на ответственность, а во-вторых — придать легитимность потенциально непопулярным мерам, распределив политические издержки их принятия.

Вторая стратегия нацелена на формирование диалога и управление общественным мнением. Её инструментом выступают символические законопроекты, не вносящие существенных изменений в политику. Их ключевая функция — коммуникативная: демонстрация способности власти к взаимодействию и её отзывчивости к актуальным запросам, что позволяет снижать социальную напряженность и смягчать критику.

Сфера экологии является идеальной площадкой для верификации данных подходов. С одной стороны, высокий уровень общественной обеспокоенности создает устойчивый спрос на реальные, проблемно-ориентированные законопроекты. С другой — техническая сложность и многогранность экологических проблем предоставляют широкое поле для создания сугубо символических инициатив (Сулимов, Турцева, 2024: 112-113). Таким образом, анализируя экологические законопроекты, можно идентифицировать, какую из стратегий реализует «Единая Россия» в союзе с оппозиционными партиями.

Теоретическая рамка исследования

В политической науке выделяют два основных типа коалиций: минимально выигрышную (*minimal winning*) и сверхразмерную (*oversized*). Первая формируется вокруг конкретного законопроекта и включает минимальное число партнеров, необходимое для гарантированного прохождения голосования (50% + 1 голос) (Riker, 1962; фон Нейман & Моргенштерн, 1970). Рациональность этой стратегии заключается в минимизации политических издержек и максимизации выгод за принятие решения для узкого круга участников.

В противоположность этому, сверхразмерная коалиция создается с привлечением большего числа партий, чем требуется для формального большинства. Её создание обычно обусловлено не только прагматикой голосования, но и более широкими стратегическими соображениями (Axelrod, 1970; Laver, Shepsle, 1996). Одним из ключевых факторов формирования таких коалиций являются институциональные ограничения. Например, бикамерализм (двухпалатная система) часто вынуждает правящую партию привлекать оппозицию для минимизации риска вето со стороны верхней палаты. Даже формально слабые верхние палаты оказывают существенное влияние на политический процесс (Hohendorf, Saalfeld, Sieberer, 2020; Tsebelis, Money, 1997).

Кроме того, сотрудничество с оппозицией позволяет повысить легитимность и стабильность принимаемых решений. Законы, поддержанные широким межпартийным консенсусом, менее подвержены риску отмены при смене правительства (Saalfeld, 2011). Избиратели также способны различать уровень поддержки законопроектов — был ли он принят с минимальным перевесом или с широким одобрением (Algara, Ryan, 2023), что влияет на восприятие эффективности власти.

Ещё одним стимулом для доминирующей партии является снижение политических рисков. Даже имея большинство, она заинтересована в том, чтобы потенциальные оппоненты не блокировали работу парламента. Широкое сотрудничество со всеми фракциями помогает смягчить эти риски, создавая образ консенсуса и эффективного управления. На практике этот процесс часто выглядит как стратегический обмен: стороны договариваются о взаимной поддержке по разным вопросам (Tsebelis,

2011). Классическим примером являются «пакетные сделки», когда несколько разнородных инициатив объединяются в один пакет, чтобы удовлетворить интересы разных групп (Konig, Junge, 2011). Таким образом, правящая партия может пойти навстречу оппозиции и включить в закон её поправки по одному вопросу. Взамен она рассчитывает на лояльность оппозиции при голосовании по другим, более принципиальным для себя законопроектам (Ganghof, 2003).

Таким образом, даже в условиях доминирования одной партии кооптация оппозиции сохраняет свою значимость как инструмент управления законодательной повесткой и обеспечения долгосрочной эффективности парламентских процедур (Gelman, 2017; Jackman, 2014).

В рамках анализа подобных тактик особую значимость приобретает концепт символического законодательства, под которым понимаются правовые акты и нормы, формально провозглашающие определённые предписания или запреты, но не создающие действенных механизмов их имплементации (Bielska-Brodziak, 2019). Основная функция таких актов сводится к артикуляции конкретных ценностей и смыслов, тогда как их непосредственный регулятивный эффект является слабым (Bien-Kacala, 2019: 271-275).

В научной литературе сформировались два конкурирующих подхода к оценке данного феномена. Критический подход интерпретирует символическое законодательство как неэффективный инструмент, не достигающий заявленных целей, но обслуживающий латентные политические задачи (Van Klink, 2016: 22). С этой точки зрения, его ключевая функция — создание иллюзии контроля: принимая подобные акты, правительство сигнализирует о разрешении кризисной ситуации, не прибегая к реальным и затратным мерам (Bielska-Brodziak, 2019). Другой аспект критики связан с использованием намеренно размытых правовых формулировок, создающих пространство для произвольного толкования (Suska, 2025: 1272).

Напротив, позитивный (коммуникативный) подход акцентирует экспрессивную функцию права, отвергая тезис о его сугубо инструментальном характере (Matten, 2003: 218-219). В данном ракурсе символическое законодательство рассматривается как рациональный инструмент, нацеленный не только на прямое регулирование, но и на повышение осведомлённости о значимых общественных проблемах, что может закладывать нормативную основу для последующих трансформаций (Posner, 1998: 766). В этом случае законодатель сознательно отказывается от жёстких императивов в пользу стратегии, направленной на постепенное изменение поведения через стимулирование публичной дискуссии и социального взаимодействия (Newig, 2007: 279-280).

Таким образом, теоретический анализ позволяет выдвинуть две ключевые гипотезы, объясняющие мотивацию доминирующей партии к вступлению в законодательные коалиции с системной оппозицией. Первая гипотеза предполагает, что такие альянсы носят проблемно-ориентированный характер и направлены на решение конкретных вопросов с помощью непопулярных мер, где партии власти требуется участие оппозиции для легитимации решений и распределения политических рисков, что соответствует логике «стратегического обмена». Вторая гипотеза заключается в том, что коалиции используются для символического контроля над публичной дискуссией, позволяя власти через демонстрацию диалога и имитацию реагирования снижать социальную напряженность.

В связи с этим возникает центральный исследовательский вопрос: к какому типу — проблемно-ориентированному или символическому — относятся экологические законодательные инициативы, вносимые оппозиционными партиями в коалиции с «Единой Россией»?

Сфера экологии представляет собой идеальное поле для верификации этих гипотез. С одной стороны, высокий общественный запрос создает необходимость в реальном, проблемно-ориентированном законотворчестве. С другой — сложность и многогранность экологических проблем представляют широкие возможности для формирования сугубо символических инициатив, призванных продемонстрировать вовлеченность, не меняя статус-кво.

Хронологические рамки исследования (IV–VII-й созывы Государственной Думы РФ) выбраны, так как именно с IV-го созыва «Единая Россия» сформировала устойчивое парламентское большинство, определившее новую конфигурацию партийно-политической системы.

Эмпирические данные и анализ

Отбор эмпирического материала осуществлялся на основе данных Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) Государственной Думы РФ. Критерием для идентификации экологических законопроектов служило прямое упоминание в их наименовании терминов, связанных с экологической повесткой, либо контекстуальная принадлежность к сфере экологического регулирования. В их число вошли такие понятия, как «охрана окружающей среды», «устойчивое использование

природных ресурсов», «обращение с отходами», «предотвращение загрязнений», «сохранение биологического разнообразия», а также иные формулировки, непосредственно относящиеся к качеству воздуха, воды и почвы.

Для верификации адекватности произведенной выборки была проведена перекрестная проверка путем соотнесения отобранных законопроектов с профилем комитетов Государственной Думы, курирующих вопросы экологии и природопользования. Далее, на основании данных СОЗД, была определена партийная принадлежность инициаторов каждого законопроекта. Межфракционными считаются законопроекты, внесенные депутатами от «Единой России» и одной из оппозиционных партий. В общей сложности, в исследуемый период было внесено 40 межфракционных законодательных инициатив по экологической проблематике (см. Табл. 1).

Таблица 1

Статус межфракционных (ЕР с оппозицией) экологических законопроектов

	Созыв IV			Созыв V			Созыв VI			Созыв VII		
	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР
Возврат	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0
Отзыв	1	0	0	1	0	0	1	7	1	0	0	0
Принят	0	1	0	2	4	2	3	0	0	0	0	1
Отклонен	1	2	1	0	2	1	3	1	1	1	1	0
Итог	2	3	1	4	6	3	7	8	3	1	1	1

Источник: собственные расчеты автора по данным СОЗД.

Представленные данные позволяют выявить несколько важных тенденций во взаимодействии «Единой России» (ЕР) с системной оппозицией в экологической сфере. Наиболее продуктивной фракцией-партнером ЕР в VI созыве стала КПРФ, с которой было внесено 7 законопроектов, из которых 3 были приняты. Этот факт не случаен и имеет четкое институциональное обоснование: в указанный период пост председателя Комитета Государственной Думы по экологии занимал представитель КПРФ. Это создавало для правящей партии прагматичный стимул для кооперации, превращая фракцию КПРФ из формального оппонента в функционального союзника для продвижения и технической доработки инициатив в профильной области. Данный пример иллюстрирует, как формальные позиции в парламентской структуре могут перевешивать идеологические различия, формируя ситуативные коалиции.

При этом данные не показывают наличие у «Единой России» единственного привилегированного партнера в экологической сфере. Напротив, мы наблюдаем стратегию сбалансированного включения всех парламентских фракций. В разных созывах ЕР инициировала совместные проекты с КПРФ, ЛДПР и СР, демонстрируя отсутствие долгосрочной привязки к конкретному актору.

Несмотря на относительную активность, общая результативность совместных инициатив остается низкой. Из 40 зафиксированных межфракционных законопроектов подавляющее большинство было отклонено, отозвано или возвращено. Эта статистика указывает на то, что сам факт коалиции, даже с доминирующей партией, не является гарантией успеха.

Таким образом, данные подтверждают наличие устойчивой практики межфракционного взаимодействия, мотивированной как прагматическими (использование комитетских позиций оппозиции), так и системными (легитимация) причинами. Однако он же обнажает и главный вопрос, лежащий за пределами таблицы: какова качественная природа этих инициатив?

Под символическим законопроектом будет пониматься законопроект, который содержит декларативные формулировки без четких механизмов реализации, включает нормы с неоднозначной трактовкой или требует замены терминов, не вводит новых правил, обязанностей, санкций или систем контроля (например, штрафов, мониторинга), не меняет правовой статус субъектов.

Классификация законопроектов проводилась с помощью нейросети DeepSeek-R1 (<https://deepseek.com>). Работа с ИИ проходила следующим образом. Модели представлялись тексты законопроектов. Промпт выглядел следующим образом: «представь, что ты эксперт в области экологического законодательства. Тебе необходимо проанализировать текст закона, определить его тип или типы в соответствии с приведенными критериями (содержит декларативные формулировки без четких механизмов реализации, включает нормы с неоднозначной трактовкой или

требует замены терминов, не вводит новых правил, обязанностей, санкций или систем контроля (например, штрафов, мониторинга), не меняет правовой статус субъектов). Аргументируй свою позицию и приведи конкретные примеры из текста. Твой ответ должен основываться только на предоставленном тексте, не используй внешние знания. Также проводилась случайная ручная кодировка, которая во всех случаях подтверждала классификацию DeepSeek-R1.

Таблица 2

Классификация экологических межфракционных (ЕР с оппозицией) законопроектов

DeepSeek-R1		
	Символические	Проблемно-ориентированные
ЕР+КПРФ	1 (7%)	13 (93%)
ЕР+ЛДПР	1 (6%)	17 (94%)
ЕР+СР	1 (13%)	7 (87%)

Анализ характера совместных законодательных инициатив показывает систематическую тенденцию: во всех межфракционных коалициях («ЕР+КПРФ», «ЕР+ЛДПР», «ЕР+СР») преобладают проблемно-ориентированные законопроекты, составляющие от 87% до 94% от общего числа. Полученные результаты позволяют выделить две ключевые закономерности. Во-первых, опровергается предположение о доминировании символических законопроектов – межфракционное взаимодействие имеет преимущественно практическую направленность. Во-вторых, единообразие распределения инициатив во всех случаях свидетельствует об универсальной стратегии правящей партии по отношению ко всем фракциям системной оппозиции, независимо от их идеологических различий. Сохраняется ли тематическая специфика экологических инициатив, предлагаемых разными фракциями, при общем доминировании проблемно-ориентированного подхода?

Экологические законопроекты, внесенные депутатами от ЕР и КПРФ

Доминирующим вектором в совместных инициативах ЕР и КПРФ является последовательное ужесточение экологического контроля и мер административной ответственности. Эта системная тенденция реализуется через несколько ключевых механизмов. Во-первых, происходит значительное увеличение размеров административных штрафов. Яркой иллюстрацией служит законопроект 218438-5², который был успешно принят. Согласно ему, за выброс вредных веществ в атмосферный воздух без специального разрешения для юридических лиц теперь предусмотрен штраф от 180 000 до 250 000 рублей или приостановление деятельности на срок до 90 суток. Нарушение же условий специального разрешения карается штрафом от 80 000 до 100 000 рублей.

Аналогичную логику усиления санкций демонстрируют и другие законопроекты, даже те, что не получили окончательного одобрения. Например, в отклоненной инициативе № 779637-6 предлагалось увеличить штрафы для граждан за нарушение правил пожарной безопасности в лесах. Например, базовый штраф для граждан планировалось повысить с 1,5–3 тысяч до 3–5 тысяч рублей, а в условиях особого противопожарного режима – до 10 000 рублей. Обосновывая эту инициативу, депутат О.А. Лебедев на парламентских дебатах отмечал: «Лесные пожары являются одной из главных проблем лесного хозяйства в России, и при этом каждый лесной пожар сопряжен с нанесением значительного вреда жизни и здоровью граждан, окружающей среде, с причинением ущерба Российской Федерации»³. Другой законопроект (№ 70871-5), который был возвращен авторам, предполагал установление штрафа для юрлиц за нарушение правил обращения с ломом цветных и черных металлов в размере от 500 000 до 1 000 000 рублей с конфискацией.

Во-вторых, создаются новые механизмы административного контроля за оборотом природных ресурсов. Принятый законопроект 168903-6 ввел обязанность для граждан и юридических лиц, осуществляющих заготовку древесины, вести ее учет до обработки, переработки или реализации. Вывозка и перевозка древесины должны осуществляться при наличии сопроводительного документа, содержащего сведения о собственнике, основаниях заготовки, количественных, качественных, по-

² Данные по всем текстам законопроектов взяты из Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (Дата обращения: 30.09.2025)

³ Данные по всем выступлениям депутатов взяты из стенограмм заседаний Государственной Думы Российской Федерации URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (Дата обращения: 30.09.2025)

родных и сортиментных характеристиках. Как заявил В.И. Кашин, «наша задача – навести порядок и в лесу, принять в этом году базовые законы, которые бы не дали возможность спокойно работать ни браконьерам, ни "чёрным лесорубам". Ущерб, который наносится экологии и экономике нашей Родины непосредственно "чёрными лесорубами", значительный».

В-третьих, наблюдается расширение перечня составов административных правонарушений. Примером может служить отозванный законопроект 954756-6, который вводил административную ответственность за действия, повлекшие гибель или увечья животного, предусматривая для юридических лиц штраф от 10 000 до 20 000 рублей.

Параллельно с политикой ужесточения, законодатели предпринимают шаги по формированию новых легальных экономических ниш в сфере природопользования. Этот подход направлен на вытеснение теневого сектора через создание прозрачных и экономически привлекательных условий для ведения деятельности. Так, принятый законопроект 1039291-6 внес изменения в Лесной кодекс РФ, разрешив использование лесов для ведения сельского хозяйства, включая сенокошение, выпас животных, пчеловодство, товарную аквакультуру и выращивание сельскохозяйственных культур. Другие инициативы, даже оставшиеся нереализованными, указывают на поиск решений в смежных областях. Например, отклоненный законопроект 743288-6 допускал в лесных планах субъектов РФ с высокой плотностью населения строительство объектов туристской индустрии и определял максимальный процент площади лесного участка для рекреационной деятельности. А законопроект 465264-4 (отклоненный) был нацелен на создание благоприятных условий налогообложения для налогоплательщиков, осуществляющих добычу золота из россыпных месторождений.

Экологические законопроекты, внесенные депутатами от ЕР и ЛДПР

Совместная работа депутатов от «Единой России» и Либерально-демократической партии в сфере законотворчества демонстрирует баланс между двумя подходами. С одной стороны, парламентарии активно разрабатывают инициативы, направленные на усиление защиты прав и безопасности граждан, что проявляется в расширении государственного регулирования в социально-экологической сфере. С другой стороны, не менее важным направлением их деятельности остается создание условий для экономического развития через смягчение административных требований и стимулирование предпринимательской активности.

Значительный блок инициатив направлен на расширение защитных функций государства в областях, напрямую влияющих на качество жизни и безопасность граждан. В этом ключе показателен отклоненный законопроект № 30217-5, который вводил детальный технический регламент «О маркировке пищевых продуктов для потребителей», устанавливавший строгие правила указания состава, пищевой ценности, наличия ГМО и аллергенов для предотвращения введения потребителей в заблуждение. Другой отклоненной инициативой (№ 393059-4) стало введение федерального регулирования шумового воздействия в ночное время (с 22:00 до 6:00) с определением защищаемых объектов (больницы, жилые дома) и перечня запрещенных действий.

Особое внимание уделяется гуманитарной составляющей. Принятый законопроект № 458458-5 закрепил концепцию гуманного отношения к животным как к чувствующим существам, введя требования к обеспечению их базовых потребностей и запретив жестокое умерщвление. Дополняющий его, но отклоненный законопроект № 458970-5 предусматривал систему наказаний за нарушение этих требований, включая штрафы и конфискацию животных. Еще одна отзванная инициатива (№ 458458-5) вводила обязательную регистрацию собак потенциально опасных пород и требование о наличии свидетельства о прохождении обучения для их владельцев.

Дополнением к усилению регулирования в социально-экологической сфере является пакет инициатив, направленных на deregулирование и стимулирование крупных сырьевых проектов. Например, отклоненный законопроект № 127993-4 предусматривал возможность заключения соглашений о разделе продукции (СРП) без проведения аукционов для участков недр на континентальном шельфе, если они ранее уже предоставлялись для геологического изучения. Отозванный законопроект № 928766-6 впервые детально регулировал вопросы права собственности на искусственные острова и сооружения на континентальном шельфе, жестко привязывая их оборот к праву пользования недрами.

Намерение упростить административные процедуры ярко проявилось в отзванном законопроекте № 504240-6, предлагавшем отменить государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ) для проектной документации объектов капитального строительства, перенеся установление экологического соответствия в рамки экспертизы проектной документации по градостроительному законода-

тельству. Аналогично, другой отозванный законопроект (№ 504064-6) предусматривал возможность одновременной продажи лесных насаждений без аукциона, если рубка была вызвана геологическим изучением недр, и разрешал аренду лесных участков для размещения объектов дорожного сервиса.

Одним из наиболее значимых трендов является смещение акцентов с компенсационной модели возмещения ущерба на восстановительную. Так, отклоненный законопроект № 504011-6 законодательно закреплял приоритет возмещения вреда окружающей среде в натуральной форме через рекультивационные и восстановительные работы. Возмещение в стоимостном выражении допускалось лишь в случаях технической невозможности восстановления или отказа причинителя вреда. Другим примером концептуального нововведения стал отозванный законопроект № 928780-6, вводивший для морской деятельности «принцип нулевого сброса», требующий максимального снижения поступления вредных веществ через применение наилучших доступных технологий. Параллельно наблюдается работа по унификации правового поля, что иллюстрирует принятый законопроект № 97912-5, исключивший слово «природной» из термина «охрана окружающей природной среды» в ряде федеральных законов для упрощения и стандартизации юридического языка.

Экологические законопроекты, внесенные депутатами от ЕР и СР

Значительный блок законодательных инициатив посвящен системному реформированию контроля в областях, представляющих потенциальную угрозу для населения и окружающей среды. Ключевой задачей здесь является консолидация и четкое разграничение полномочий надзорных органов. Ярким примером служит принятый законопроект № 243819-5, который внес комплексные изменения в законодательство об атомной энергии, промышленной безопасности опасных производственных объектов и безопасности гидротехнических сооружений. Его основной целью стало установление четких рамок государственного надзора за обеспечением ядерной, радиационной, технической и промышленной безопасности. Данный законопроект систематизировал регулирование, минимизируя риски дублирования функций и правовые пробелы.

Еще одним аспектом усиления контроля стало совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Принятый законопроект № 536586-5 скорректировал подследственность преступлений, связанных с нарушением правил охраны окружающей среды (статья 261 УК РФ). Изменения затронули компетенцию органов дознания и предварительного следствия, что направлено на повышение эффективности расследования экологических преступлений.

В качестве основы для внедрения принципа расширенной ответственности производителя (РОП) был предложен отклоненный законопроект № 110530-6. Он вводил статью 14.1 в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», устанавливающую специальные требования к обращению с самоходной сельскохозяйственной, лесохозяйственной, строительной и дорожной техникой, утратившей потребительские свойства. Законопроект предусматривал, что обеспечение безопасной утилизации такой техники должно быть бесплатным для последнего владельца, а финансовое бремя возлагалось на импортеров или производителей через механизм утилизационного сбора.

С целью защиты жизни и здоровья граждан был предложен отклоненный законопроект № 261845-5 «О безопасности упаковки». Он предполагал принятие технического регламента, устанавливающего обязательные требования ко всем типам упаковки. Требования включали механическую прочность, герметичность, химическую стойкость, а также возможность переработки. Регламентировались процедуры оценки соответствия и маркировки.

Параллельно с мерами контроля развивается регулирование, направленное на создание позитивных стимулов и развитие ответственных практик. В области биоэтики показателен возвращенный законопроект № 941431-6, который был направлен на запрет использования животных для испытаний и рутинного контроля качества парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов. Вместо этого инициатива предлагала обязать использовать альтернативные биологические модели, что отражает гуманизацию общества и стимулирование развития биотехнологий.

Принятый законопроект № 1130300-7 внес изменения в Лесной кодекс и законы об ООПТ, признав рекреационную деятельность одним из приоритетных видов использования природных территорий. Закон установил базовые принципы ее осуществления: экологическая ориентированность, соблюдение предельно допустимых рекреационных нагрузок и использование инфраструктуры, оказывающей минимальное негативное воздействие на окружающую среду.

Кроме того, рассматривались вопросы либерализации оборота драгоценных металлов. Отклоненный законопроект № 318686-4 частично смягчал государственную монополию, разрешая организациям с аккредитованными лабораториями самостоятельно клеймить серебряные изделия

собственного производства. Также устанавливалось, что клеймение серебряных изделий массой до 3 грамм и изделий, предназначенных для экспорта, может осуществляться на добровольной основе.

Заключение и дискуссия

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретически значимых выводов о природе межфракционного взаимодействия в современном российском парламенте на примере экологической повестки. Эмпирически подтверждено, что коалиционные экологические инициативы носят преимущественно проблемно-ориентированный характер. Статистическое доминирование подобных инициатив (37 из 40) над символическими (3 из 40) опровергает гипотезу о сугубо демонстративной функции межфракционного сотрудничества.

Качественный анализ содержания законопроектов выявляет две основные стратегические линии. Стратегия кооптации находит своё конкретное воплощение в сотрудничестве «Единой России» с каждой из оппозиционных фракций. Так, привлечение КПРФ к соавторству закона о значительном повышении экологических штрафов (№ 218438-5) позволило легитимизировать это рисковое для отношений с бизнесом решение под видом «общественного интереса». ЛДПР была кооптирована для работы над законом о гуманном обращении с животными (№ 458458-5), что помогло распределить потенциальную критику. Однако фокус на внутри парламентской динамике, при всей его информативности, оставляет за скобками вопрос о более широком политическом контексте и возможных «невидимых» акторах, заинтересованных в подобном распределении ответственности. В этой связи возникает теоретическая гипотеза, требующая дальнейшей проверки: инициатором такой кооптации может выступать не только фракция «Единая Россия», но и структуры исполнительной власти. Эмпирическая верификация данной гипотезы сопряжена со значительными методическими трудностями. Реальные договорённости, или скрытая координация между исполнительной и законодательной властью, как правило, не находят отражения в текстах законопроектов или публичных протоколах, оставаясь в области закрытых политических технологий.

Вторая стратегия, проявляется в отсутствии у «Единой России» постоянного привилегированного партнера. Партия власти в равной степени взаимодействует со всеми фракциями системной оппозиции. Так, было внесено 18 законопроектов с участием ЛДПР, 14 – с КПРФ, 8 – с СР. При этом принято было 5 с участием ЛДПР и КПРФ, и 3 – с СР. Данная тактика может быть направлена на институционализацию роли оппозиции как младшего партнера и минимизацию рисков ее консолидации.

Таким образом, парламентское большинство использует коалиции с оппозицией не столько для преодоления численного дефицита голосов (который отсутствует в силу конституционного большинства), сколько для оптимизации политических транзакционных издержек. В обмен на поддержку в отношении «непопулярных» инициатив по усилению контроля (ужесточение штрафов, расширение надзора) оппозиционные фракции получают доступ к соавторству в «позитивных» законопроектах, развивающих сферу (легализация деятельности, социальные льготы), а также – что особенно важно – возможность публичной презентации своей работы в парламенте. Выявленная модель соответствует логике стратегического обмена (logrolling) в условиях асимметричной партийной системы. Однако с институциональной точки зрения, она выходит за ее рамки, выполняя стабилизирующую функцию. Межфракционное сотрудничество создает видимость плюрализма и консенсуса, канализируя деятельность оппозиции в русло конструктивного, хотя и ограниченного, участия. Это позволяет правящей партии не только решать конкретные законодательные задачи, но и легитимировать саму политическую систему в глазах общества, демонстрируя ее работоспособность и отзывчивость.

Следовательно, принятие законов в современной России – это не только и не столько вопрос механического голосования, сколько сложный процесс политического представительства и символического управления. Депутаты от оппозиции, участвуя в коалициях, получают ресурс для демонстрации своей полезности и вовлеченности перед избирателями. В свою очередь, «Единая Россия», распределяя этот символический капитал, укрепляет нарратив о себе как о силе, способной консолидировать элиты и обеспечивать стабильное развитие.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Список литературы / References

- Михеев, А. К. (2024). ‘Конкуренция или консенсус? Экологическое законодательство в условиях отсутствия зеленой партии: случай Государственной Думы Российской Федерации 4–7-го созывов’, *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), cc. 128–139. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-128-139> [Mikheev, A. K. (2024) ‘Competition or Consensus? Environmental Legislation in the Absence of a Green Party: The Case of the Russian State Duma of the 4th–7th Convocations’ [Competition or Consensus? Environmental Legislation in the Absence of a Green Party: The Case of the Russian State Duma of the 4th–7th Convocations], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), cc. 128–139. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-128-139> (In Russ.)]
- Сулимов, К. А., Турцева, К. П. (2024) ‘Законодательные экологические инициативы регионов России в федеральном парламенте: политико-стратегическая эффективность или проблемно-ориентированный подход?’’, *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), cc. 111–127. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-111-127> [Sulimov, K. A., Turtseva, K. P. (2024) ‘Legislative environmental initiatives of Russian regions in the federal parliament: political-strategic effectiveness or a problem-oriented approach?’ [‘Zakonodatel'nyye ekologicheskiye initsiativy regionov Rossii v federal'nom parlamente: politiko-strategicheskaya effektivnost' ili problemno-oriyentirovannyi podkhod?’], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), cc. 111–127. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-111-127> (In Russ.)]
- фон Нейман, Д., Моргенштерн, О. (1970) ‘Теория игр и экономическое поведение’ Москва: Наука. [Von Neumann, D., Morgenstern, O. (1970) ‘Game Theory and Economic Behaviour’ [Teoria igr i ekonomicheskoe povedenie]. Moscow: Science. (In Russ.)].
- Algara, C., Ryan, J. (2024) ‘The Electoral Costs of Legislative Action: Dynamic Partisanship and Agenda Control in the U.S. Congress’, *Journal of Political Institutions and Political Economy*, 4 (4), pp. 577–615. <http://dx.doi.org/10.1561/113.00000089>
- Axelrod, R. (1970) *Conflict of interest: A theory of divergent goals with applications to politics*. Chicago: Markham Pub. Co.
- Bielska-Brodziak, A., Drapalska-Grochowicz, M., Suska, M. (2019) ‘Symbolic protection of animals’, *Society Register*, 3 (3), pp. 103–121. DOI: 10.14746/sr.2019.3.3.06
- Bień-Kacała, A. (2019) ‘Illiberal democracy in action: Polish kind of symbolic legislation’, *European Studies*, 6 (1), pp. 270–280. <https://doi.org/10.2478/eustu-2022-0041>
- Gamson, W. (1961) ‘A theory of coalition formation’, *American Sociological Review*, 26(3), pp. 373–382.
- Ganghof, S. (2003) ‘Promises and pitfalls of veto player analysis’. *Swiss Polit Sci Review*, 9(2), pp. 1–25. <https://doi.org/10.1002/j.1662-6370.2003.tb00411.x>
- Gelman, J. (2017) ‘Rewarding Dysfunction: Interest Groups and Intended Legislative Failure’ *Legislative Studies Quarterly*, 42(4), pp. 661–692.
- Hohendorf, L., Saalfeld, T., Sieberer, U. (2020) ‘Veto power fosters cooperative behaviour: institutional incentives and government-opposition voting in the German Bundestag’, *West European Politics*, 44(4), pp. 921–945. <https://doi.org/10.1080/01402382.2020.1739868>
- Jackman, M. (2014) ‘Parties, Median Legislators, and Agenda Setting: How Legislative Institutions Matter’, *Journal of Politics*, 76(1), pp. 259–272.
- Laver, M., Shepsle, K. (1996) *Making and Breaking Governments: Cabinet and Legislatures in Parliamentary Democracies*. Cambridge University Press.
- Matten, D. (2003) ‘Symbolic politics in environmental regulation: corporate strategic responses’, *Business Strategy and the Environment*, 12 (4), pp. 215–226. <https://doi.org/10.1002/bse.363>
- Newig, J. (2007) ‘Symbolic environmental legislation and societal self-deception’, *Environmental Politics*, 16(2), pp. 276–296.
- Posner, E. A. (1998) ‘Symbols, Signals, and Social Norms in Politics and the Law’, *The Journal of Legal Studies*, 27(S2), pp. 765–797. <https://doi.org/10.1086/468042>
- Riker, W. (1962) *The theory of political coalitions*. New Haven: Yale University Press.
- Saalfeld, T. (2010) ‘Veto Players, Agenda Control and Cabinet Stability in 17 European Par-

- liaments, 1945–1999’ in: Konig, T., Tsebelis, G., Debus, M. (ed.) *Reform Processes and Policy Change. Veto Players and Decision-Making in Modern Democracies*, Springer Science & Business Media, pp. 125–145
- Strom, K. (2000) ‘Delegation and accountability in parliamentary democracies’, *European Journal of Political Research*, 37, pp. 261–289 <https://doi.org/10.1023/A:1007064803327>
- Suska, M. (2025) ‘Becoming Symbolic: Some Remarks on the Judicial Rewriting of the Offence of Animal Abuse in Poland’, *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*, 38, pp. 1271–1289.
- Tsebelis, G. (2010) ‘Veto Player Theory and Policy Change: An Introduction’ in: Konig, T.,
- Tsebelis, G., Debus, M. (ed.) *Reform Processes and Policy Change. Veto Players and Decision-Making in Modern Democracies*, Springer Science & Business Media, pp. 3–21.
- Tsebelis, G., Money, J. (1997) *Bicameralism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tuttnauer, O. (2018). ‘If You Can Beat Them, Confront Them: Party-Level Analysis of Opposition Behavior in European National Parliaments’, *European Union Politics*, 19 (2), pp. 278–298.
- Van Klink, B. (2016) ‘Symbolic Legislation: An Essentially Political Concept’ in: Van Klink, B., van Beers, B., Poort, L. (eds.) *Symbolic Legislation Theory and Developments in Biolaw*. Springer International Publishing, pp. 19–37.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025
Статья принята к печати: 30.10.2025

LEGISLATIVE COALITIONS UNDER THE DOMINANCE OF ONE PARTY: STRATEGIES OF INTERACTION BETWEEN UNITED RUSSIA AND THE PARLIAMENTARY OPPOSITION IN THE SPHERE OF ECOLOGY (IV-VII CONVOCATIONS)

A. Mikheev

Andrey Mikheev, Junior Research Fellow of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science,
Perm State University, Perm, Russia.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Abstract

This article examines the formation of legislative coalitions under the dominance of a single party, using the example of interactions between United Russia and the systemic opposition (the Communist Party of the Russian Federation, the Liberal Democratic Party of Russia, and A Just Russia) in the area of environmental policy in the State Duma of the 4th–7th convocations. It addresses the central question of the motivation of the ruling party, which holds a constitutional majority, to enter into coalitions with the opposition, for which such alliances are a necessary strategy for overcoming the institutional barrier to the adoption of legislation. Using a theoretical framework combining coalition theory and the concept of symbolic legislation, two competing hypotheses are put forward and empirically tested. According to the first, coalitions are problem-oriented in nature and serve as a tool for legitimizing politically risky decisions. The second hypothesis suggests that coalitions are used for symbolic control over public discourse and responding to public demand. The empirical basis of the study is 40 inter-faction environmental bills selected from the System for Supporting Legislative Activity (SSLA). Their classification using the DeepSeek-R1 neural network model and subsequent manual verification revealed an overwhelming predominance of issue-focused initiatives (93%), refuting the hypothesis that cooperation is primarily symbolic. The main conclusion of the article is that United Russia uses coalitions with the opposition not to overcome a numerical deficit, but to optimize political transaction costs and legitimize potentially unpopular bills. The strategy of including all opposition factions allows the ruling party to spread political risks, demonstrate consensus, and channel the opposition's activities into constructive, albeit limited, channels.

Keywords: environmental policy; State Duma of the Russian Federation; United Russia; systemic opposition; legislative coalitions; issue-focused legislation; symbolic legislation.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, at Perm State University.

Международные отношения

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-102-111

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН ЕС В ООН: КОНКУРЕНЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ КООРДИНАЦИИ ПОЗИЦИЙ

Е. А. Маслова, Г. Н. Иванов

Маслова Елена Александровна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России, Москва, Россия, старший научный сотрудник Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований, Институт Европы РАН, Москва, Россия.
E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0000-0002-2493-3900. ResearcherID: J-3216-2013).

Иванов Глеб Никитич, аспирант, МГИМО МИД России, Москва, Россия.
E-mail: gleb-ivanov2001@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-7672-5954).

Аннотация

Рассматриваются процесс координации позиций стран Европейского союза в Организации Объединенных Наций и сопряженная с ним конкуренция между государствами ЕС. Основанием исследовательского подхода авторов служит теория Н. Бурмистера о трех измерениях международных организаций, которые могут одновременно выступать в качестве инструментов, «арен» и акторов мировой политики. Взаимодействие стран ЕС в ООН представляет собой переговорный процесс между государствами Евросоюза с европейскими надгосударственными структурами, а также с другими странами на площадке всемирной универсальной организации. При этом в процессе выработки общеевропейской позиции ЕС неизменно сталкивается с конкуренцией между государствами – членами блока, отстаивающих собственные национальные интересы. В статье анализируются механизм координации и функции Представительства ЕС при ООН в ее главных органах (Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет), рассматриваются приоритетные для Евросоюза темы: политические вопросы, права человека, реформа ООН. Сделан вывод о том, что надгосударственный фактор, в отличие от межгосударственного взаимодействия, не играет ключевой роли при консолидации позиций государств – членов ЕС, а сам процесс координации в силу своей специфики и разногласий между странами блока оказывается подвержен трем проблемам: ригидности, генерализации и позиционированию.

Ключевые слова: ООН; ЕС; ОВПБ ЕС; внешняя политика ЕС; акторность; координация политики; субъектность ЕС.

Методологическая основа и исследовательский вопрос

С момента окончания Второй мировой войны Организация Объединенных Наций (ООН) остается универсальной международной структурой, не имеющей аналогов. Ее центральная координирующая роль лежит в основе сложившегося миропорядка. При этом ключевое значение на платформе организации продолжают играть государства – члены ООН, представленные в Совете Безопасности (СБ) и Генеральной Ассамблее (ГА) – главных органах, на которые возложена ответственность за судьбы человечества. Страны – участницы ООН параллельно представлены и в других организациях, союзах или объединениях формального и неформального типа (Стратегии союзничества..., 2021). Одна из таких групп – страны – члены Европейского союза (ЕС), которые являются постоянными и непостоянными членами СБ ООН и ГА.

В отечественной науке еще не были подробно исследованы вопросы, связанные с координацией общей внешней политики ЕС в ООН. С теоретической точки зрения вопрос взаимодействия стран ЕС на платформе Генеральной Ассамблеи представляет собой уникальный случай «двойной координации», где государства вынуждены взаимодействовать в рамках двух структур одновременно в двух разных ролях: страны – члена ЕС и государства, обладающего собственными внешнеполитическими интересами. Эта проблема также не получила широкого освещения в отечественной и зарубежной литературе, где особое внимание уделялось лишь сотрудничеству между ЕС и ООН на уровне институтов.

Одной из фундаментальных работ, которая затрагивает большинство аспектов, касающихся взаимодействия между ЕС и ООН, является монография Максимилиана Раша «Европейский союз в ООН. Функционирование и сплоченность внешнего представительства ЕС в государственно-центричной среде» 2006 года (Rasch, 2008). Важной представляется монография со схожим названием по редакцией К.В. Лаатикаинен и К. Смит «Европейский союз в ООН. Пересекающиеся мультилатерализмы» (The European Union at the United Nations. Intersecting Multilateralisms, 2006), которая, однако, значительно отличается по своему замыслу от работы М. Раша. Если первая работа носит дескриптивный характер и призвана дать характеристику координации и голосованию ЕС на платформе ООН, то работа Лаатикаинен и Смит фокусируется на отдельных проблемах и вызовах, с которыми сталкивается Европейский союз на площадке ООН. В книге «ЕС в политике ООН. Акторы, процессы и результаты» (The EU in UN Politics, 2017) под редакцией С. Блавоукоса и Д. Боурантониса уделяется особое внимание политике и приоритетам ЕС в отдельных органах ООН. Примечательно, что, помимо результатов голосования, авторы нередко прибегают к другим материалам, которые позволяют произвести необходимый анализ. В качестве альтернативы М. Хосли и Я. Канторович предлагают применять контент-анализ дебатов в Генеральной Ассамблее (Hosli, Kantorowicz, 2025). К этому же методу обращается К. Гейер (Geijer, 2017), рассматривая степень консолидации ЕС в Первом комитете ГА ООН. К двум наиболее комплексным и современным работам по международным организациям, выводы которых можно применить и в отношении ЕС, также следует отнести коллективную монографию «Международная организация» под редакцией В. Риттбергера (Rittberger et al., 2012) и сборник по международным организациям под редакцией Б. Рейналды (Routledge Handbook of International Organization, 2013).

Вывести дискуссию о субъектности ЕС на новый уровень смог датский исследователь Николас Бурмester, который разработал собственную методологию изучения международных организаций как категории. Представляя международные организации в виде политических систем, Бурмester предлагает рассматривать их с трех различных исследовательских точек зрения, в качестве: 1) «инструментов», 2) «арен» или 3) акторов (Burmester, 2019). Инструментами международные организации могут выступать в случае, если они являются проводниками политики государств, что соответствует реалистской точке зрения. «Аренами», которые посредством процедур или норм способствуют переговорам между государствами, их видят сторонники неолиберализма. Полностью самостоятельными акторами, с точки зрения Бурмestera, международные организации считают представители конструктивистского направления в теории международных отношений. Такой синергетический подход был придуман автором специально для того, чтобы ответить на вопрос о степени акторности международных организаций.

Несмотря на то что для Бурмestera ключевым условием акторности является внутренняя сплоченность организации, он вслед за Джипилом и Капорасо (Jupille, Caporaso, 1999) отмечает сложность объективной и количественной оценки акторности. Одной из ключевых проблем, с его точки зрения, представляется сложность в разграничении скоординированных и изначально гармоничных позиций государств. Н. Бурмester отмечает, что итоговая позиция государств может объясняться как результатом переговоров, так и фактом непротиворечия позиций еще до координации (Burmester, 2019). Последняя ситуация минимизирует степень влияния надгосударственных институтов на выработку общей позиции и скорее характеризует международную организацию как лишенную акторности. Для подтверждения или опровержения указанных положений автор использует как количественные методы (на примере статистического анализа голосования), так и качественные, представленные в основном методом ситуационного анализа (*case study*).

Теоретический аппарат Н. Бурмestera представляется наиболее подходящим для настоящего исследования. Это обусловлено в первую очередь сочетанием методов различных школ международных отношений, позволяющих интерпретировать результаты исследования с разных точек зрения. Это соответствует задачам данной работы, которая стремится рассмотреть Европейский союз одно-

временно как: 1) актора на платформе ГА ООН; 2) надгосударственный институт, стремящийся укрепить собственную внутреннюю сплоченность; 3) сумму государств – членов ЕС, преследующих собственные интересы.

Настоящая работа посвящена изучению координации позиций стран ЕС в ООН. Предлагая рассмотреть степень влияния европейских надгосударственных структур на процесс формирования общей позиции среди стран – членов ЕС, авторы данного исследования следуют в русле идей Н. Бурмистера о необходимости разграничения гармоничных и скоординированных позиций для понимания реального уровня сплоченности и акторности Евросоюза.

Статья призвана ответить на вопрос: какими отличительными характеристиками, проблемами и особенностями обладает координация стран ЕС на площадке ООН? Авторы предполагают, что Европейский союз как группа сталкивается не только с межгосударственным измерением взаимодействия, но и с надгосударственным, что определяет его особенный статус в качестве одной из переговорных групп на площадке всемирной организации. Для достижения цели исследования авторы считают важным рассмотреть институциональные аспекты координации, роль Представительства ЕС в ней, а также ключевые препятствия и элементы соперничества, которые возникают на пути выстраивания общеевропейской позиции в ООН.

Представительство ЕС в ООН: функции и институциональная основа

Основная задача по координации позиций Европейского союза в ООН возложена на Представительство ЕС в Нью-Йорке. Выработка общих приоритетов для стран ЕС укладывается в том числе и в логику взаимодействия на платформе ООН, в основе которой лежит «групповая политика». В условиях, когда необходимо добиться согласия как минимум большинства из 193 государств для того, чтобы, например, принять резолюцию в Генеральной Ассамблее, страны стремятся действовать сообща и продвигать свою позицию, объединяясь в ситуативные *ad-hoc* или постоянные альянсы. Этот аспект отличает координацию в рамках Представительства ЕС в ООН (как и любой другой международной организации) от стандартной выработки общей позиции через Представительства ЕС в государствах мира. «Групповая политика» и насущная необходимость согласовывать позиции не только внутри ЕС, но и с другими участниками переговоров в силу их многостороннего характера позволяют говорить, перефразируя концепцию Р. Патнэма, о «трехуровневой игре» (Putnam, 1988; Larsen, 2007). Три уровня, на которых ведется координация позиций (национальный, общеевропейский и международный), соответствуют ранее упомянутым «перспективам» Н. Бурмистера. Исходя из логики «групповой политики», государства – члены ЕС стремятся подстроить общеевропейскую позицию под себя («инструмент»), используя для этого площадку Представительства ЕС при ООН («арена»), которое затем выражает консолидированную позицию группы стран («актор»).

Примечательно, что «арена» в типологии Бурмистера, в отличие от «инструмента», не представляется пассивным объектом. Как и в случае Представительства ЕС при ООН, «арена» обладает косвенным или опосредованным влиянием на принятие решений, которое, однако, не следует упускать из внимания. К функциям Представительства ЕС относятся логистическая, информационная и координационная поддержка представительств государств – членов ЕС, а также информирование надгосударственных органов Союза. Примечательно, что регулярные координационные встречи в Нью-Йорке начали проводиться еще в 2001 году, задолго до появления Лиссабонского договора. Особенно важными они были в контексте работы в Совете Безопасности ООН, где представлена лишь малая часть членов ЕС (Франция и избираемые непостоянныe члены). В связи с этим появился механизм еженедельных «встреч по статье 19»¹ (после 2011 года – «встречи по статье 34»), в рамках которых эксперты стран, заседающих в СБ ООН, информировали других членов ЕС о прошедших обсуждениях и будущих дискуссиях, в том числе в рамках закрытых консультаций.

По словам бывшего представителя ЕС при ООН Томаса Маир-Хартинга, изначально эти встречи носили формальный характер, но уже к 2009–2010 годам их содержание стало субстантивным (Mayr-Harting, 2020). Особенno ситуация поменялась после вступления в силу Лиссабонского договора (2009). Если раньше встречи организовывались странами ЕС, избранными в состав Совета Безопасности, то после 2011 года эта функция перешла к Представительству ЕС при ООН в лице его

¹ Статья 34 (бывшая статья 19) Договора о Европейском союзе: «...государства-члены, которые также являются членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, будут согласовывать свои действия и в полной мере информировать остальные государства-члены...» (Consolidated version of the Treaty on the European Union (2012), Official Journal of the European Union, C. 326, p. 35).

главы или руководителя политического отдела. Тем не менее не стоит полагать, что представители ЕС в СБ ООН, в частности его постоянные члены, делятся любой доступной информацией. Чаще всего в рамках обмена информацией страны ЕС и его Представительство получают доступ к уже согласованным проектам (*blueprint*), которые ставятся на голосование. Маир-Хартинг отмечает парадоксальные случаи, когда Представительство намного раньше получало доступ к документам, находящимся на рассмотрении СБ, обращаясь к третьим странам или прессе, в то время как представители европейских государств подробностей не разглашали (Mayr-Harting, 2020).

Сам факт восприятия Представительства ЕС при ООН как структуры, отражающей интересы Европейской комиссии, но не в полной мере стран – членов Европейского союза, а также ограниченный обмен информацией наводят на мысль о том, что дипломатическая миссия ЕС обладает минимальным воздействием на процесс принятия решений. Фактически Представительство оказывает опосредованное влияние лишь на последнем этапе координации. Совместному обсуждению и консультациям под руководством Представительства предшествует направление необходимых инструкций из столиц государств – членов ЕС в их постоянные представительства (Rasch, 2008).

Тем не менее Представительство ЕС обладает особым статусом, который расширяет его полномочия. С 2011 года Европейский союз получил «расширенный статус наблюдателя» в Генеральной Ассамблее. Эта уникальная в своем роде характеристика, указанная в Резолюции ГА 65/276 от 3 мая 2011 года, фактически уравнивает ЕС в процедурных правах с государствами – членами ООН. Резолюция позволяет представителям Европейского союза заносить себя в список выступающих, участвовать в дебатах на неделе высокого уровня, пользоваться документооборотом Генеральной Ассамблеи и требовать права на ответ. Представительство также получило возможность выдвигать поправки и предложения, но с одним условием – на голосование они могут быть поставлены только по просьбе одного или нескольких государств – членов ЕС.

Следствием резолюции также стала практика заявлений Представительства от имени Евросоюза. Ранее эта обязанность лежала на постоянном представительстве страны ЕС, председательствующей в Европейском совете. При этом в трех разных случаях представители ЕС используют отличающиеся формулировки для обозначения той позиции, которую они выражают. Если вопрос, стоящий на повестке дня, относится исключительно к компетенции ЕС, то Представительство выступает «от имени Европейского союза». Совместное ведение ЕС и государств-членов приводит к формулировке «от имени ЕС и государств-членов», а вопросы, относящиеся исключительно к национальной компетенции, – «от имени государств – членов ЕС» (Geijer, 2017). Таким образом, к постоянному представительству частично перешли и представительские функции. Заявления от имени ЕС обычно готовятся Европейской службой внешних связей и распространяются Представительством среди государств-членов для согласования. Текст утверждается консенсусом или через «отсутствие возражений» (*silence procedure*) – процедуру, которая устанавливает дедлайн для подачи возражений и комментариев. В отсутствие таковых документ считается утвержденным и согласованным.

Статус и компетенции Представительства ЕС в органах ООН

Возможности Представительства ЕС в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности значительно различаются. Если в ГА Европейский союз имеет практически идентичные государствам права, за исключением возможности голосовать, выступать соавтором резолюций и предлагать кандидатов, то в более «государствоцентричном» СБ ООН ЕС лишен подобных полномочий. В соответствии с Временными правилами процедуры Совета Безопасности, «государства, не являющиеся его членами, могут быть приглашены для участия в заседаниях, когда их интересы оказываются затронуты»². Такая формулировка статьи 37 правил не позволяет Европейскому союзу принимать участие в заседаниях. Однако выход из сложившейся ситуации был найден. В соответствии с устоявшейся практикой глава Представительства ЕС при ООН может приглашаться на заседание Совета Безопасности на основании статьи 39, которая позволяет участвовать в заседании «лицу, компетентному в вопросе». Глава внешнеполитического представительства ЕС, таким образом, выступает в личном ключе, несмотря на то что именно он выражает мнение целой группы государств (Mayr-Harting, 2020).

Другой особенностью работы в Совете Безопасности остается кризисный характер большого числа заседаний. Из-за ограничений по времени для старта полноценного координационного процесса в Брюсселе большее значение приобретает своевременная реакция представительства ЕС в Нью-

² Provisional Rules of Procedure of the Security Council. S/96/Rev.7 (1983). United Nations, New York.

Йорке. Для экстренной координации Представительство использует систему электронного документооборота «Агора», которая обеспечивает быстрый обмен информацией. Обычно процесс согласования позиций в преддверии экстренного созыва Совета Безопасности выглядит следующим образом. Представительство ЕС распространяет среди членов Евросоюза, заседающих в Совете Безопасности, информацию о ранее согласованных позициях по теме, рассматриваемой в СБ ООН. В случае, если упомянутая тема ранее не обсуждалась на координационных встречах в Нью-Йорке или отсутствует в концептуальном документе, содержащем приоритеты Европейского союза, Представительство при подготовке информации должно сослаться на документы и решения, принятые в рамках главных органов ЕС по этой теме. Дальнейшее согласование позиций ведется на уровне политических координаторов или глав делегаций в зависимости от степени важности предстоящей встречи (Research Handbook..., 2019).

Помимо более специфических «встреч по статье 19», в настоящий момент Представительство ЕС организует целый ряд координационных мероприятий, направленных на выработку общих подходов в Организации Объединенных Наций. Известные как «встречи на 31-м этаже», они являются скорее «зонтичным термином» для обозначения координационных усилий Представительства на всех уровнях взаимодействия. Политикой в Генеральной Ассамблее и разработкой концептуальных подходов на ее площадке чаще всего занимаются заместители постоянных представителей государств – членов ЕС, в то время как наиболее кризисные и вызывающие разногласия темы обсуждаются главами миссий.

Другим важным полем деятельности для ЕС остается работа в Экономическом и Социальном Совете (ЭКОСОС), который, наряду с Советом Безопасности и Генеральной Ассамблей, входит в число главных органов ООН. Правила процедуры ЭКОСОС схожи с Генеральной Ассамблей, что позволяет международным межправительственным организациям «участвовать без права голоса в заседаниях Совета». Тем не менее Европейский союз не обладает упомянутыми выше расширенными полномочиями наблюдателя (как в случае ГА ООН) и по своему статусу равен другим организациям, которые принимают участие в деятельности ЭКОСОС. Этот факт представляется парадоксальным для экспертов и представителей ЕС, учитывая, что именно деятельность Экономического и Социального Совета в наибольшей степени попадает под исключительную компетенцию Европейского союза (Chané, Wouters, 2017). В частности, это было отражено в так называемой «стратегии Баррозо–Эштон» 2012 года – документе Европейской комиссии, который содержал предложения по укреплению статуса ЕС в международных организациях. Однако за десятилетие статус ЕС в ЭКОСОС не претерпел каких-либо изменений. Это, скорее всего, связано с тем, что он имеет в большей степени статусный, нежели практический, эффект. Более того, дипломаты, работающие в Представительстве ЕС, указывали на то, что ЭКОСОС все же остается «позади» Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности в плане приоритетов, что подтверждается незначительным вниманием, которое главы миссий государств – членов ЕС при ООН уделяют ему в ходе координационных встреч (Borchmeyer, Mir, 2020).

Примечательно, что в проводящемся под эгидой ЭКОСОС Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию Европейский союз, наоборот, обладает наиболее широким спектром возможностей, обладая статусом «полноправного участника». Более того, именно Представительство ЕС при ООН играет лидирующую роль в переговорном процессе по декларации, которая принимается по итогам форума. На министерском уровне переговоры от имени ЕС как коллективного актора ведет Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности.

Более сложной представляется координация по бюджетным вопросам и проблемам, которые касаются фондов и программ ООН. Несмотря на то что в некоторых из них ЕС обладает статусом «донора» или же «расширенным статусом наблюдателя», государства – члены Европейского союза в меньшей степени стремятся согласовывать свои позиции по данной тематике, ограничиваясь лишь обменом информацией. Во многом это обусловлено отличающимися финансовыми возможностями государств ЕС. Если Германия, Швеция или Нидерланды входят в число крупнейших доноров фондов и программ ООН, то вклад части других стран Европейского союза оказывается незначительным.

Приоритетность правочеловеческой тематики для ЕС отражается на особом и отличающемся процессе координации. Если по всем другим темам стратегические приоритеты определяются Рабочей группой Совета ЕС по ООН, то в случае прав человека ведущим институтом становится отдельная Рабочая группа по правам человека (*СОНХМ*). В ее сферу деятельности попадает координация позиций стран ЕС в третьем комитете Генеральной Ассамблеи (по социальным, гуманитарным и вопросам культуры) и Совете по правам человека (СПЧ). В силу широкого охвата темы прав человека в

работе Представительства ЕС в Нью-Йорке учитываются не только решения Совета ЕС и Европейской комиссии, но и Европейского парламента, который нередко принимает резолюции, напрямую затрагивающие данный вопрос. Взаимодействие с СПЧ происходит посредством Представительства ЕС в Женеве в силу его местонахождения. Кроме того, Совет ЕС ежегодно утверждает приоритеты Евросоюза в области прав человека на площадках ООН, в том числе и в СПЧ. Учитывая, что степень консолидации европейских стран по правочеловеческой тематике значительно выше, чем в других областях, страны ЕС часто сталкиваются с проблемой «внешнего лоббирования», которая осложняет процесс координации. Препятствием на пути к консолидации в этом случае становятся не изначальные разногласия между позициями стран ЕС, а возникшие в ходе переговоров опасения по поводу того, как выработанная позиция ЕС скажется на отношениях Союза с другими государствами. Так, в 2017 году именно возможное ухудшение отношений между ЕС и Китаем, а также слишком резкая критика ситуации в этой стране стали причинами отказа представителей Греции согласовать общую позицию и заявление от имени ЕС³.

Пределы координации

Одним из главных недостатков координационных мероприятий ЕС остается их «самореферентность», являющаяся прямым следствием взаимодействия в ООН как «трехуровневой игры». Как указывают эксперты, согласование позиций ЕС в абсолютном большинстве случаев происходит без учета внешнего контекста, в который общая позиция ЕС должна будет вписаться после консолидации. Это приводит к трем ключевым проблемам, с которыми сталкивается Европейский союз после выработки единых подходов в органах ООН: 1) ригидности; 2) генерализации и 3) позиционированию.

Ригидность представляет собой неспособность ЕС отступить от выработанной посредством координационных встреч позиции. Несмотря на то что на Представительство ЕС возложена задача по ведению переговоров от имени Евросоюза, оно не обладает свободой действий в корректировке его позиции. Поскольку любое действие, относящееся к общей внешней политике и политике безопасности ЕС требует консенсуса государств-членов, Представительство ЕС оказывается вынуждено вернуться к координационным встречам для того, чтобы заручиться поддержкой государств ЕС. В результате, ведя переговоры с третьими странами, представители ЕС оказываются заложниками собственной процедуры. Либо переговорщики от ЕС должны быть готовы к тому, что процесс согласования позиции значительно усложнится и затянется, либо позиция ЕС будет представляться ими как *fait accompli*, по принципу «все или ничего», что значительно уменьшает маневренность и переговорную силу Европейского союза.

Генерализация позиции заключается в ее сведении к общему знаменателю. Поскольку консолидированная позиция ЕС должна соответствовать интересам всех государств-членов, она по определению не может содержать в себе «прорывных» формулировок. Обычно позиция от имени ЕС оказывается настолько общей, что может лишить ее какого-либо содержательного элемента. В случае с выступлениями от имени ЕС это не представляет особой опасности. Тем не менее проблематичной генерализация становится при обсуждении проектов резолюций, где зачастую требуются конкретные предложения и механизмы их реализации, которые Европейский союз выдвинуть не всегда может, что предположительно сказывается на привлекательности совместной работы с ЕС.

Позиционирование ЕС неизменно связано с образом Евросоюза, который он стремится проецировать в многосторонних институтах, в частности в Генеральной Ассамблее ООН. Стремление стран ЕС к консолидации позиций по ключевым вопросам повестки дня обусловлено в том числе растущей переговорной силой, в случае если они выступают совместно в роли коллективного актора. Единство позиции ЕС, таким образом, становится инструментом воздействия на другие группы стран и, например, на колеблющиеся государства. Слабость и несогласованность позиции ЕС, наоборот, подрывает имидж Евросоюза как консолидированной переговорной группы. Приглашение третьих стран на координационные встречи без предварительных обсуждений внутри ЕС с целью выработки единой позиции может негативно сказаться на восприятии Евросоюза как сильного и влиятельного участника переговоров. С другой стороны, в условиях, когда общий знаменатель для всех уже определен, эффективность встреч третьих стран и всех стран – членов ЕС оказывается примерно равной встречам, где в роли выразителя интересов Союза выступает Представительство ЕС при ООН.

³ Greece blocks EU statement on China human rights at U.N. [online], *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-eu-un-rights-greece-blocks-eu-statement-on-china-human-rights-at-u-n-idUSKBN1990FP/> (Accessed: 01 June 2024).

Не только координация, но и соперничество

Одной из наиболее проблемных тем для координации позиций стран ЕС остаются выборы в органы ООН, в частности в Совет Безопасности. Учитывая, что кандидаты избираются от региональных групп, а количество мест зачастую крайне ограничено, логичным в интересах ЕС представляется выдвижение единого кандидата, что позволило бы минимизировать конкуренцию и добиться его гарантированного избрания. Однако именно здесь национальные интересы наиболее явно вступают в противоречие с общеевропейскими. Наиболее показательными в данном случае являются выборы непостоянных членов Совета Безопасности на период 2017–2018 годов⁴. От группы «Западная Европа и другие государства» в Совет должны были быть избраны два новых непостоянных члена, однако на эти места претендовали сразу три государства, причем все из них были членами ЕС: Швеция, Италия и Нидерланды. Для победы двум кандидатам необходимо было получить минимум 128 голосов представителей Генеральной Ассамблеи. Несмотря на то что Швеции удалось заполучить место непостоянного члена в первом раунде голосования, противостояние между Италией и Нидерландами растянулось на рекордные шесть раундов, по итогам которых победитель так и не был выбран. Каждое из государств получило по 95 голосов и не собиралось снимать свою кандидатуру. Лишь после прямых переговоров на уровне премьер-министров в ходе саммита глав государств ЕС Италия и Нидерланды согласились разделить пополам свой двухлетний срок: 2017 год в Совете Безопасности находилась Италия, а 2018 год – Нидерланды⁵.

Тот факт, что при посредничестве Представительства ЕС при ООН Европейский союз не смог согласовать необходимое для минимизации конкуренции число выдвигаемых кандидатов, а компромиссное соглашение было достигнуто лишь благодаря прямому вмешательству высших должностных лиц, свидетельствует о значительных разногласиях среди государств-членов по вопросу представленности в одном из ключевых органов Организации Объединенных Наций, а главное – о неспособности Представительства ЕС выстроить процесс координации. Попытки предложить ротационную систему для отбора кандидатов в Совет Безопасности никогда не встречают поддержки у ведущих государств ЕС, которые имеют больше шансов быть избранными (Ekengren, Möller, 2021).

Другой проблемной точкой остается вопрос реформы Организации Объединенных Наций, в частности Совета Безопасности. На данный момент страны ЕС не имеют единой и непротиворечивой позиции по одной из самых острых и обсуждаемых тем на платформе ООН. Глобальная стратегия ЕС 2016 года говорит лишь о необходимости выполнить обязательства по реформе ООН, которые исходят из приверженности Европейского союза концепции глобального управления⁶. Во всех предыдущих случаях ЕС стремился если не к полной консолидации, то хотя бы к ее видимости с целью позиционирования и укрепления имиджа, однако вопрос реформы показывает, что позиции стран ЕС не просто не совпадают, но прямо противоречат друг другу.

Государства – члены Европейского союза входят в три разные группы по реформе Организации Объединенных Наций. Дания, Эстония, Финляндия, Венгрия, Ирландия, Латвия, Словения, Швеция и Португалия поддерживают предложения группы ACT (*Accountability, Coherence and Transparency*)⁷. Основанная Швейцарией, она выступает за «ревитализацию» Генеральной Ассамблеи, перераспределение и укрепление ее полномочий, а также ограничение применения права вето или его полную отмену. Последнее также приветствуется Францией, которая совместно с Мексикой представила инициативу о неприменении права вето при рассмотрении в Совете Безопасности случаев геноцида или преступлений против человечности. Италия, Мальта и Испания, в свою очередь, поддерживают план группы «Объединенные ради консенсуса» (*Uniting for Consensus*), кото-

⁴ Security Council Elections: Italy and the Netherlands Agree to a Split Term [online], *Security Council Report*. Available at: <https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2016/06/security-council-elections-italy-and-the-netherlands-agree-to-a-split-term.php> (Accessed: 01 June 2024).

⁵ Italy Elected to UN Security Council for 2017 After Splitting Seat [online], *La Voce di New York*. Available at: <https://lavocedinelnewyork.com/en/2016/07/01/italy-elected-for-2017-at-the-un-security-council-after-splitting-seat/> (Accessed: 01 June 2024).

⁶ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (June 2016), p. 39.

⁷ Statement by the Deputy Permanent Representative of Portugal to the United Nations in New York, Mr. Jorge Aranda, on behalf of the ACT Group. The Permanent Mission of Portugal to the United Nations (Accessed: 28 March 2024).

рый предусматривает расширение числа только в категории непостоянных членов Совета Безопасности⁸. Главным противником этой инициативы выступает Германия⁹, которая совместно с Индией, Бразилией и Японией входит в «Группу четырех» (*G4*), выступающую за расширение числа как непостоянных, так и постоянных мест.

Примечательно, что вопрос членства в Совете Безопасности оказывается настолько приоритетным для внешней политики Германии, что она готова обратиться к критике Европейского союза для достижения этой цели. Аргументируя свою позицию по вопросу реформы, Министерство иностранных дел Германии открыто говорит о том, что в текущих условиях «общая внешняя политика и политика безопасности не настолько развита, чтобы страны ЕС могли выступать единым фронтом по всем вопросам»¹⁰. Это противоречит общей стратегической установке Европейского союза на собственную презентацию в качестве единого и консолидированного политического блока. При этом Германия четко не выражает свою позицию по вопросу права вето, что вступает в противоречие с позициями всех остальных групп.

Выводы

Таким образом, возможности ЕС по координации позиций на платформе ООН в значительной степени связаны как с политическим статусом Европейского союза в той или иной структуре ООН, так и с обсуждаемой тематикой. Отражением ЕС как «арены» представляется процесс координации европейских государств в Организации Объединенных Наций. Несмотря на наличие особого статуса в Генеральной Ассамблее и собственного Представительства, Европейских союз как институт практически не влияет на процесс выработки общих решений во всемирной организации. Представительство ЕС при ООН в рамках своих компетенций осуществляет лишь организационное и информационное обеспечение государств-членов. При этом сложный процесс координации и стремление стран создать имидж консолидированного объединения приводят к проблемам ригидности, генерализации и позиционирования при «трехуровневой игре», которой становится принятие переговоров в ГА ООН для государств ЕС.

В зависимости от конкретного органа ООН варьируется степень акторности ЕС от полноправного участника переговоров до наблюдателя или даже приглашенного лица. В данном контексте, несмотря на амбициозные изменения, произошедшие в 2011 году, действия Представительства ЕС при ООН все же носят скорее организационный и обеспечительный характер, что подтверждается в том числе словами его бывшего руководителя Томаса Маир-Хартинга. Это связано в первую очередь с межправительственным характером ООН, которая изначально создавалась как объединение, не предназначеннное для негосударственных акторов. Значительным влиянием при согласовании позиций обладает стремление поддерживать собственную идентичность. Учитывая, что процесс поиска общеевропейской позиции на платформе ООН завязан в том числе и на переговорах с другими странами, представленными во всемирной организации, создание имиджа консолидированного объединения потенциально увеличивает переговорные возможности ЕС. Различия в процессах координации и приоритизации тематических кластеров позволяют говорить об их неравнозначности для европейских стран, что в некоторых случаях приводит к гла-венству национальных интересов над общеевропейскими.

⁸ Uniting for Consensus (UfC) [online], *Rappresentanza Permanente d'Italia ONU – New York*. Available at: <https://italyun.esteri.it/en/italy-and-the-united-nations/uniting-for-consensus-ufc/> (Accessed: 01 June 2024).

⁹ Reform of the United Nations Security Council – questions and answers [online], *Federal Foreign Office*. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/internationale-organisationen/vereintenationen/reformen-reformen-fragen/231618> (Accessed: 01 June 2024).

¹⁰ Reform of the United Nations Security Council – questions and answers [online] / Federal Foreign Office. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/internationale-organisationen/vereintenationen/reformen-reformen-fragen/231618> (Accessed: 01 June 2024).

Список литературы / References

- Истомин, И. А., Силаев, Н. Ю., Сушенцов, А. А. (ред.) (2021) *Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий*. Москва: МГИМО-Университет, 371 с. [Istomin, I. A., Silaev N. Yu., Sushenczov A. A. (eds.) (2021) *Alliance strategies in the modern world: military and diplomatic tools: monograph* [Strategii soyuznichestva v sovremennom mire: voenno-diplomaticeskij instrumentarij]. Moscow: MGIMO-Universitet, 371 p. (in Russ.)].
- Borchmeyer, S., Mir, W. (2020) *Increasing the Impact of the European Union at the United Nations in New York*. Konrad-Adenauer-Stiftung, 21 p.
- Burmester, N. (2019) *International Organizations as Actors and Arenas in International Politics*. Aarhus: Forlaget Politica, 93 p.
- Chané, A-L., Wouters, J. (2017) *The European Union in United Nations Economic Governance For*. Leuven: Leuven Centre for Global Governance Studies, Working Paper No.182, 24 p.
- Ekengren, A-M., Möller, U. (2021) ‘Campaigning for the Prize: The Quests by Sweden and the Kingdom of the Netherlands for Security Council Membership, 2017–2018’, *The Hague Journal of Diplomacy*, 16, pp. 27–52. DOI: 10.1163/1871191X-BJA10055.
- Geijer, C. (2017) *EU Unity at the UN General Assembly. A Study of Actorness Cohesion in the First Committee*. Bachelor Thesis, Political Science, Swedish National Defence University, 80 p.
- Hosli, M., Kantorowicz, J. (2025) ‘The European Union in the annual United Nations General Assembly Debates’, *Contemporary Politics*, 31, pp. 413–438. DOI: 10.1080/13569775.2024.2387424
- Jupille, J., Caporaso, J. (1999) ‘Institutionalism and the European Union: Beyond Interna-
- tional Relations and Comparative Politics’, *Annual Review of Political Science*, 2, pp. 429–444. DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.429
- Larsen, M. (2007) ‘Trade Negotiations between the EU and South Africa: A Three-Level Game’, *Journal of Common Market Studies*, 45(4), pp. 857–881. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2007.00751.x
- Mayr-Hartig, T. (2020) ‘Representing the European Union at the United Nations: The Security Council Dimension’ in *Elected Members of the Security Council: Lame Ducks or Key Players?* Leiden, Boston: Brill Nijhoff, pp. 153–176.
- Putnam, R. (1988) ‘Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games’, *International Organization*, 42(3), pp. 427–460.
- Rittberger, V., Zangl, B., Kruck, A. (2012) *International Organization*. 2nd Edition. London: Palgrave Macmillan, 330 p.
- Routledge Handbook of International Organization* (2013) Edited by B.Reinalda. New York: Routledge, 550 p.
- The European Union at the United Nations. Intersecting Multilateralisms* (2006) Edited by K. Laatikainen and K. Smith. New York: Palgrave Macmillan, 232 p.
- The EU in UN Politics* (2017) Edited by S. Blavoukos and D. Bourantonis. London: Palgrave Macmillan, 273 p.
- Rasch, M. B. (2008) *The European Union at the United Nations. The Functioning and Coherence of EU External Representation in a State-centric Environment*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, Brill, 360 p.
- Wessel, R., Odermatt, J. (eds.) (2019) *Research Handbook on the European Union and International Organizations*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 720 p.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2025

Поступила повторно, после доработки: 29.09.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

EU COUNTRIES INTERACTION IN THE UNITED NATIONS: COMPETITION AND MECHANISMS OF COORDINATION

E. Maslova, G. Ivanov

Elena Maslova, Candidate of Sciences (in Politics), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Integration Processes,
MGIMO University, Moscow, Russia.
Senior Research Fellow,
Institute of Europe RAS, Moscow, Russia.
E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0000-0002-2493-3900. ResearcherID: J-3216-2013).

Gleb Ivanov, PhD student,
MGIMO University, Moscow, Russia.
E-mail: gleb-ivanov2001@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-7672-5954).

Abstract:

The article examines the coordination of the positions of European Union countries within the United Nations, as well as the associated competition among EU states. The authors' research approach is based on N. Burmester's theory of "three dimensions" of international organisations, which can simultaneously act as "instruments", "arenas", and "actors" of world politics. EU interaction in the UN fits this logic, functioning as a negotiation process among member states, EU supranational institutions, and other countries, while the formation of a common European position consistently reveals competition among EU members seeking to protect their national interests. The authors analyse the mechanism of coordination and functionality of the EU Delegation to the UN in its main bodies (General Assembly, Security Council, Economic and Social Council), and consider the priority topics for the Union: political issues, human rights, and reform of the Organization. It is concluded that the supranational factor (unlike interstate) does not play a key role in consolidating the positions of the EU member states, and the process of interaction itself, due to its specificity and national contradictions between the countries of the bloc, is subject to three problems: rigidity, generalisation, and positioning.

Keywords: UN; EU; EU CFSP; EU foreign policy; actorness; policy coordination; EU agency.

УДК-327.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-112-121

ТАЙВАНЬСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЛОГИКЕ СПИРАЛИ КОНФЛИКТА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ЭСКАЛАЦИИ

М. И. Рыхтик, Н. К. Панько

Рыхтик Михаил Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии,

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;

директор Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ),

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: Rykhtik_mi@pfur.ru (ORCID: 0000-0003-2325-1235).

Панько Никита Клавдиевич, аспирант факультета гуманитарных и социальных наук,

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Email: nik.panko.1999@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4108-8446).

Аннотация

Тайваньская проблема остается ключевым фактором дестабилизации в Восточной Азии. Усиление КНР сопровождается последовательной реализацией плана Коммунистической партии Китая (КПК) по великому возрождению китайской нации. В 2022 году в Пекине была опубликована правительственныйная Белая книга, отразившая основные запросы эпохи. В ней уделяется особое внимание тезису Си Цзиньпина о том, что великое возрождение китайской нации не может быть завершено без воссоединения с Тайванем. В данном контексте большую тревогу у Пекина вызывает отход администрации Тайбэя от политики «одного Китая». С 2016 года Демократическая прогрессивная партия активно проводит политику по декитаизации и наращивает связи с США. Динамика в Индо-Тихоокеанском регионе также демонстрирует, что статус-кво, достигнутый США, КНР и Республикой Китая в 1980-х годах постепенно теряет свою актуальность. В ответ КНР активизирует политические, экономические и военные инструменты, что создает устойчивую конфигурацию взаимных действий и противодействий, укладывающихся в логику спирали конфликта. Цель исследования – определить, как взаимодействие внутренних и внешних факторов формирует спираль конфликта, которая актуализирует тайваньскую проблему. В ходе работы были применены методы количественного анализа и сравнительного исследования. Результаты исследования показывают, что корень напряженности в тайваньском проливе заключается в сложном переплетении внутренних и внешних факторов, трансформаций на острове и влияния извне.

Ключевые слова: КНР; Тайвань; Китайская Республика; США; Си Цзиньпин; Дональд Трамп; однополярный мир; многополярный мир; китайская мечта; безопасность.

Введение

В последние десятилетия мы стали свидетелями не просто деградации однополярного миро-порядка, но и возвращения реализма как доминирующей парадигмы международных отношений. Мир шагнул в новую эпоху турбулентности, где столкновение амбиций крупных держав, таких как США и КНР, может привести к утрате глобальной стабильности.

Тайваньская проблема, возникшая 75 лет назад, остается серьезным вызовом для всей Восточной Азии. Тайвань не просто территориальный вопрос, а символ геополитического противостояния, проходящего между США и КНР в экономической, военной, и прежде всего в идеологической плоскости. Тайваньские исследования стали вновь популярными в связи с ростом напряженности в регионе, переориентацией внешней политики КНР, провокационными действиями США, а также поступательным отходом тайваньской администрации от статус-кво.

Цель работы – определить, каким образом внутренние и внешние факторы формируют спираль конфликта вокруг Тайваня.

Решая эту задачу, мы проанализировали политические процессы на Тайване, сопоставив внутренние и внешние факторы, влияющие на развитие кризиса в Тайваньском проливе.

Настоящее исследование опирается на концепцию спирали конфликта, согласно которой действия одной стороны, воспринимаемые другой как угроза, вызывают ответные меры, усиливающие напряженность. Рассматриваются внутренние факторы (рост тайваньской идентичности, политика Демократической прогрессивной партии (ДПП) по декитайизации) и внешние факторы (закупка Тайванем американского вооружения, визиты высокопоставленных представителей США на Тайвань, рост военных учений США и КНР в регионе), которые в совокупности усиливают региональную напряженность и создают условия для поступательной эскалации.

В работе используются методы сравнительного анализа, примененные к динамике изменения общественного мнения на острове и военной активности в Тайваньском проливе. Данные методы способствуют лучшему пониманию логики действий. Особое место в работе занимает количественный анализ данных, полученных из открытых источников: статистика Национального университета Чэнчи, отражающая динамику самоидентификации тайваньского населения, отчеты SIPRI о поставках вооружений и аналитика CSIS, демонстрирующая интенсивность военной активности КНР вблизи острова. Авторы используют системно-структурный подход, обеспечивающий целостное видение исследуемого явления.

В отечественной литературе проблема Тайваня преимущественно рассматривается в рамках китайских исследований. Такой подход обусловлен не только политической установкой, согласно которой Тайвань является неотъемлемой частью КНР, но и относительно недавним развитием тайваньских исследований в качестве самостоятельного направления в российском востоковедении. К числу исследователей, занимающихся тайваньской проблематикой, можно отнести отечественных востоковедов: А.Д. Дикарева, А.А. Лукина, А.С. Каимову, Я.В. Лексютину, В.Б. Кашина, И.А. Цветкова, А.А. Кирееву. Зарубежную литературу представляют такие авторитетные исследователи, как Л. Роувен, Д.Д. Миршаймер, Д. Фелл, Ш. Риггер, Ж.П. Кадестан и др.

Авторы в своих исследованиях сосредоточены на изучении динамики международных отношений в Восточной Азии, роли Китая и США. Их работы затрагивают внешнеполитическую стратегию КНР, американо-китайское соперничество, роль тайваньской идентичности и особый политический путь Китайской Республики.

Одним из ключевых аспектов тайваньского вопроса является эволюция национальной идентичности жителей острова. Согласно данным Тайваньского фонда общественного мнения, в декабре 2024 года 63,4 % жителей Тайваня идентифицировали себя исключительно как тайваньцы, а не китайцы¹.

Российский востоковед А.С. Каимова в своей работе «Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности» отмечает, что сформированная идентичность становится фактором, напрямую влияющим на китайско-тайваньские отношения (Каимова, Денисов, 2022: 118). В этом же ключе А.Д. Дикарев и А.А. Лукин подчеркивают, что под термином «Тайвань» часто обозначают разные понятия, суть которых определяется политической идеологией говорящего (Дикарев, Лукин, 2021: 119). Пекин воспринимает рост идей независимости, поддерживаемых так называемым поколением 天然独 (тяньжаньду; буквально «природная независимость» (поколение, рожденное после 1980-х годов, идентифицирующее себя исключительно тайваньцами) как угрозу принципу «одного Китая» (Liu, 2024: 211–214). Это еще раз свидетельствует о том, что Тайвань становится ареной символического противостояния между двумя нарративами. С одной стороны, китайский нарратив о «неотъемлемой части» единого Китая, с другой – утверждающееся на Тайване представление о собственной уникальной идентичности, все менее связанной с материковым Китаем.

Наряду с внутренними изменениями, Тайвань становится ареной стратегического соперничества между США и КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. С точки зрения реалистической теории международных отношений Тайвань представляет собой точку пересечения интересов двух гегемонов: Пекин рассматривает остров как неотъемлемую часть своей территории, тогда как Вашингтон использует его в качестве инструмента сдерживания Пекина.

¹ Election Study Center, National Chengchi University. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) [online]. Available at: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (Accessed: 23 April 2025).

Отечественные исследователи, такие как В.Б. Кашин, Я.В. Лексютина и И.А. Цветков, рассматривают тайваньскую проблему как элемент соперничества Пекина и Вашингтона (Лексютина, 2022: 77; Цветков, 2021), подчеркивают растущую милитаризацию региона и акцентируют внимание на том, что как Пекин, так и Тайвань с США затягиваются в спираль эскалации (Кашин, 2022: 118).

Ключевой теорией к пониманию динамики в тайваньском проливе является «спираль конфликта». Теория исходит из концепции дилеммы безопасности Джона Герца, но была дополнена Робертом Джервисом в работе «Восприятие и неверное восприятие в международной политике». Ключевая идея спирали заключается в том, что меры одной державы, направленные на повышение собственной безопасности, воспринимаются другой как угроза. Эта тенденция запускает цикл ответных действий, что формирует своеобразную воронку эскалации. В современном осмыслении этой концепции различают два подхода: «спиральную модель» Джервиса, предполагающую, что оборонительные действия могут вызвать эскалацию, и теорию устрашения, исходящую из того, что угроза применения силы способна сдержать противника от агрессивных действий. Различие заключается в том, что сторонники устрашения опасаются, что агрессоры недооценивают решимость защитников, в то время как теоретики спирали полагают, что каждая сторона переоценивает враждебность другой (Понамарева, 2023: 343).

В Тайваньском проливе обе модели проявляются одновременно. США, Тайвань и Китай участвуют в спирали конфликта: стороны наращивают военное присутствие в Восточной Азии и Юго-Восточной Азии с помощью создания союзов вроде АУКУС, строительства китайских баз, возведения фортификационных сооружений на Тайване и его участия в укреплении собственной обороны. Эти действия воспринимаются каждой стороной как угроза. Для КНР вмешательство США в тайваньский вопрос рассматривается как нарушение суверенитета, так как КНР считает тайваньскую проблему внутренним делом. США опасаются расширения влияния Китая и потери стратегического контроля в регионе. В то же время присутствуют и элементы теории устрашения, которые активно используются Тайванем и США для поддержания статус-кво. Эта теория легла в основу американской политики «стратегической неопределенности», предполагающей сдерживание Китая от силового присоединения Тайваня и недопущения провозглашения Тайванем независимости. Цель такой стратегии – заставить Пекин сомневаться в успехе силового сценария, а тайваньцев – в надежности гарантий безопасности, в случае если конфликт начнется по их вине.

Сочетание спиральной динамики и стратегии устрашения создает сложную ситуацию: попытки демонстрации решимости могут, с одной стороны, сдержать конфликт, с другой стороны, чрезмерное нагнетание обстановки может запустить неконтролируемую эскалацию.

Обострение в Тайваньском проливе связано с двумя взаимозависимыми факторами: ухудшением китайско-американских отношений и укреплением про-независимой риторики на острове.

Внутренние факторы тайваньского вопроса и их роль в спирали конфликта

В 1992 году в ходе переговоров между Китайской Республикой (КР) и Китайской Народной Республикой (КНР) было достигнуто соглашение, позже получившее название «консенсус 1992 года». Согласно ему, обе стороны признают неделимость одного Китая, однако по-разному его трактуют. КНР считает Тайвань своей провинцией, а КПК – единственным легитимным правительством, представляющим весь Китай. КР также признает существование только одного Китая, но под Китаем предполагает не КНР, а Китайскую Республику, основанную в 1912 году.

После прихода к власти Цай Инвэнь в 2016 году диалог с Пекином, хорошо выстроенный администрацией Ма Инцзю (2008–2014), сократился, а отношения по обе стороны Тайваньского пролива существенно ухудшились. Достигнутый в 1990-х годах консенсус не раз подвергался критике со стороны Тайбэя. Так, в 2019 году Цай Инвэнь заявила, что «Тайвань никогда не признавал консенсус 1992 года» и что «Китай должен признать реальность существования Китайской Республики (Тайвань)². В 2024 году Тайваньский совет по делам материкового Китая (СМК) заявил, что в ходе переговоров в 1992 году не было достигнуто никакого консенсуса³.

² Tsai Ing-wen. President Tsai issues statement on the 1992 Consensus and cross-strait relations (2016), *Office of the President, Republic of China (Taiwan)*. Available at: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (Accessed: 27 May 2025).

³ 人民日报海外版. 统一是历史大势 (Объединение – это историческая тенденция) [online]. Available at: https://paper.people.com.cn/rmrhwb/html/2022-04/26/content_25914879.htm (Accessed: 27 May 2025).

Китайское научное сообщество встревожено тем, что власти ДПП с 2016 года активно пропагандируют курс фактической независимости Тайваня с помощью отрицания исторического факта принадлежности Тайваня Китаю, действительности таких юридических документов, как Каирская и Потсдамские декларации, а также «консенсуса 1992». Политика ДПП отразилась и на школьном образовании. Согласно новой учебной программе Министерства образования КР, количество классических китайских текстов в учебниках было сокращено почти на 50 %⁴. В школьных учебниках истории намеренно замалчивается китайское прошлое, и, наоборот, акцентируется внимание на периоде японской оккупации, который теперь называется «периодом японского правления» (Сяо Чжэнънань, Шэн Сяомин, 2020). Такими методами администрация ДПП закладывает ценности, ориентированные на развитие тайваньской идентичности и ориентацию на независимость.

На фоне трансформации внутриполитического дискурса на Тайване особенно интересны данные, собранные Институтом Чжэнчи, который с 1992 года регулярно проводит социологические исследования по ряду вопросов, включая самоидентификацию тайваньцев и их отношение к статусу острова. Накопленные за почти 30 лет данные представляют большую научную ценность, так как демонстрируют не только определенную последовательность развития политической самоидентификации, но и позволяют вывести причинно-следственные связи, поскольку рост самоидентификации проходит не в вакууме, а под влиянием внутриполитических и внешнеполитических событий.

Рис. 1 наглядно демонстрирует устойчивую тенденцию роста числа людей, считающих себя исключительно тайваньцами. С 1992 по 2024 год количество людей, считающих себя исключительно тайваньцами, выросло с 17,6 до 63,4 %. В то же время можно увидеть одновременное снижение числа тех, кто воспринимает себя как китайцев – с 10,5 до 3,2 %, а также носителей двойной идентичности – с 46,4 до 31 %. Важно подчеркнуть два ключевых временных отрезка: 1996–1997 и 2018–2020 годы.

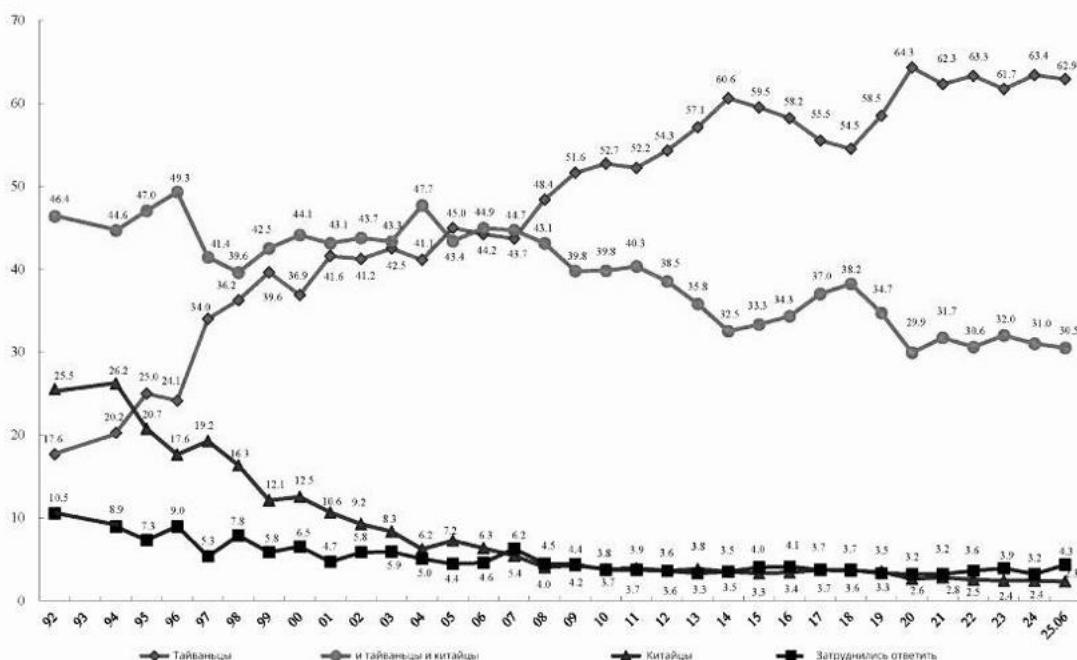

Рис. 1. Соотношение количества населения, идентифицирующих себя как тайваньцы, и граждан, считающих себя китайцами / тайваньцами, и китайцами⁵

Первый совпадает с проведением прямых выборов президента в 1996 году, в ходе которых на второй срок был избран Ли Дэнхуэй, а также военными учениями со стороны КНР, вылившимися в т.н. третий кризис в Тайваньском проливе.

Второй отрезок совпадает с подавлением протестов в Гонконге и началом президентской кампании в 2020 году, усилившей консолидацию общества на фоне внешнеполитических событий (протесты в Гонконге и ужесточение политики Пекина в отношении Тайваня из-за переизбрания Цай Инвэнь).

⁴ Wu, Adrienne (2024) ‘The Debate over “De-Sinicizing” School Curricula in Taiwan: Partisan Politics or a Reclamation of Heritage?’ [online], *Global Taiwan Brief*, 9, 2. Available at: <https://globaltaiwan.org/2024/01/the-debate-over-de-sinicizing-school-curricula-in-taiwan-partisan-politics-or-a-reclamation-of-heritage/> (Accessed: 29 May 2025).

⁵ Election Study Center, National Chengchi University. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) [online]. Available at: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (Accessed: 23 April 2025).

Для более комплексного понимания внутриполитического дискурса необходимо проанализировать статистику общественного мнения относительно статуса острова (рис. 2).

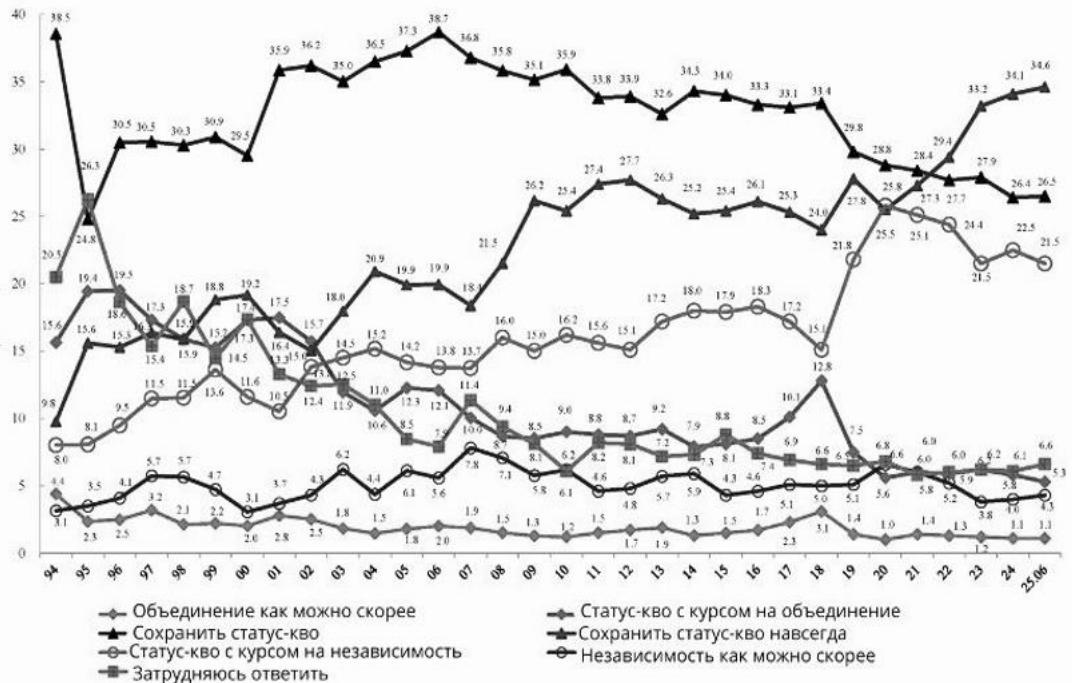

Рис. 2. Динамика общественного мнения Тайваня: независимость, объединение или статус-кво (1994–2024)⁶

Анализ динамики общественного мнения с 1994 по 2024 год показывает следующие тенденции: последовательный рост сторонников независимости (с 8 до 25 %). На этом фоне заметно сократилась поддержка идеи воссоединения с КНР (с 19 до 6 %). Наиболее популярной позицией все еще остается сохранение статус-кво. В настоящее время ее поддерживают около 34 % респондентов. Данные демонстрируют, с одной стороны, устойчивую внутреннюю консолидацию в тайваньском обществе в отношении сохранения текущего положения, с другой стороны, мы можем наблюдать неуклонный рост количества сторонников независимости острова, что может свидетельствовать о назревающем расколе между двумя основными идеями – сохранением текущего положения или обретением суверенитета. Этот рост также привязан к определенным событиям: президентские выборы 2000 года и приход к власти ДПП, кризис в Тайваньском проливе 1995–1996 годов, протесты против соглашения о торговле услугами с КНР⁷ («Движение подсолнухов»), избрание Цай Инвэнь в 2016 году, военные учения Китая в 2022 году.

В выпущенной в 2022 году Белой книге подчеркивается, что мирное воссоединение остается предпочтительным вариантом для Пекина. В то же время в ней заметна усиленная риторика об «исторической задаче» воссоединения, рассматриваемого как условие для «национального возрождения китайской нации».

В настоящее время Китай чередует «мягкую» и «жесткую» силу в зависимости от политического контекста. Одним из ключевых инструментов «мягкой» силы является создание привлекательных условий для бизнеса. Тайваньским предпринимателям предоставляются налоговые льготы и доступ к субсидиям. Кроме того, с помощью различных образовательных и культурных программ Китай привлекает тайваньских студентов, поступающих в китайские вузы. Китайские университеты предлагают целевые квоты, стипендии и гарантированное трудоустройство. По мнению китайских политологов, эти меры, хотя и формируют положительный имидж Китая, все же недостаточны, так как не способны указать путь выхода из политического тупика. Для его преодоления необходимо

⁶ Election Study Center, National Chengchi University. Taiwan Independence vs Unification with the Mainland (1994/12–2024/12) [online]. Available at: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7800&id=6963> (Accessed: 23 April 2025).

⁷ Соглашение о торговле услугами предполагало совместное открытие рынков (финансы, коммуникации, здравоохранение). Однако данное соглашение было критично встречено частью тайваньского населения, в особенности студентами, в результате чего были организованы массовые протесты, получившие название «Движение подсолнухов».

принудить Тайбэй принять «консенсус 1992 года», на базе которого уже возможно будет строить дальнейший диалог (Ломанов, 2022: 166).

Тем не менее, несмотря на политику «кнута и пряника», разработанную при Дэн Сяопине, стратегия КПК в отношении Тайваня не смогла добиться фактических результатов «мирного воссоединения». На этом фоне произошла заметная трансформация политического курса КПК в отношении Тайваня (Кулешова, Чжан, 2022: 19–20). Бывший заместитель министра обороны Китайской Республики Линь Чуньпинь описал политическую логику Пекина в отношении Тайбэя как «жесткое становится жестче, мягкое становится мягче»⁸, подразумевая то, что КНР проводит мягкую политику, чтобы зародить энтузиазм у тайваньцев к объединению, но, когда Пекин сталкивается с неудачами «мягкой» силы, делает упор на жесткие меры. К ним относится демонстрация решимости применить военную силу, дипломатическую изоляцию и экономические санкции⁹. Все эти меры входят в политику «饭独促统» (фаньдуцутун) – противодействие сепаратизму и содействие национальному воссоединению.

Таким образом, Китай демонстрирует, что любая попытка Тайваня двигаться в сторону независимости (во внутренней или внешней политической сфере) воспринимается как сепаратизм и угроза национальной безопасности. С точки зрения Пекина тайваньский вопрос – исключительно внутреннее дело Китая, и вмешательство в него третьих сил – сепаратистов из ДПП или США запускают спираль конфликта, заставляя Китай вводить санкции и демонстрировать более решительные действия. Однако существуют иные подходы, более популярные на Тайване и в США. Жесткая реакция Пекина лишь усиливает стремление Тайбэя к укреплению собственной обороны. Как подчеркивала Цай Инвэнь, «чтобы был мир, Тайвань должен быть способен защитить себя»¹⁰. Это стремление воспринимается КПК как угроза ее миссии по «великому возрождению» – исторической и идеологической задачи, от которой зависит легитимность партии. Такая идеологическая установка ставит тайваньский вопрос в ряд экзистенциальных задач, от решения которых зависит будущее КПК и КНР (Schubert, 2024: 449–451).

Внешние факторы тайваньского вопроса и их роль в спирали конфликта

Некоторые специалисты США и военные, включая Уильяма Бернса, Пита Хегсета, Райана Хасса и Эли Ратнер, считают, что, наряду с мерами «мягкой» силой, Китай активно готовится к силовому сценарию. Данная дискуссия стала актуальной после того, как бывший адмирал США и командующий Индо-Тихоокеанским флотом Джон Аквилино заявил, что Китай в 2027 году предпримет попытку военного вторжения¹¹. Об этом говорил и Уильям Бернс, директор ЦРУ, подчеркнув, что американская разведка располагает данными, подтверждающими, что Си Цзиньпин дал указания НОАК к 2027 году быть готовой к военной операции по установлению контроля над Тайванем¹².

Министр обороны США Пит Хегсет в своем выступлении, прошедшем в Сингапуре, заявил: «Пекин всерьез готовится к применению военной силы для изменения баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе». Пит Хегсет, обращаясь к союзникам США в регионе, также отметил, что «наша цель – предотвратить войну, сделать ее цену слишком высокой с помощью надежного щита сдерживания»¹³. Под «сдерживанием» подразумевается наращивание военного присутствия в реги-

⁸ Wang Pingyu: The Harder, the Harder; The Softer, the Softer (2005) [online], *Liberty Times*, 30 June. Available at: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/paper/11168> (Accessed: 15 August 2025).

⁹ China bans 35 Taiwanese food exporters in warning ahead of Pelosi visit (2022) [online], *Reuters*, 2 August. Available at: <https://www.reuters.com/world/china/china-bans-35-taiwanese-food-exporters-warning-ahead-pelosi-visit-2022-08-02/> (Accessed: 15 August 2025).

¹⁰ Tsai Ing-wen renews her pledge to strengthen Taiwan's self-defense during her visit to war memorial (2023) [online], *AP News*, 23 August. Available at: <https://apnews.com/article/taiwan-tsai-ingwen-kinmen-battle-china-7141bcfe55dada487372251eb6b9645> (Accessed: 18 August 2025).

¹¹ Aquilino, J. (2024) Statement before the House Armed Services Committee [online]. Available at: <https://www.congress.gov/118/meeting/house/116960/witnesses/HHRG-118-AS00-Wstate-AquilinoJ-20240320.pdf> (Accessed: 02 June 2025).

¹² Gazis, O. V. (2023) CIA Director William Burns: "I wouldn't underestimate" Xi's ambitions for Taiwan [online], *CBS News*, 3 February. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/cia-director-william-burns-i-wouldnt-underestimate-xis-ambitions-for-taiwan/> (Accessed: 02 June 2025).

¹³ Hegseth, P. Remarks by Secretary of Defense Pete Hegseth at the 2025 Shangri-La Dialogue in Singapore [online]. Available at: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/4202494/remarks-by-secretary-of-defense-pete-hegseth-at-the-2025-shangri-la-dialogue-in/> (Accessed: 31 May 2025).

оне, проведение военных учений, укрепление альянсов с Японией, Южной Кореей, Австралией и Филиппинами, а также дипломатическое давление на КНР¹⁴.

Стоит отметить, что, вопреки заявлению американских властей, на данный момент нет никаких прямых подтверждений готовящейся операции со стороны КНР, однако действительно наблюдается некоторая милитаризация региона как со стороны КНР, так и со стороны США (Кашин, 2023). Особенность этого проявляется в росте числа военных учений вблизи Тайваня (Кашин, Тимофеев, 2021). Ниже будет приведена статистика военной активности КНР в Тайваньском проливе с 2021 по 2025 год.

Согласно графику на рис. 3 в 2024 году зафиксировано большое количество пересечений ВВС НОАК зоны активности ПВО Тайваня, которое к концу года составило более 3075 случаев. Это на 81 % больше, чем в 2023 году. Активизация военной активности в Тайваньском проливе совпадает с инаугурацией нового президента Тайваня Лай Цинда, который, по мнению китайских властей, является сторонником независимости острова. По мнению А.В. Ломонова, тенденция демонстрирует связь внутренних политических сдвигов в Тайбэе и реакцией Пекина (Ломанов, 2022: 161). Отход ДПП от «консенсуса 1992 года» создает опасность развития сепаратизма, что побуждает Китай использовать более жесткие методы предупреждения.

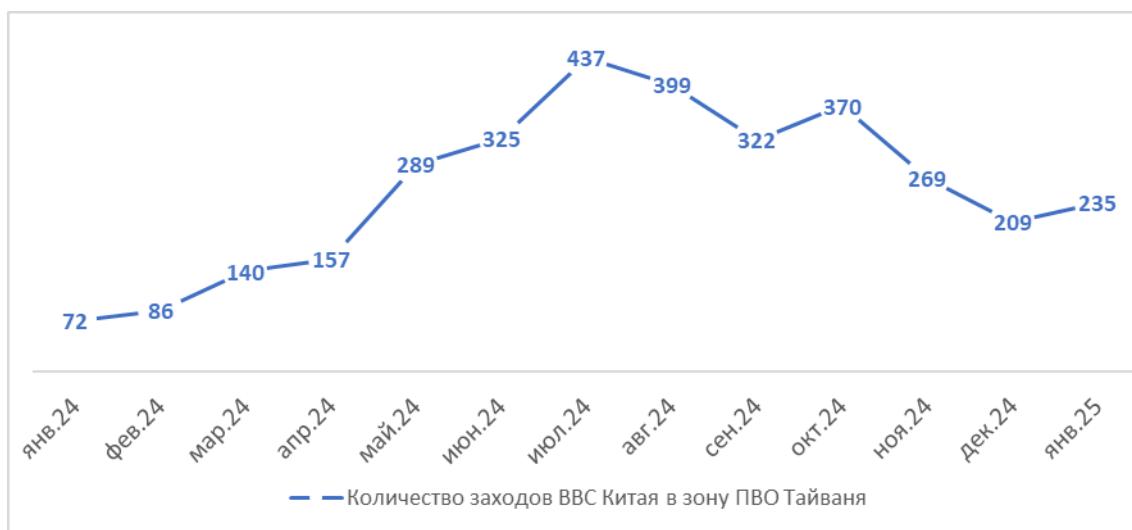

Рис. 3. Отчет о деятельности Народно-освободительной армии Китая в морском и воздушном пространстве вокруг Тайваньского пролива с 2021 по 2025 год¹⁵

Кроме того, за последние годы КНР значительно нарастила военное производство. Военный бюджет в 2024 году увеличился на 7,2 % по сравнению с предыдущим годом и составил 1,784 трлн юаней¹⁶. Если сравнивать с 2013 годом, то военный бюджет Китая увеличился более чем в два раза¹⁷. Китай активно развивает военно-морской флот, постепенно вводя в строй крупные десантные корабли Type 075 и авианосцы Type 003 Fujian¹⁸. Развитие флота усиливает принятую Китаем стратегию A2/AD¹⁹, направленную против вмешательства третьих сил в регион, в случае начала конфликта вокруг Тайваня. На фоне наращивания китайского военного потенциала Тайвань при поддержке США развивает комплексные контрмеры. Правительство Китайской Республики утвердило на 2025 год рекордный оборонный бюджет в размере 20,2 млрд долларов США, или 2,45 % ВВП, что для мирного времени является очень высоким показателем.

¹⁴ Asia-Pacific Regional Security Assessment 2024. Ch. 1. The United States and the Indo-Pacific. International Institute for Strategic Studies [online]. Available at: https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/asia-pacific-regional-security-assessment-2024/chapter-1/?utm_source (Accessed: 03 June 2025).

¹⁵ China Escalates Cross-Straight Military Activity under Taiwan President William Lai (2024) [online]. Available at: <https://www.csis.org/analysis/china-escalates-cross-strait-military-activity-under-taiwan-president-william-lai> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁶ China to increase defense budget by 7.2 percent in 2025, Xinhua (2025) [online]. Available at: <https://www.xinhuanet.com/english/20250305/4e754276fa3d4cc1ac903dc6795030d/c.html> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁷ Reuters. China maintains defence spending increase at 7.2 % amid roiling geopolitical tensions (2025) [online]. Available at: <https://www.reuters.com/world/china/china-maintains-defence-spending-increase-72-2025-03-05/> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁸ China's Naval Modernization and Amphibious Operations Capabilities. ChinaPower Project, Center for Strategic and International Studies (CSIS) [online]. Available at: <https://chinapower.csis.org/analysis/china-naval-modernization-jiangnan-hudong-zhonghua-shipyard/> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁹ A2 – Anti-access (противодействие доступу), AD – Area Denial (блокирование возможности действий в регионе)

График на рис. 4 демонстрирует поступательный рост военного бюджета как в КНР, так и в Китайской Республике. Уровень расходов на вооружение у обеих сторон не сопоставим. Пекин, обладая хорошей экономической и ресурсной базой, способен почти в 15 раз тратить больше на вооружение, чем Тайбэй. При этом необходимо отметить, что официальные данные КНР могут не в полной мере отражать фактические траты. По оценкам ряда западных исследователей, реальные расходы могут превышать официальные на 20–40 %²⁰.

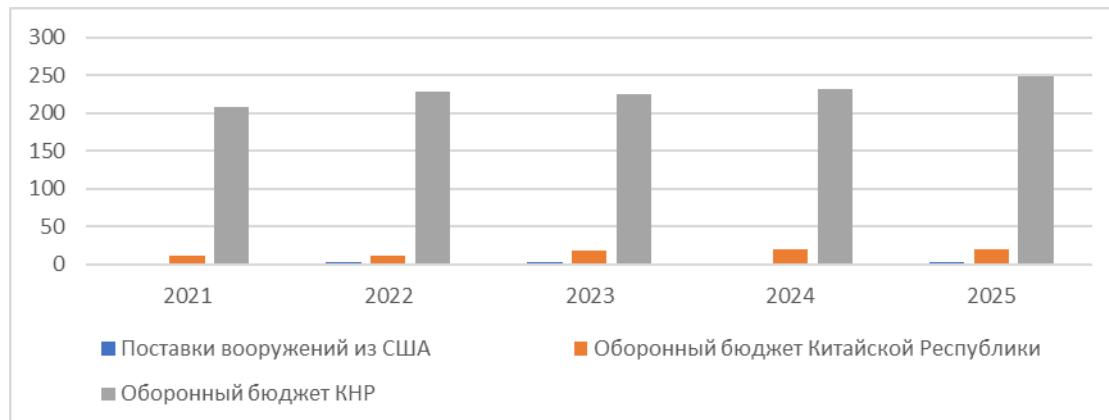

Рис. 4. Соотношение военных бюджетов КНР и КР, а также объем поставок вооружений США

В графике (см. рис. 4) также указаны объемы поставок вооружений США. Согласно данным за последние 5 лет (2021–2024), объем продаж оружия со стороны США составил около 8,71 млрд долларов, что составляет 8,9 % от общего оборонного бюджета Тайваня за этот период. Основная доля военного бюджета КР расходуется на собственные проекты: модернизацию флота, проектирование собственных систем ПВО, строительство дизельных подводных лодок, развитие тайваньского ракетостроения.

В дополнение к традиционным направлениям на Тайване ведутся работы по строительству искусственных рифов, подземных военных баз и заводов (преимущественно на восточном побережье острова), развитию мобильных вооружений и беспилотников. Активно ведется подготовка населения с помощью увеличения срока службы до 1 года в 2024 году.

Взаимодействие Тайваня и США можно объяснить теорией устрашения. США используют политику стратегической неопределенности, наращивают присутствие американских войск в регионе, проводят совместные учения с Кореей и Японией и поставляют вооружение на Тайвань. Экономические меры также являются частью стратегии. В случае войны США могут ограничить доступ КНР к некоторым торговым маршрутам, а также заморозить зарубежные активы КНР. Все эти действия направлены на то, чтобы заставить Пекин тщательно взвешивать последствия силового решения тайваньского вопроса.

Заключение

Анализ эндогенных и экзогенных факторов тайваньской проблемы показывает, что ситуация в Тайваньском проливе соответствует классической модели спирали конфликта, когда действия одной стороны вызывают ответные меры с другой стороны: рост сторонников независимости на Тайване воспринимается Пекином как отход от «консенсуса 1992 года», что ведет к усилению политического, экономического и военного давления на остров. В то же время политика Пекина в отношении острова в тайваньских СМИ преподносится как форма принуждения и агрессии, что, напротив, способствует сплочению общества вокруг политического курса ДПП. Впоследствии это выражается в наращивании оборонного бюджета и укреплении связей с США. Важным фактором является и политика ДПП по декитаизации, которая разрушает основу двустороннего диалога и усиливает недоверие между сторонами.

Экзогенные факторы играют не меньшую роль в развитии динамики вокруг Тайваня. Ситуация в тайваньском проливе с 2016 года изменилась не в лучшую сторону. На фоне ухудшающихся отношений

²⁰ Estimating China's Defense Spending: How to Get It Wrong and Right (2024) [online], *Texas National Security Review*. Available at: <https://tnsr.org/2024/06/estimating-chinas-defense-spending-how-to-get-it-wrong-and-right/> (Accessed: 28 April 2025).

между КНР и США Индо-Тихоокеанский регион становится ареной стратегической конкуренции. Эти процессы происходят на фоне укрепления Китая. Вашингтон пытается сохранить свое военно-политическое присутствие в регионе, создавая альянсы (АУКУС, ЧДПБ), проводя масштабные военные учения в регионе. Китай отвечает маневрами вблизи Тайваня и увеличением оборонного бюджета. Пекин также усиливает дипломатическое давление, направленное против изменения статус-кво, и активно действует инструменты «мягкой» силы для укрепления связей как с Тайванем, так и со странами Юго-Восточной Азии. Все эти действия формируют тенденцию, где каждый шаг одной стороны отражается в действиях другой, усложняя поиск мирного решения тайваньского вопроса.

Список литературы / References

- Дикарев А. Д., Лукин А. В. (2021) ‘Тайваньская нация’: от мифа к реальности?’, *Сравнительная политика*, 1, сс. 119–133. [Dikarev, A. D., Lukin, A. V. (2021) ‘Taiwanese Nation’: From Myth to Reality?’ [‘Tajvanskaya natsiya’: ot mifa k real’nosti?], *Sravnitel’naya politika*, (1), pp. 119–133. (In Russ.)].
- Каимова, А. С., Денисов, И. Е. (2022) ‘Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности’, *Сравнительная политика*, 1, сс. 116–137. [Kaimova, A. S., Denisov, I. E. (2022) ‘The Status of Taiwan and the Evolution of Taiwanese Identity’ [Status Tajvanya i evolyutsiya tajvanskoj identichnosti], *Sravnitel’naya politika*, (1–2), pp. 116–137. (In Russ.)].
- Кашин, О. В. (2022) *Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г: причины и перспективы развития*. ИМЭМО РАН [Kashin, O. V. (2022) *Escalation of the military-political situation around Taiwan in 2022: causes and development prospects* [Obostrenie voeno-politicheskoi situatsii vokrug Tayvanya v 2022 g.: prichiny i perspektivy razvitiya], IMEMO RAN. (In Russ.)].
- Кашин, В. (2023) ‘Какой будет война за Тайвань, и как она повлияет на весь мир’, [электронный ресурс], *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakoy-budet-voyna-za-tayvan-i-kak-on-a-povliyaet-na-ves-mir/> (Дата обращения: 30.09.2025). [Kashin, V. (2023) ‘What Will the War for Taiwan Look Like, and How Will It Affect the World?’ [Kakoy budet voyna za Tajvan’, i kak ona povliyaet na ves’ mir], *Russian International Affairs Council (RIAC)* Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakoy-budet-voyna-za-tayvan-i-kak-on-a-povliyaet-na-ves-mir/> (Accessed: 30 September 2025). (In Russ.)].
- Кашин, В., Тимофеев, И. (2021) ‘Американо-китайские отношения: к новой холодной войне?’, *Российский совет по международным делам* [Kashin, V., Timofeev, I. (2021) ‘US–China Relations: Toward a New Cold War? ’ [Amerikano-kitajskie otnosheniya: k novoj kholodnoj vojne?], *Russian International Affairs Council (RIAC)* (In Russ.)].
- Кулешова, Н., Чжан, Ч. (2022) ‘Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем в контексте новой геополитической ситуации’, *Научно-аналитический журнал Обозреватель*, сс. 5–28. [Kuleshova, N., Zhang, Ch. (2022) ‘The coercive path of Taiwan’s unification with mainland China in the context of the new geopolitical situation’ [Silovoi put’ obedineniya Tayvanya s materikovym Kitayem v kontekste novoi geopoliticheskoi situatsii], *Obezrevatel’*, pp. 5–28. (In Russ.)].
- Лексютина, Я. В. (2022) ‘Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем’, *Journal of International Analytics*, 13(4), сс. 76–93. [Leksiutina, Y. V. (2022) ‘The Strategy and Tactics of Taiwan’s Foreign Policy amid Rising Tensions with China’ [Strategiya i takтика vneshej politiki Tajvanya v usloviyakh obostreniya napryazhennosti s Kitaem], *Journal of International Analytics*, 13(4), pp. 76–93. (In Russ.)].
- Ломанов, А. (2022) ‘От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня’, *Пути к миру и безопасности*, 2(63), сс. 150–174. [Lomanov, A. (2022) ‘From Reunification to National Rejuvenation: The Modern Chinese View on the Taiwan Issue’ [Ot vosoedineniya k natsional’nomu vozrozhdeniyu: sovremenennyj kitajskij vzglyad na problemu Tajvanya], *Puti k miru i bezopasnosti*, 2(63), pp. 150–174. (In Russ.)].
- Понамарева, А Роберт Джервис. (2023) ‘Восприятие и невереное восприятие в

международной политике. Размышления о прочитанном', *Полит. наука*, 2, сс. 349–357. [Ponomareva, A., Jervis, R. (2023) ‘Perception and misperception in international politics: reflections on the reading’ [Vospriyatiye i nevernoe vospriyatiye v mezhdunarodnoi politike: razmyshleniya o prochitannom], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 349–357. (In Russ.)]. Цветков, И. А. (2021) ‘Проблема международных обязательств США после ухода из Афганистана: готова ли Америка защищать Тайвань?’, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, (4), сс. 393–407. [Tsvetkov, I. A. (2021) ‘The Problem of US International Commitments after the Withdrawal from Afghanistan: Is America Ready to Defend Taiwan?’ [Problema mezhdunarodnykh obyazatel'stv SShA posle ukhoda iz Afganistana: gotova li Amerika zashchishchat Tajvan?], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya, (4), pp. 393–407. (In Russ.)]. Schubert G. (2024) *The Chinese Communist Party’s Unfulfilled ‘Taiwan Dream’*. *The Chinese Communist Party: A 100-Year Trajectory*. Canberra: ANU Press. 429–454 p. Liu, T. (2024) ‘T. Xi Jinping’s Taiwan Policy: Soft Gets Softer, Hard Gets Harder’, in Ashley Esarey (ed.) *The Xi Jinping Effect*. Rongbin Han. Seattle: University of Washington Press, 22 p.

肖振南,沈晓敏 ‘台湾地区青年“国家认同”危机与社会教科书国家观念变迁’ 广州社会主义学院 (2020), 2, pp. 43–51. Сяо Чжэньнань, Шэнь Сяомин (2019) ‘Кризис национальной идентичности» молодежи Тайваня и трансформация представлений о государстве в школьных учебниках’, *Гуанчжоуский институт социализма*, 2, сс. 43–51. (In Chinese).]

Статья поступила в редакцию: 21.07.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

THE TAIWAN ISSUE WITHIN THE LOGIC OF THE CONFLICT SPIRAL: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS OF ESCALATION

M. Rykhtik, N. Panko

Mikhail Rykhtik, Doctor of Sciences (in Politics), Professor,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
Director,
IMOMI, Lobachevski University of Nizhniy Novgorod,
E-mail: Rykhtik_mi@pfur.ru (ORCID: 0000–0003–2325–1235).

Nikita Klavdievich Panko, PhD Student, Faculty of Humanities and Social Sciences,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
E-mail: nik.panko.1999@mail.ru (ORCID: 0000–0002–4108–8446).

Abstract

The Taiwan issue remains a key destabilizing factor in East Asia. The rise of the PRC is closely linked to the CCP’s plan for the great rejuvenation of the Chinese nation. The 2022 White Paper emphasized Xi Jinping’s thesis that this rejuvenation cannot be achieved without reunification with Taiwan. Beijing is therefore increasingly alarmed by Taipei’s departure from the “One China” policy. Since 2016, the Democratic Progressive Party has pursued de-Sinicization and strengthened ties with the United States. At the same time, regional dynamics show that the status quo established among the United States, the PRC, and the Republic of China in the 1980s is losing relevance. Washington has expanded arms sales and military exercises with Taiwan, while Beijing has responded by intensifying political, economic, and military measures. This interaction produces a conflict spiral, reflecting the interplay of Taiwan’s domestic transformations and external pressures. The aim of this study is to examine how internal and external factors jointly shape this conflict spiral, which keeps the Taiwan issue at the center of regional security. Using quantitative and comparative methods, the findings suggest that the root of cross-Strait tensions lies in the complex interconnection of domestic identity shifts on the island and international competition.

Keywords: PRC; Taiwan; Republic of China; USA; Xi Jinping; Donald Trump; unipolar world; multipolar world; Chinese Dream; security.

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-122-135

ТЮРКСКИЙ МИР КАК ЭТНОМИР: АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

С. П. Артеев

Артеев Сергей Павлович, к. полит. н., научный сотрудник,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных

отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: artsp7@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4335-2850. ResearcherID: E-9387-2016).

Аннотация

Глубокие перемены в политическом мироустройстве начались еще в последней трети XX века, и тогда наиболее явным образом они выражались в глобализации, но именно в 2020-е годы трансформация стала носить кризисный характер в столь выраженном виде. При этом основное внимание исследователи уделяют проблемам изменения миропорядка (системы международных отношений). В результате в научном дискурсе слабо представлено осмысление некоторых менее заметных, но также значимых явлений и процессов. Между тем традиционные (двестфальские) идентичности – этническая, конфессиональная, лингвистическая – становятся политическими факторами, приводят к появлению таких феноменов, как особые транснациональные сообщества и пространства (миры). Одним из наиболее заметных из таких миров является тюркский мир, но в научном дискурсе преобладает государственно-центричный подход к его анализу, который проводится преимущественно через национальные интересы государств. В статье на основе теории идентичности формулируется концепт неотрадиционалистских (традиционистско-идентитарных, неоидентитарных) миров и этномиров как одного из их вариантов. Представлен анализ тюркского мира как неотрадиционалистского политического феномена. Цель статьи – концептуализировать неотрадиционалистские миры как теоретический конструкт и операционализировать его через анализ базовых характеристик тюркского мира. При этом автор не претендует на исследование тонкостей и акцентов, характерных для страноведческих исследований специалистов-туркологов. Тюркский мир в данном случае является иллюстрацией концепта неотрадиционалистских (традиционистско-идентитарных) миров (в варианте этномиров).

Ключевые слова: тюркский мир; Турция; неоосманизм; этническая идентичность; миропорядок; политическое развитие; этномир; неотрадиционалистские миры.

Введение

В мире происходят многоплановые разноуровневые глубинные трансформации. Вестфальская политическая система (модель) погружается в кризис. Контуры будущего мироустройства не отличаются ясностью, но очевидно, что международно-политический аналитический дискурс о перспективной конфигурации великих держав, выдержаный в преимущественно вестфальской логике (какие центры силы и в каком взаимном расположении будут управлять миром), выглядит как уравнение с неполными данными. Тем не менее именно такой подход по-прежнему доминирует в аналитике. Какие новые вводные, в том числе нематериального характера, могут повлиять на будущее политическое мироустройство в широком смысле? Вероятно, именно стремительно политизирующаяся этническая идентичность станет одним из таких факторов, а неотрадиционалистские (традиционистско-идентитарные, неоидентитарные) миры – ее видимым проявлением в политическом ландшафте.

Тюркский мир в научном дискурсе

В научном дискурсе среди других подобных пространств / сообществ тюркский мир явно выделяется. Причины этого связаны с той ролью, которую играют тюркские государства в современных политических процессах на пространстве Евразии, энергетической повесткой и картой актуальных конфликтов.

Следует отметить, что исследователи, занимающиеся изучением тюркского мира, тюркского фактора, в основном являются специалистами-страноведами, что во многом предопределяет их методологический подход к проблеме. Это обусловило, что тюркский мир анализируется преимущественно в государственно-центричном ключе, а в качестве доминирующей теоретической парадигмы явно или неявно выступает неореализм.

Государственно-центричный подход в научном дискурсе при анализе тюркского мира, тюркского фактора проявляется себя прежде всего через анализ феномена неоосманизма. Неоосманизм является предметом пристального изучения специалистов-туркологов в силу растущей роли Турции в международных делах. Неоосманизм в научном дискурсе выступает как идеологическая платформа, внешнеполитическая стратегия Турции на протяжении последних 35 лет. Изучаются корни неоосманизма в контексте конкурирующих идеологий (Böyükba, Bilici, 2024). Однако главное внимание занимает комплексный подход к современной внешней политике Турции и роли в ней неоосманской идейной платформы (Seçkin, 2017; Свишунова, 2024; Романова, Черничкин, 2024). В российском научном дискурсе активность Турции на пантюркском направлении нередко оценивается негативно с точки зрения интересов Российской Федерации (Аватков, 2014; Аватков, 2024). Кроме того, внимание акцентируется на том, что для продвижения своих интересов Турция эффективно использует «мягкую» силу (Мехдиев, 2016). Иногда появляются компаративные исследования, в которых крупные государства выступают в роли консолидаторов пространств, близких в культуральном, религиозном и языковом отношениях, оцениваются сильные и слабые стороны таких паннациональных проектов (Кефели, Комлева, 2023).

В целом в рамках этатистского подхода неосманизм занимает доминирующее положение. В результате тюркский мир в научном дискурсе – это в первую очередь турецкий проект, «турецкий мир»¹, то есть реализация неоосманской идеологической платформы нынешних властей Турции во главе с президентом Эрдоганом. Однако тюркский мир как тюркский проект («турецкий мир») – это лишь часть политических процессов, связанных с общетюркской идентичностью, ее потенциалом, особенностями и перспективами. Отождествлять тюркский мир с неоосманским проектом Турции было бы упрощением, тем более что неоосманизм не ограничивается тюрками, поскольку Османская империя являлась трансконтинентальным государством и владела арабскими землями и территориями на Балканах. Турция в рамках своей неоосманской платформы действует на «нетюркских» направлениях и сегодня (Свишунова, 2020). Значит, тюркский этномир как неотрадиционалистское пространство / сообщество не исчерпывается активностью Турции на тюркском направлении своей внешней политики, как и не сводится он к внешней политике любого другого государства. Наглядное соотношение тюркского мира и неоосманского проекта представлено на рис. 1.

Это означает, что доминирующий государственно-центричный (преимущественно неосманистский) подход не исчерпывает всю неотрадиционалистскую идентитарную проблематику тюркского мира. Пантюркизм и шире неоосманизма, и уже. В контексте эрозии Вестфальской политической системы мира возрастает значение иных, негосударственных акторов и феноменов.

¹ Специалисты-туркологи нередко обращают внимание на то, что в турецком языке «турок» и «тюрок» и их производные пишутся одинаково, что подчеркивает укорененность идеи тюркского единства под главенством Турции на уровне языка.

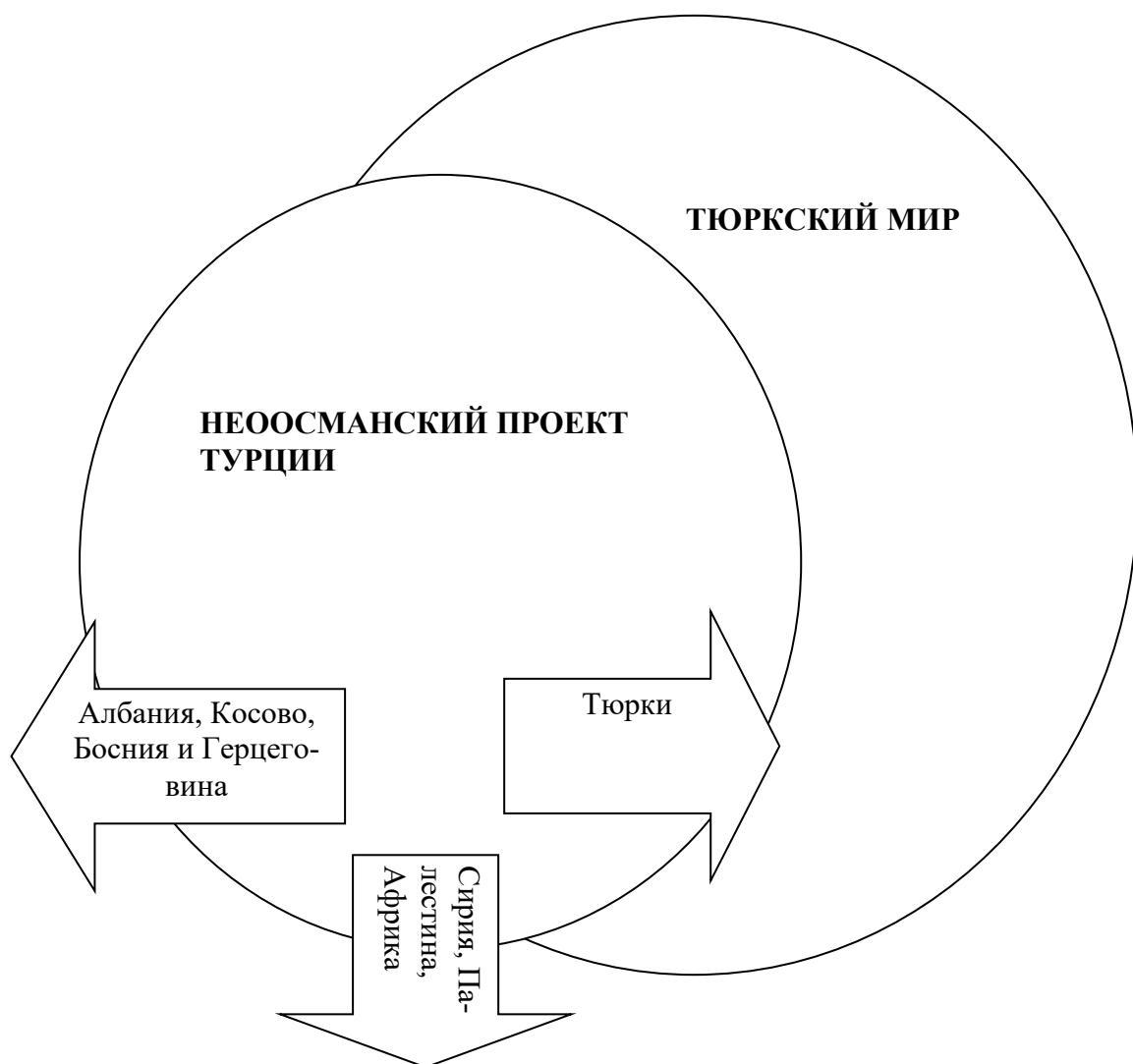

Рис. 1. Соотношение тюркского мира и неоосманского проекта Турции
(источник: собственные расчеты автора)

Неотрадиционалистские миры в целом и концепт этномира в частности предлагают альтернативный методологический ракурс. Тюркский мир в таком случае не сводится к сумме национальных интересов и амбиций лидеров государств (вестфальская аналитическая парадигма, куда относится и неореализм), но предстает как сложносоставное пространство и сообщество на основе тюркоязычных этнических групп, которые используют свою этническую и языковую идентичность в качестве политического ресурса развития, коррелирующего, но не сводимого к какому-либо государству. Сопоставительный анализ двух подходов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Тюркский мир сквозь призму этатистского и этномирового подходов

Параметр	Этатистский подход	Концепт этномиров
Акторы	Государства	Государства, субнациональные регионы, этноорганизации
Критерий эффективности	Продвижение интересов того или иного государства	Сохранение этнической, языковой идентичностей существующих этнических групп тюрков через формирование панидентичности
Роль конструирования, дискурсивной силы	Большая	Большая

Неотрадиционалистские миры и этномиры как концепты: теоретико-методологические аспекты

Окончание холодной войны привело к раскрепощению международных отношений, а процессы глобализации стимулировали появление новых политических акторов, значение которых возросло на рубеже XX–XXI веков. В результате политизации этничности в 1990-е годы и позже на мировую авансцену один за другим стали выходить неотрадиционалистские миры (например, финно-угорский мир, тюркский мир и др.). Они формируются на основе одной или нескольких идентичностей, одна из которых, как правило, является ведущей:

- этническая;
- лингвистическая;
- религиозная (конфессиональная);
- постимперская.

Неотрадиционализм, вынесенный в название концепта, проявляет себя следующим образом:

- традиционная часть: «старые», традиционные идентичности – этническая, религиозная, являвшиеся основными политическими маркерами до становления Вестфальской политической системы в середине XVII века, в дальнейшем приведшей к появлению национального государства и формированию национальной / государственной идентичности в качестве базовой политической идентичности индивида;
- новая часть: новые транснациональные политические идентичности как результат политического конструирования на основе имевшихся этнокультурных, религиозных и иных домодерновых предпосылок.

Неотрадиционалистские миры (традиционистско-идентитарные миры, неоидентитарные) делятся на несколько типов:

- 1) этномиры: арабский, финно-угорский (Артееев, 2020);
- 2) конфессиональные: католический, мусульманский;
- 3) лингвистические: испаниад, англосфера;
- 4) постимперские: португальский (Сигачев, Артееев, 2022).

Этномир – транснациональное политическое пространство (ТПП) на основе общности по признаку этнокультурной идентичности и/или сопряженных с ней идентичностей (лингвистической, религиозной, постимперской), в котором формируется и функционирует сообщество разнотипных акторов. Следует отметить, что постепенно и не без труда концепт этномиров и других смежных понятий пробивает себе дорогу в научном дискурсе (Тишков, 2025: 100).

Несмотря на то что в социокультурном отношении феномен этномиров существует много столетий (например, арабский мир со времен Средневековья), количественный рост этномиров и их качественная трансформация, связанная с приобретением политического наполнения и даже политической субъектности, начали происходить относительно недавно (после окончания холодной войны) и связаны с несколькими мегатрендами: глобализацией, регионализацией, миграцией, демократизацией, гуманитаризацией, цифровизацией и вообще технологическим прогрессом.

Тюрки в мире

Ареал расселения охватывает места традиционного обитания тюрок в Евразии, где они на протяжении многих столетий формировали свои государства или тем или иным образом становились частью других государств. Помимо этого, многочисленные тюркские диаспоры проживают и в местах «нового миграционного освоения» – в Евроатлантике.

Демографические показатели. Примерная численность тюрок в мире оценивается в 200–250 млн человек. Значительную их часть составляют малочисленные или относительно малочисленные этнические группы, проживающие как в государствах с преобладанием тюркского населения (каракалпаки в Узбекистане), так и в других странах. Малые тюркские этнические группы, как и им подобные представители других этноязыковых семей, находятся под серьезной угрозой ассимиляции по данным ООН².

² 2800 языков коренных народов могут исчезнуть навсегда (2019) [Электронный ресурс], ООН, 8 августа. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/08/1360731> (Дата обращения: 12.05.2025). В 2019 г. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила период с 2022 по 2032 год Международным десятилетием языков коренных народов мира.

Религия среди тюркских этнических групп³ также имеет значение с точки зрения политических процессов. В конфессиональном отношении среди тюрок доминирует ислам и по числу этнических групп, и по числу носителей веры, но распространение получили также христианство (гагаузы, чуваши), иудаизм (караимы, крымчаки), буддизм (часть уйгуров), шаманизм (часть якутов, тувинцев, хакасов).

Государственность тюрок в современном мире представлена в нескольких формах. Собственное государство – Турция, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан. Субнациональная этническая автономия – Татарстан, Башкортостан, Якутия, Чувашия в России, Каракалпакстан в Узбекистане, Гагаузия в Молдове и др. Группы, не имеющие своей государственности в какой-либо форме, – кашкайцы (обитают в Иране), сирийские туркмены, польско-литовские татары.

Диаспоры. Тюркские этнические группы активно вовлечены в международные миграционные процессы со второй половины XX века. Наиболее политизированы на сегодняшний день турецкие диаспоры в Германии, где проживает свыше 5 млн лиц турецкого происхождения в том или ином поколении. В 2024 году в Германии громко заявила о себе новая партия – «Демократический альянс за разнообразие и пробуждение» (Demokratische Allianz für Vielfalt und Aufbruch, DAVA⁴). По сути, это протурецкая партия, опирающаяся на этнических турок Германии, к тому же способная консолидировать и другие миноритарные этнические группы Германии и всего Европейского союза, особенно тюркские и мусульманские⁵.

Тюрок отличаются разнородностью этнических групп, широкой географией расселения, сложным конфессиональным профилем, наличием разных типов государственности и усиливающейся ролью диаспорального сообщества (рис. 2).

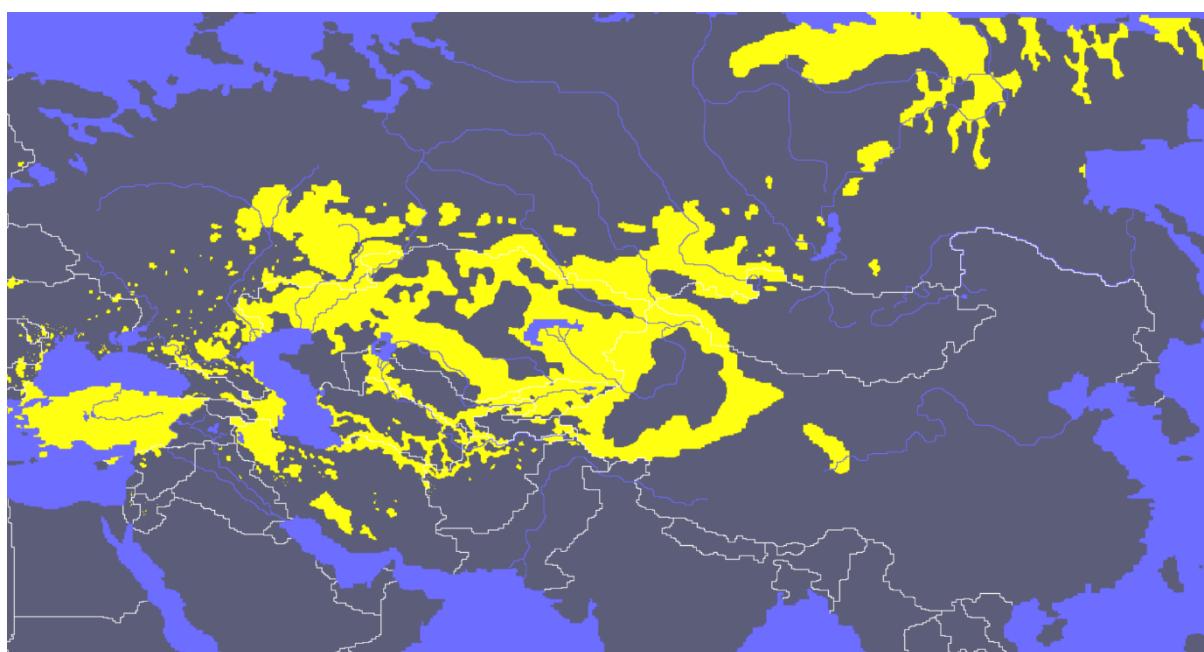

Рис. 2. Ареал расселения тюрок в Евразии

(Источник: IslamNews. Информационное агентство России. URL: <https://islamnews.ru/2024/7/23/na-shushinskoy-mediaforume-obsudili-unifikatsiyu-informatsionnogo-prostranstva>)

Тюркский мир: институциональный дизайн и специфика

Формальная институциализация тюркского мира стала возможной после окончания холодной войны и распада Советского Союза, потому что до этого единственным независимым тюркским государством была Турция. При этом в СССР были пять союзных республик с титульным тюркским населением. В Центральной Азии – Казахская ССР, Узбекская ССР (в составе которой была Каракалпакская АССР), Туркменская ССР, Киргизская ССР; на Южном Кавказе – Азербайджанская ССР.

³ В данной статье предпочтительно употребляется нейтральное – «этническая группа» – вместо политически нагруженного и дискуссионного в научном отношении «народ».

⁴ DAVA [online]. Available at: <https://dava-eu.org/> (Accessed: 10 October 2025).

⁵ Почему новая немецкая партия DAVA вызвала бурную реакцию властей (2025) [Электронный ресурс], РБК, 29 января. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/01/2024/65b7cb4d9a79473f553397a9> (Дата обращения: 10.10.2025).

Помимо этого, в РСФСР существовали несколько титульных этнических автономий или автономий, в которых какой-либо тюркский язык (языки) считался государственным. В Сибири – Якутская ССР, Горно-Алтайская ССР, в Поволжье – Татарская ССР, Башкирская ССР, Чувашская ССР, на Северном Кавказе – Дагестанская ССР, Кабардино-Балкарская ССР, Карачаево-Черкесская ССР. Помимо РСФСР, этнические автономии в составе союзных республик были также в Узбекистане – Каракалпакская АССР и на Украине – Крымская АССР.

Процессы демократизации на постсоветском пространстве, а также общественно-политическое банкротство коммунистической идеологии естественным образом актуализировали поиски новых моделей развития, новой ценностной повестки. В результате этническая идентичность подверглась политизаций и выступила в качестве одной из направляющих внешнеполитического курса республик Центральной Азии.

Основные вехи общетюркского сотрудничества представлены в табл. 2.

Таблица 2

Институализация тюркского мира

Год появления	Веха / институция	Примечание
1992	Первый саммит тюркоязычных государств в Анкаре, Турция	1994 – Второй саммит (Стамбул) 1995 – Третий саммит (Бишкек)
1992	Объединенная администрация тюркских языков и искусств (Алма-Ата, Казахстан)	
1992	Международное объединение тюркской молодежи (МОТМ) – Казань, Россия	
1993	Международная организация тюркской культуры – ТЮРКСОЙ (Алма-Ата, Казахстан, штаб-квартира – Астана, Турция)	
1998	Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (Баку, Азербайджан)	
2009	Совет сотрудничества тюркоязычных государств – Тюркский Совет (Нахичевань, Азербайджан)	Межправительственная организация: Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Турция
2010	Международная тюркская академия (Turkish World Educational and Scientific Cooperation Organization, TWESCO)	–
2011	I Саммит Тюркского совета	–
2012	Флаг Тюркского совета	Флаг – атрибут политического актора
2018	Узбекистан вступил в Тюркский совет	–
2018	Венгрия получила статус наблюдателя в Тюркском совете	Венгрия с лингвистической точки зрения (венгерского языка) однозначно относится к финно-угорскому миру
2019	Инвестиционно-интеграционный фонд Тюркская ТПП Объединенный пул FTP	–
2021	Тюркский совет преобразован в Организацию тюркских государств (ОТГ)	Преобразование не привело к качественному изменению организации
2021	Стратегия «Видение тюркского мира – 2040»	–
2021	Туркменистан и Турецкая Республика Северного Кипра на VIII Саммите Тюркского совета вступили в организацию в статусе членов-наблюдателей	–
2022	Совет конституционных судов членов ОТГ	–

Таким образом, именно Тюркский совет⁶ (в дальнейшем – ОТГ) стал ключевым институтом, консолидирующем тюркские государства в политическом отношении. Именно ОТГ обеспечивает связность общетюркского пространства, позволяет рассуждать о тюркском мире как об особом типе транснационального пространства. Тюркский совет – сложноустроенная организация. В его структуру входят Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин, Комитет старших должностных лиц и Секретариат. Также в качестве аффилированных структур Тюркского совета выступают Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Международная тюркская академия, Фонд тюркской культуры и наследия, Тюркский деловой совет, Союз тюркских университетов и Тюркская торгово-промышленная палата⁷. Именно ОТГ часто отождествляется с тюркским миром как таковым. И львиная доля научных публикаций посвящена функционированию этой структуры (Сман и др., 2022; Сунь, 2023; Акматалиева, 2023; Юйянь, 2023).

При этом следует отметить, что Тюркский совет – это мягкий формат, в нем преобладает горизонтальный тип связей. У Тюркского совета отсутствуют директивные полномочия. По сути, это координирующая сетевая структура. И на фоне имеющихся серьезных экономических и внутриполитических проблем в Турции тюркский мир вряд ли способен превратиться в турецкий неоосманский проект. Именно поэтому продуктивно рассматривать его не как паннациональный проект, но как этномир. В тюркском мире присутствуют такие базовые параметры концепта «этномир», как транснациональное сотрудничество на основе фактора прежде всего этнической и лингвистической идентичности.

При этом межгосударственные противоречия также присутствуют. Например, вопреки желанию Анкары, Турецкая Республика Северного Кипра так и не была никем признана из членов ОТГ. Косвенно это свидетельствует о том, что опасения относительно «Великого Турана» как турецкого неоосманского проекта преувеличены.

Тюркский мир, возможно, более, чем другие этномиры, наглядно иллюстрирует появление новых, альтернативных классическим форматов интеграции. И в этом качестве вступает в сложную коммуникацию с другими проектами, прежде всего с ЕАЭС (и так и не проясненной «Большой Евразией» как его продолжением), «Поясом и путем» КНР, отчасти с ОДКБ и СНГ (Кефели, Комлева, 2023).

В каждом этномире фиксируется сообщество разнотипных акторов, то есть этномир не может функционировать только на уровне государств. Полиакторность – это типичный признак этномиров. И в тюркском мире представлены следующие категории акторов:

- акторы первого порядка – государства и общетюркские организации (ОТГ);
- акторы второго порядка – непризнанные государственные образования, диаспоры;
- акторы третьего порядка – этноорганизации.

Важный вопрос – акторность этномиров. Способны ли традиционалистско-идентирные миры, представляющие собой сообщества разнотипных акторов, обладать интегрированной (общей) акторностью? Да, могут. Однако надо понимать, что это не классическая (вестфальская) политическая акторность государственного типа.

Для определения специфики тюркского мира необходимо выполнить профилирование. Для этого используется специальный аналитический инструмент – идентитарный профиль (Артеев, 2020; Сигачев, Артеев, 2022; Артеев, 2023)⁸. Результаты анализа представлены в табл. 3.

Тюркский мир – это частный случай этномира, транснациональное пространство и сообщество разнотипных акторов, основанное прежде всего на этнической идентичности при определенной роли лингвистической и религиозной идентичности.

⁶ Organization of Turkic States [online]. Available at: <https://turkicstates.org/en> (Accessed: 03 May 2025).

⁷ Ibid.

⁸ Это четвертая модификация идентитарного профиля.

Таблица 3

Идентитарный профиль тюркского мира

Параметр	Значение и примеры
Исторический опыт сосуществования этнической группы или групп в рамках единого государства	Тюркский каганат, Золотая Орда
Преобладающий тип политической культуры в контексте типа политического режима	Недемократический или гибридный
Опыт институционализации, наличие опорных структур	Присутствует – разветвленная сеть разнопрофильных организаций под эгидой ОТГ
Наличие ядра, центра и периферии	Формально центр отсутствует, но на лидерство претендует Турция, противовес которой составляют другие участники (например, Казахстан)
Динамика расширения	Ареал расширяется, появляются новые акторы за счет диаспор и государств с населением со «спорной» идентичностью (Венгрия)
Роль языковой идентичности	Несмотря на отсутствие единого языка, проводится работа по унификации графики на основе латиницы, что может в перспективе стать консолидирующим фактором
Роль религиозного фактора как консолидирующей силы	Умеренная; в институциональном дизайне религиозный фактор не играет главной роли, однако ислам как общая религия для значительной части тюрок выступает в роли связующего звена
Роль диаспор	Большая роль диаспор, особенно в Европе и США. Они поддерживают стабильные крепкие связи со странами происхождения. Кроме того, диаспоры формируют диаспоральные сообщества, сети
Роль научных и общественно-политических дискурсов в формировании и сохранении политического пространства	Значительная; роль общественно-политического и академического дискурсов велика

Специфика тюркского мира как этномира проявляется себя в нескольких аспектах:

- 1) преобладание этнической идентичности как основной при значительной роли языковой и конфессиональной идентичности;
- 2) наличие развитой институциональной структуры;
- 3) комплексный характер взаимодействия;
- 4) ведущая роль государственных акторов, которые используют тюркский мир для маневрирования между центрами силы (ЕС, США, Китай, Россия);
- 5) наличие нескольких сильных акторов и межгосударственных противоречий, что снижает риск «национализации» всего сообщества со стороны одного государства;
- 6) ресурсный разрыв между крупными тюркскими этническими группами, имеющими свою государственность, и малыми тюркскими группами, находящимися под угрозой ассимиляции;
- 7) острая конкуренция с другими проектами при наличии потенциала для их гармонизации между собой.

Общетюркская идентичность как ресурс развития

Важный признак этномира – конструирование новых идентичностей недирективным способом при сохранении других идентичностей, то есть принцип «не вместо, а вместе». Тюркский мир – конструктивистский проект; он формируется и функционирует на основе традиционалистских идентичностей (прежде всего этнических), над которыми через формирование дискурсов надстраивается еще одна. Общетюркская идентичность формируется на основе этнического родства (этнической идентичности), определенную роль играет языковая идентичность, конфессиональная и постимперская (наследие Золотой Орды). На этой базе происходит конструирование общих пространств – от экономики до масс-медиа и образования. Получается, что дювестфальские идентичности становятся базой для создания повестфальской (транснациональной) этнической идентичности. Главный вопрос тюркского мира – вопрос об общей идентичности. В связи с этим необходим анализ политики идентичности. В наиболее общем виде все направления отражены в главном стра-

тическом документе ОТГ *Turkic World Vision – 2040*⁹.

- Политика идентичности делится на несколько направлений:
- языковая политика;
  - историческая политика;
  - символическая политика.

Языковая политика в рамках ОТГ делится на несколько аспектов. Основные – это тип используемой графики и создание общетюркского алфавита. Лидером в этом вопросе является Турция. Еще в 1991 году были предложения о создании и переходе на общетюркский алфавит на основе латиницы, но тогда дальше научных дискуссий дело не пошло, потому что, за исключением Турции, латинская графика мало где использовалась¹⁰. К 2020-м годам все государства – члены ОТГ, кроме Киргизстана, так или иначе использовали латинскую графику, наряду с кириллицей (Почта, 2020; Януш, 2016: 402; Амирбекова, 2019). В 2022 году вопрос об общем письме вновь появился в повестке. Конечно, речь идет не о создании единого общетюркского языка, а о создании общей письменности (Гузаев, 2023). В сентябре 2024 года специальной комиссией ОТГ при координации Тюркской академии (Астана) был согласован проект общего тюркского алфавита из 34 букв¹¹. Российской экспертное сообщество восприняло эту инициативу с тревогой и скепсисом как чисто лингвистического, так и политического характера (Аватков, Гузаев, 2023; Почта, Гузаев, 2024)¹². Успешность языковой политики по линии ОТГ для формирования общетюркской идентичности оценить пока сложно, но даже простой переход на латиницу уже имеет символическое значение, направленное на консолидацию тюрок. При этом появляется риск межпоколенческого разрыва при передаче культурного наследия. В то же время многочисленные миноритарные группы тюрок, использующих кириллицу, особенно в России, этим отдаляются от общетюркского движения¹³.

Историческая политика также является важным направлением деятельности общетюркских организаций. В 2022 году в Международной тюркской академии были одобрены учебники по общетюркской истории, литературе и географии вместе с соответствующими методическими материалами¹⁴. Началось их внедрение в учебный процесс в государствах – членах ОТГ. Это служит также инструментом продвижения интересов тюркского мира в Европе, потому что Венгрия активно вовлекается в эти процессы¹⁵. Наряду с алфавитом, это еще одна основа общетюркской идентичности, особенно для молодых и будущих поколений.

Символическая политика в тюркском мире проявляет себя в нескольких направлениях. В спорте это Всемирный игры кочевников – проект, в отличие от многих других, инициированный не Турцией, а Киргизстаном. Первые игры прошли в 2014 году, проводятся раз в два года¹⁶. В соревнованиях принимают участие команды нескольких десятков государств, что позволяет презентовать тюркский мир представителям других политico-географических ареалов. Помимо этого, под эгидой ТЮРКСОЙ проводится песенный конкурс «Тюрквидение». Как и Игры кочевников, он не имеет барьера в виде тюркского этноязыкового маркера и открыт для всех. Спортивные и культурные проекты – инструмент «мягкой силы» тюркского мира, вариант дипломатии для легитимации его как позитивно окрашенного феномена.

В целом политика идентичности в тюркском мире выстраивается в комплексном ключе. Темпы активности ощущимо возросли в 2020-е годы. Однако существенная часть тюрок проживает в России, что ставит ряд вопросов.

⁹ Turkic World Vision – 2040 (2021) [online], *Organization of Turkic States*. 13 ноября. Available at: <https://turkicstates.org/en/news/turkic-world-vision-2040> (Accessed: 03 May 2025).

¹⁰ В 1920–1930-е гг. тюркские этнические группы СССР, как и многие другие, использовали латинскую графику. Процесс латинизации был свернут И.В. Сталиным по политическим соображениям.

¹¹ Тюркский мир принял единый алфавит (2025) [Электронный ресурс], *TRT*, 11 сентября. URL: <https://www.trtrussian.com/novosti/tyurkskij-mir-prinyal-edinyj-alfavit-18206358> (Дата обращения: 02.05.2025).

¹² Филологи назвали проблемы ввода единого языка Турции и части стран СНГ (2024) [Электронный ресурс], *РБК*, 23 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2024/66e9dd659a79473960cd7b28?ysclid=mdfvjolgm267136221> (Дата обращения: 03.05.2025).

¹³ В 1999–2004 гг. Татарстан предпринял безуспешную попытку перевести один из своих государственных языков – татарский – на латиницу, что вызвало противодействие на федеральном уровне и было пресечено.

¹⁴ Учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира» (2023) [Электронный ресурс], *Turkic Academy*, 20 октября. URL: <https://turkicacademy.org/ru/novost-akademii/uchebniki-obshchaya-tyurkskaya-istoriya-obshchaya-tyurkskaya-literatura-geografiya-tyurkskogo-mira> (Дата обращения: 02.05.2025).

¹⁵ Семененко, И. С. (2023) Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... [Электронный ресурс], *ИМЭМО РАН*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁶ Россия заняла третье место на Всемирных играх кочевников в Казахстане (2024) [Электронный ресурс], *РИА Новости. Спорт*, 13 сентября. URL: <https://rsport.ria.ru/20240913/igry-1972578048.htm> (Дата обращения: 02.05.2025).

Тюркский мир и Россия: акторы и контуры взаимодействия

Наибольший по площади ареал традиционного обитания тюркских этнических групп находится в России – от Северного Кавказа до Южной Сибири и Дальнего Востока. В шести регионах тюрки являются титульной этнической группой (Татарстан, Башкортостан, Якутия, Хакасия, Алтай, Тыва). Россия также является государством, в котором сосредоточено наибольшее количество коренных тюркских этнических групп. Эти предпосылки, которые позволяют Российской Федерации куда активнее участвовать в общетюркских проектах. Между тем фиксируются тревожные демографические тенденции. Снижается численность тюркских этнических групп. Еще более драматично выглядит ситуация с владением родными языками. Так, доля татар с 2010 по 2020 год сократилась почти на 600 тыс. чел. и составила 4,71 млн чел., а доля владеющих татарским языком упала на миллион – до 3,26 млн чел.¹⁷ Подобная картина наблюдается и у других тюркских этнических групп в России.

Какая оптика на тюркский мир может быть оптимальной с точки зрения национальных интересов России? Если отождествлять тюркский мир с неоосманским проектом, то на первый план на общегосударственном уровне выдвигаются вестфальская логика, алармизм по поводу интересов страны и ее территориальной целостности (Поволжье, Сибирь) (Юйянь, 2023). Если же воспринимать тюркский мир как неотрадиционалистское пространство / сообщество, то открываются возможности для участия в нем России на нескольких уровнях.

Представляется возможным выделить несколько измерений в тюркском вопросе в российском контексте:

1) российское государство в целом (федеральный центр);

2) субнациональные тюркские регионы Российской Федерации: Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Якутия;

3) неправительственные этноорганизации тюрков, представляющие интересы своих этнических групп, прежде всего связанные с сохранением этнической и языковой идентичности.

Следует отметить, что у России есть опыт запуска успешных общетюркских проектов. В 1992 году в Татарстане по инициативе татарских активистов из Союза татарской молодежи Азатлыкъ было создано Международное объединение тюркской молодежи (МОТМ)¹⁸, существующее и поныне (при этом штаб-квартира расположена не в Казани, а в Баку). Под эгидой МОТМ в разных странах проводятся молодежные съезды – Курултаи (первый состоялся в 1992 году в Татарстане), Дни молодежи и другие общетюркские мероприятия. Под эгидой МОТМ также в 1990-е и 2000-е годы были созданы специализированные молодежные организации: Союз экологов тюркского мира, Союз молодых писателей тюркского мира, Фонд международного объединения тюркской молодежи, газета «Бенгю», Союз молодых журналистов тюркского мира, Комитет спорта тюркского мира¹⁹. МОТМ интересна своей более острой повесткой, в которой есть вопросы, которые в других общетюркских форматах не особенно заметны. Например, активисты отделений МОТМ обращают внимание на ситуацию с положением уйгуров в Китае²⁰.

К позитивным моментам можно отнести участие в организации тюркской культуры ТЮРКСОЙ в статусе наблюдателей шести этнических автономий России (Алтай, Башкортостан, Татарстан, Тыва, Хакасия, Якутия)²¹. Кроме этого, налажено сотрудничество Тюркской академии с региональными научными учреждениями Татарстана и Башкортостана, а также с некоторыми центрами РАН²². Также спортсмены из тюркских регионов принимают участие во Всемирных играх кочевников. Не следует сбрасывать со счетов и многочисленные разнообразные двусторонние парадипломатические связи.

Поиски сбалансированной модели взаимодействия России на разных уровнях с тюркским миром продолжаются, и концепт неотрадиционалистских пространств (этномиров) мог бы содействовать этому процессу.

¹⁷ Татарское общество (2023) [Электронный ресурс], *Коммерсантъ*, 10 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5759479?ysclid=mamricbw7h728098873> (Дата обращения: 03.05.2025).

¹⁸ Turkic Youth Community [online]. Available at: <https://turkicyouthcommunity.tilda.ws/#rec490584598> (Accessed: 09 July 2025).

¹⁹ Международное объединение тюркской молодежи (2009) [Электронный ресурс], *Авдем*, 10 августа. URL: <http://politika-crimea.ru/parties/1117-menu/party/crimea-tatar/medzhlis-krymskotatarskogo-naroda-zapreshchen-na-territorii-rf/medzhlis-krymskotatarskogo-naroda-zapreshchen-na-territorii-rf-sobytiya/76828-mezhdunarodnoe-ob-edinenie-tyurkskoj-molodezhi?ysclid=mcurlqzaqq153660814> (Дата обращения: 09.07.2025).

²⁰ В Татарстане прошла акция в поддержку уйгур Китая (2021) [Электронный ресурс], *Коммерсантъ*, 21 июня. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4867364?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fby%2Fstory%2F4e3a90f3-25e7-5da8-8f17-98078dab45d (Дата обращения: 09.07.2025).

²¹ Türksoy [online]. Available at: <https://www.turksoy.org/ru-RU> (Accessed: 03 May 2025).

²² Семененко, И. С. (2023) Тюркский мир в школьном учебнике: близкие рубежи, дальние горизонты... [Электронный ресурс], *ИМЭМО РАН*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons> (Дата обращения: 01.05.2025).

Заключение

Неоидентитарные миры (традиционистско-идентитарные миры) – ответ на вызов времени, продукт смены эпох. Вестфальское мироустройство уходит в прошлое. Мир не может откатиться в архаику линейным образом, но способен взять пригодные компоненты из прошлого для адаптации к наступающему будущему. Этническая, лингвистическая, религиозная, постимперская идентичности как раз являются таковыми. Теперь они читаются по-новому. И тюркский мир является подходящим исследовательским кейсом. Благодаря его анализу можно сделать следующие выводы о политическом развитии:

- 1) многообразие и транснационализация политических идентичностей для индивидов и групп – норма современного мира;
- 2) этническая и иные традиционные идентичности могут быть ресурсом социально-политического развития, на основе которого формируется позитивная повестка;
- 3) неоидентитарные миры, в том числе этномиры, являются проявлением тренда на сетевизацию политики; именно сетевые структуры будут усиливать свое значение в мире после Вестфalia;
- 4) этномиры могут способствовать ревитализации этнических групп, сохранению их языков и культур;
- 5) этномиры могут считаться мягким форматом интеграции, новым поколением интеграционных проектов и новым типом центров силы; это означает также, что традиционистско-идентитарные миры вносят свой вклад в понимание незападных моделей развития.

Список литературы / References

- Аватков, В. А., Гузаев, Р. И. (2023) ‘Конструирование социальной реальности на тюркском пространстве. Этнолингвистический аспект’, *Свободная мысль*, 4, сс. 69–76. [Avatkov, V. A., Guzaev, R. I. (2023) ‘The construction of social reality in the Turkic space. Ethnolinguistic aspect’ [Konstruirovaniye social'noj real'nosti na tyurkском prostranstve. Etnolingvisticheskij aspect], *Svobodnaya mysl'*, 4, pp. 69–76. (In Russ.)].
- Аватков, В. А. (2014) ‘Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции’, *Свободная мысль*, 3, сс. 71–78. [Avatkov, V. A. (2014) ‘Turkey's basic ideologeme and geostrategy’ [Neoosmanizm. Bazovaya ideologema i geostrategiya Turcii Neo-Ottomanism], *Svobodnaya mysl'*, 3, pp. 71–78. (In Russ.)].
- Аватков, В. А. (2024) *Внешняя политика Турции. 2002–2018*. Москва: Юрайт, 2024. [Avatkov, V. A. (2024) *Turkey's Foreign Policy. 2002-2018* [Vneshnyaya politika Turcii. 2002-2018]. Moscow: Yurajt. (In Russ.)].
- Акматалиева, А. М. (2023) ‘Организация тюркских государств как новый актор евразийского пространства’, *Научные исследования в Кыргызской Республике*, 4, сс. 43–51. [Akmataliieva, A. M. (2023) ‘Organization of Turkic States as a New Actor in Eurasian Space’ [Organizaciya tyurkskih gosudarstv kak novyj aktor ev-
- razijskogo prostranstva], *Nauchnye issledovaniya v Kyrgyzskoj Respublike*, 4, pp. 43–51. (In Russ.)].
- Амирбекова, А. Б. (2019) ‘Укрепление тюркской идентичности казахского народа — переход на латинскую графику’, *European journal of literature and linguistics*, 2, сс. 15–21. [Amirbekova, A. B. (2019) ‘Strengthening the Turkic identity of the Kazakh people – transition to the Latin script’ [Ukreplenie tyurkskoj identichnosti kazahskogo naroda — perekhod na latinskuyu grafiku], *European journal of literature and linguistics*, 2, pp. 15–21. (In Russ.)].
- Артеев, С. П. (2020) ‘Транснациональные политические пространства: вопросы политической субъектности. Финно-угорский мир’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 5–17. [Arteev, S. P. (2020) ‘Transnational political spaces: the problem of political agency. The Fnno-ugric world’ [Transnaciona'l'nye politicheskie prostranstva: voprosy politicheskoy sub"ektnosti. Finno-ugorskij mir], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, pp. 5–17. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-5-17
- Артеев, С. П. (2023) ‘Этнокультурные и диаспоральные миры’ в: Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Морозова, Е. В. (ред.) *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследования*

- тельского поля. Москва: Весь Мир, 2023, сс. 154–164. [Arteev, S. P. (2023) ‘Ethno-cultural and diasporic worlds’ [Etnokul’turnye i diasporal’nye miry] in: Semenenko, I. S., Lapkin, V. V. Morozova, E. V. (ed.) *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field* [Identichnost’: lichnost’, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel’skogo polya]. Moscow: Ves’ Mir, pp. 154–164. (In Russ.)].
- Гузаев, Р. И. (2023) ‘Социально-культурное взаимодействие стран – участниц Организации тюркских государств’, *Социальные новации и социальные науки*, 3(12), сс. 143–151. [Guzaev, R. I. (2023) ‘Socio-cultural interaction of the countries-participants of the Organization of Turkic States’ [Social’no-kul’turnoe vzaimodejstvie stran – uchastnic Organizacii tyurckikh gosudarstv], *Social novelties and Social sciences*, 3(12), pp. 143–151. (In Russ.)].
- Демешко, Н. Э., Мурадов, Г. Л., Ирхин, А. А., Москаленко, О. А. (2023) ‘Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии’, *Вестник МГИМО-Университета*, 6, сс. 153–182. [Demeshko, N. E., Muradov, G. L., Irkhin, A. A., Moskalenko, O. A. Russian and Turkic Worlds in Eurasia, [Russkiy i Tyurckiy miry na prostranstve Yevrazii], *MGIMO Review of International Relations*, 6, pp. 153–182. (In Russ.)]. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182
- Исаев, А. (2021) ‘Паннациональные проекты – история и современность’, *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30319?ysclid=m7w2ov1gr8520697945> (дата обращения: 05.02.2025). [Isaev, A. (2021) ‘Pan-national projects – history and modernity’ [Pannacional’nye proekty – istoriya i sovremenność], *The International Affairs*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30319?ysclid=m7w2ov1gr8520697945> (accessed 05.02.2025). (In Russ.)].
- Кефели, И. Ф., Комлева, Н. А. (2023) ‘Проекты Большой Евразии и «Великого Турана» – путь к объединению народов?’, *Проблемы национальной стратегии*, 4(79), сс. 82–105. [Kefeli, I. F., Komleva, N. A. (2023) The projects of Greater Eurasia and “Great Turan” – a way to unite peoples? [Proekty Bol’shoj Evrazii i «Velikogo Turana» – put’ k ob’edineniyu narodov?], *Problemy nacional’noj strategii*, 4(79), pp. 82–105. (In Russ.)].
- Мехдиев, Э. Т. (2016) ‘Неоосманизм’ в региональной политике Турции’, *Вестник МГИМО-Университета*, 2, сс. 32–39. [Mekhdiev, E. T. (2016) ‘Neo-Ottomanism’ in Turkey’s regional policy’ [«Neooosmanizm» v regional’noj politike Turcii], *MGIMO Review of International Relations*, 2, pp. 32–39. (In Russ.)].
- Почта, Ю. М. (2020) ‘Образовательная миграция в России в контексте перехода тюркоязычных пост советских стран на латинский алфавит’ в: Мchedlova, M. M. (ред.) *Образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности: монография*. Москва: РУДН, сс. 146–170. [Pochta, Yu. M. (2020) ‘Educational Migration in Russia in the Context of the Transition of Turkic-speaking Post-Soviet Countries to the Latin Alphabet’ [Obrazovatel’naya migraciya v Rossii v kontekste perekhoda tyurko-yazychnyh post sovetskih stran na latinskij alfavit] in: Mchedlova, M. M. (ed.) *Obrazovatel’naya migraciya v sovremennom mire: sub”ekty, strategii, cennosti: monografiya*. Moscow: RUDN, pp. 146–170. (In Russ.)].
- Почта, Ю. М., Гузаев, Р. И. (2024) ‘Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств’, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология*, 1, сс. 143–154. [Pochta, Yu. M., Guzaev, R. I. (2024) ‘Latinization of the Language Under the Leadership of Turkey as a Tool for the Formation of a New Identity for the Turkic Post-Soviet States’ [Latinizaciya jazyka pod rukovodstvom Turcii kak instrument formirovaniya novoj identichnosti dlya tyurckikh postsovetskih gosudarstv], *RUDN Journal of Political Science*, 1, pp. 143–154. (In Russ.)].
- Романова, А. П., Черничкин, Д. А. (2024) ‘Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана’, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 1, сс. 181–206. [Romanova, A. P., Chernichkin, D. A. (2024) ‘The Influence of Turkey and Pan-Turkism on the Construc-

- tion of New National Identities in the Caspian Region: The Case of Turkmenistan and Kazakhstan' [Vliyanie Turcii i pantyurkizma na konstruirovaniye novykh nacional'nykh identichnostej Kaspiskogo regiona: primer Turkmenistana i Kazakhstana], *RUDN Journal of Political Science*, 1, pp. 181–206. (In Russ.)].
- Свистунова, И. А. (2020) 'Балканская политика Турции: роль этно-конфессиональных меньшинств', *Современная Европа*, 4(97), cc. 61–71. [Svistunova, I. A. (2020) 'Turkey's Balkan Policy: The Role of Ethno-confessional Minorities' [Balkanskaya politika Turcii: rol' etno-konfessional'nyh men'shinstv], *Contemporary Europe*, 4(97), pp. 61–71. (In Russ.)]. DOI: 10.15211/sovEurope-420206171
- Свистунова, И. А. (2024) 'Политика Турции по объединению тюркских стран: от культуры к экономике', *Мировая экономика и международные отношения*, 11, cc. 104–114. [Svistunova, I. A. (2024) 'Turkey's policy of uniting Turkic countries: from culture to economy' [Politika Turcii po ob'edineniyu tyurkskih stran: ot kul'tury k ekonomike], *World Economy and International Relations*, 11, pp. 104–114. (In Russ.)].
- Сигачев, М. И., Артееев, С. П. (2022) 'Португальский мир как транснациональное пространство: политическое измерение', *Южно-российский журнал социальных наук*, 2, cc. 37–51. [Sigachev, M.I., Arteev, S.P. (2022) 'The Portuguese World as a Transnational Space: The Political Dimension' [Portugal'skij mir kak transnacional'noe prostranstvo: politicheskoe izmerenie], *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2, pp. 37–51. (In Russ.)]. DOI: 10.31429/26190567-23-2-37-51
- Сман, А., Дусанбекова, М. А., Гахарманова, Н. Б. (2022) 'О некоторых аспектах создания и деятельности Организации Тюркских государств', *Danish Scientific Journal*, 65, cc. 17–22. [Sman, A., Dusanbekova, M. A., Gaharmanova, N. B. (2022) 'On some aspects of the creation and activities of the organization of the turkic states' [O nekotoryh aspektah sozdaniya i deyatel'nosti Organizacii Tyurkskih gosudarstv], *Danish Scientific Journal*, 65, pp. 17–22. (In Russ.)]. DOI: 10.5281/zenodo.7270335
- Сунь, Ч. (2023) Организация тюркских государств и пантюркизм: вчера, сегодня, завтра, *Образование и право*, 2, cc. 357–361. [Sun', Ch. (2023) 'Organization of Turkic States and Pan-Turkism: yesterday, today, tomorrow' [Organizaciya tyurkskih gosudarstv i pantyurkizm: vchera, segodnya, zavtra], *Education and Law*, 2, pp. 357–361. (In Russ.)].
- Тишков, В. А. (2025) Идентичность – ресурс общественного развития. К выходу в свет энциклопедического издания "Идентичность: личность, общество, политика", *Вестник Российской академии наук*, 2, cc. 94–103. [Tishkov, V. A. (2025) Identity – a resource for social development. For the publication of the encyclopaedic edition 'Identity: Personality, Society, Politics' [Identichnost' – resurs obshchestvennogo razvitiya. K vydodu v svet enciklopedicheskogo izdaniya 'Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika], *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2, pp. 94–103.]. DOI: 10.31857/S0869587325020106
- Юйянь, Ч. (2023) 'Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, cc. 78–87. [Yujiyan', Ch. (2023) 'Organization of Turkic States (OTS): origin, motives, peculiarities and influence' [Organizaciya tyurkskih gosudarstv (OTG): proiskhozhdenie, motivy, osobennosti i vliyanie], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, pp. 78–87. (In Russ.)].
- Януш, О. Б. (2016) 'Латиница в странах Центральной Азии: алфавит, политика, культурное влияние', *Лингвокультурология*, 10, cc. 402–412. [Yanush, O. B. (2016) 'Latin script in Central Asian countries: alphabet, politics, cultural influence' [Latinica v stranah Central'noj Azii: alfavit, politika, kul'turnoe vliyanie], *Lingvokul'turologiya*, 10, pp. 402–412. (In Russ.)].
- Bölükbaş, Y. Z., & Bilici, I. (2024) 'The founding ground of Turkism-Turanism in the Early Republican Period: Atsiz Mecmua', *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 3(24), pp. 329–346.
- Seçkin, Köstem (2017) 'When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the "Turkic World" in Turkish Foreign Policy', *Foreign Policy Analysis*, 3, pp. 722–740. DOI: 10.1093/fpa/orw016

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 23.07.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

**THE TURKIC WORLD AS AN ETHIC WORLD:
AN ALTERNATIVE PERSPECTIVE ON THE POLITICAL DIMENSION OF IDENTITY**

S. Arteev

*Sergey Arteev, Candidate of Political Science, Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: artsp7@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4335-2850. ResearcherID: E-9387-2016).*

Abstract

Deep changes began in the last third of the 20th century. At the same time, researchers focus on the problems of changing the world order (system of international relations). As a result, the comprehension of some less visible, but also significant phenomena and processes is poorly represented in the scientific discourse. Meanwhile, such traditional (pre-Westphalian) identities as ethnic, confessional, and linguistic identities are becoming political factors, leading to the emergence of such phenomena as special transnational communities and spaces (worlds). One of the most prominent of such worlds is the Turkic world, but the scientific discourse is dominated by the state-centric approach to the analysis of this phenomenon, the analysis of the phenomenon is mainly conducted through the foreign policy of states, through the national interests of state actors. However, the factor of ethnic community is not exhausted only by this. The article formulates the concept of neo-traditionalist (traditionalist-identitarian, neo-identitarian) worlds and ethnic worlds as one of their variants on the basis of the theory of identity. The aim of the article is to conceptualize neo-traditionalist worlds as a theoretical tool and to operationalize it through the analysis of the basic characteristics of the Turkic world. At the same time, the article does not pretend to analyze the subtleties and emphases typical for the country studies of specialists. The Turkic world in this case is an illustration for the concept of neo-traditionalist (traditionalist-identitarian) worlds (in the variant of ethnic worlds).

Keywords: Turkic world; Turkey; neo-Ottomanism; ethnic identity; world order; political development; ethnic world; neo-traditionalist worlds..

История и теория политики

УДК-321.01

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-136-143

CARL SCHMITT'S LIBERALISM

A. Mishurin

Aleksandr Mishurin, Researcher,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: a.n.mishurin@iphras.ru (ORCID: 0000-0002-9942-772X. ResearcherID: N-2369-2016).

Abstract

In this work, I try to trace a clear, albeit preliminary connection between the thought of Carl Schmitt and Thomas Hobbes through the pivotal work of the former called *The Concept of the Political*. I argue that, despite being one of the most profound critics of liberalism, Schmitt attacks it, staying, as Leo Strauss says, “in the horizon of liberalism”. That is to say, Schmitt, criticizing Hobbes’ heirs, simultaneously attempts to propose a continuation of Hobbes’ political theory; to show the possibility of a different development of Hobbes’ thought. The development concentrated around the collective-individual – “a specific entity of a people” united by an individual will – that is, the state, its properties, and its rights and not the human-individual. To flesh out this endeavor, I summarize Schmitt’s theoretical debt to Hobbes by showing that the key concepts of Schmitt’s thought like the political, man, enemy, state, sovereign, and others, are taken or reinterpreted from Hobbes. Thus Schmitt turns out to be in the cohort of Hobbes’ successors, who are usually branded as liberals.

Keywords: Schmitt; Hobbes; state; the political; enemy; man; liberalism.

Carl Schmitt is one of the most serious twentieth-century critics – if not the most serious twentieth-century critic – of liberalism¹. However, the fact that Schmitt criticized liberalism in many interrelated points² does not mean that he was an enemy of liberalism³. Even the most destructive criticism can be developed with the goal not to destroy but, rather, to save the criticized subject; to act not as an enemy but as a friend. Yet, due to the taint on Schmitt’s legacy⁴, many scholars still see his critique as strictly hostile to liberalism. This deprives Schmitt’s thought of its depth, turning him into a simpleminded ideologue of “nationalism” (Traverso, 2017: 370), “antisemitism” (Mehring, 2017: 309), and “totalitarianism” (Meierhenrich, Loughlin, 2021: 14). Even more of them are willing to see Schmitt’s theory as strictly historicist⁵, thus depriving him of the status of political philosopher. To view Schmitt seriously, therefore, is to try and restore not the negative, but the positive, part of his philosophy; to understand his conclusions on the “nature” of the state, the man, and the political.

The first step on this path is to obtain a clearer understanding of the connection between Schmitt’s positions and the positions of liberalism’s founder, Thomas Hobbes. Today there is almost no doubt that

---

© Mishurin A., 2025

¹ That Schmitt proposes “a radical critique of liberalism” (Cristi, 1998: 169) is, with some rare exceptions (Newman, 2009; Larmore, 1996), equally recognized by Schmitt’s admirers as well as his opponents.

² The modern scholarship of this critique is extensive but can be divided into two general streams. Scholars like Bielefeldt (1997), McCormick (1999), and Bellamy (2000) try to analyze different subjects of the critique, while researchers like Young (2021) and Palaver (1995) try to assess Schmitt’s approach to it.

³ As Young (2021: 173) puts it: “It by no means follows, therefore, from [Schmitt’s] ‘critique of liberalism’ that he is not himself, in some sense, a liberal” (Cf. Strauss, 2016: §35). Cristi notes that Schmitt distinguished between two kinds of liberalism: “pure and consistent liberal individualism... and politically conservative liberalism, one that could simultaneously champion a strong state and a free economy” and that Schmitt himself was a proponent of the “authoritarian liberalism” (Cristi, 1998: 172, 174).

⁴ The most recent extensive account of the history of Schmitt’s collaboration can be found in Mehring’s work (2014). Schmitt’s approaches to self-defense can be separated into the initial (arrogance, lack of sufficient forethought, and tempting rewards (Bendersky, 1987)) and the latter (“an innocent hostage” (Sollors, 2020: 420)).

⁵ Many believe that Schmitt’s endeavors, in fact, were meant to save the Weimar Republic (Schwab, 2007: 13; McCormick, 1994: 624; 1999: 252 and 2016: 270; Sorell, 2003: 223; Bendersky, 1983: 85ff.; 1996: 126; Teschke, 2011: 73; Galli, 2023: 287–289).

Schmitt was a follower of Hobbes⁶. However, there is no consensus on what exactly the connection between them is⁷. Moreover, in the work in which Schmitt most openly sympathizes with Hobbes, *The Leviathan*⁸, the connection between them is the most difficult to trace⁹. Therefore, it would be better to start establishing this connection not through it but through *The Concept of the Political*¹⁰. There are two main reasons for this decision. First, there is almost universal agreement about the connection between Schmitt's concept of "the political" and Hobbes' notion of the "state of nature", which arose almost immediately after the work's publication¹¹. Second, whatever the connection is, the political is the starting point for understanding Schmitt's concept of the state, its relation to the nonpolitical, and its functions, on the one hand, and the fundamental position of man, on the other.

The first thing one learns about the political is that it precedes the state (CP: 19). This statement becomes understandable if, by "the political", Schmitt actually means the Hobbesian state of nature that precedes the state. This interpretation is supported by Strauss, who says: "In Schmitt's terminology... the *status naturalis* is the genuinely political status" (Strauss, 2006: §11). This also makes clear the statement that the political is directly related to the state (CP: 19–23). For Schmitt speaks only of collectives, and the only historically known form of a collective in the state of nature is the state (CP: 19, 30, 51; Hobbes, 1996: XXI; 2003: X, 17, XIII, 7; Cf. LST: 47, CP: 43–44). Moreover, it clarifies another of Schmitt's theses about the political – namely, that the political has its own "specifically political categories" irreducible to other categories that define what can roughly be called "spheres of social life". These categories are friend and enemy (CP: 25–26). At the same time, Schmitt concentrates strictly on the enemy, avoiding talking about the friend¹². Such a division and treatment of it is difficult to explain unless one understands the political to be precisely the state of nature.

According to Schmitt, the political is the most fundamental human condition, for it cannot be reduced to the various spheres of social life and their categories but is opposed to all of them (CP: 22, 25–26). Schmitt mentions among such spheres the religious (distinction between sinfulness/righteousness), juristic (distinction between legal-illegal), cultural (distinction between civilization/barbarism), economic (distinction between profitability/unprofitability), moral (distinction between good/evil), etc. Although, according to Schmitt, relations within these spheres can reach the political, upon reaching it, they cease to belong to their original spheres (CP: 26–27, 35–36). This mysterious description becomes clear if one remembers Hobbes' theory. In the state of nature, there is no positive law (whether the law of God or the law of man); until this law is declared or issued to men, the individual cannot follow it (Hobbes, 1996: XII–XIII) and therefore cannot be declared sinful or righteous, legal or illegal (Hobbes, 1996: XIV, XXVII). In the state of nature there is no culture or civilization, just as there are no nationalities; because the state of nature has no large or sustainable groups but only isolated individuals (Hobbes, 1996: XIII) who fear, first of all, other individuals, it is impossible to imagine that men would be able to create connections strong enough and lasting enough to produce something higher or more lasting than momentary goods (Hobbes, 1996: XVII; 2003, Preface and I, 2). In the state of nature, there is no economy; each individual has the right to everything, including the life of another, and therefore no one can have property, for no one can take away the rights of others to what is now in his hands (Hobbes, 1996: XIII, XV; 2003: I, 11, VI, 15). In the state of nature, there is no morality;

⁶ Especially considering Schmitt's statements (2017: 55) that Hobbes was his "friend" and intellectual mentor as well as Strauss' testimony (Strauss, 2006). Though this claim is disputed (Holmes, 1993: 41; Fischer, 2010: 402; Adair-Totteff, 2020: 114; Harman, 2020: 263), the vast majority of scholars agree on this point. McCormick (1999: 252) gives a rather extensive account of the literature linking Hobbes and Schmitt.

⁷ Bendersky (1996: 125) speaks of the "intellectual affinity of Schmitt and Hobbes"; Balakrishnan (2000: 223) states that "Schmitt saw himself as Hobbes' kindred spirit"; Croce and Salvatore (2023: 5) propose that "Schmitt fed off a Hobbesian social ontology"; Sorell (2003: 223) believes that "Schmitt adapts what he takes to be Hobbesian ideas"; Bredekamp (1999: 254) thinks that Schmitt "sought to reactivate the Hobbesian view"; McCormick (1994: 621, 643) speaks of Schmitt's "neo-Hobbesian project" and "Schmitt's effort to refortify the Hobbesian state" (2016: 270).

⁸ I will abbreviate Schmitt's works in the following manner: CP – *The Concept of the Political* (Schmitt, 2007a), LST – *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes* (Schmitt, 1996), AND – *The Age of Neutralizations and Depoliticizations* (Schmitt, 2007b); CT – *Constitutional Theory* (Schmitt, 2008); LL – *Legality and Legitimacy* (Schmitt, 2004); GC – *The Guardian of the Constitution* (Schmitt, 2015); PT – *Political Theology* (Schmitt, 1985); and TP – *Theory of the Partisan* (Schmitt, 2007c).

⁹ Most often the connection is traced through the questions of faith and myth (Tralau, 2010; Vatter 2004; McCormick, 2016; 1994: 626; Young, 2021: 189; Bredekamp, 1999: 254; Fischer, 2010: 402–405; Balakrishnan, 2000: 215ff.).

¹⁰ Because Schmitt considers the 1963 (and 1932) version of *The Concept of the Political* to be final, I will analyze it and not the 1933 version of the work.

¹¹ Strauss, in his *Notes* (2006: §11), states: "Schmitt restores the Hobbesian concept of the state of nature to a place of honor." After him, it is considered normal, at least, to pay lip service to this connection (see McCormick, 1994: 621, 623).

¹² This was noticed by many commentators, starting with Strauss (Strauss, 2006: §9; McCormick, 1994: 640; Mehring, 2017: 305–306) and will be discussed in more detail later.

the desires or affects felt by individuals are morally neutral (Hobbes, 1996: XIII; 2003: Preface). To say that men are morally evil by nature because they seek to harm others would be the same as to say that predators are evil. All the spheres of social life become possible as soon as the political is fenced off by the membrane of peace – the border of the state. And vice versa, as soon as the relations within these spheres break through said membrane, they go back to the natural/political state, where they themselves can no longer exist, turning into strictly political relations (CP: 36; Cf. Ardit, 2008: 7) – that is, destroying the previous political unity and creating a new one.

This conclusion also makes transparent Schmitt's insistence that the enemy cannot have any other properties (sinfulness/righteousness, legality/illegality, civilization/barbarism, profitability/unprofitability, goodness/evilness) than the property of being the enemy, not because we cannot or do not want to give him such an assessment but because it is *de facto* not applicable to him as a collective-individual that resides in the state of nature (CP: 26). This also clarifies one of the key statements of his legal doctrine: "A statute cannot be the guardian of another statute" (GC: 110) or "no norm... protects or guards itself; nothing that normatively valid enforces itself" (LL: 54; PT: 28). For justice, law – the "norm" – belongs to peace: "Norms are valid only for normal situations" (LL: 69). Therefore, the political, which precedes and surrounds peace, is fundamental in comparison with it.¹³ According to Hobbes' theory, the sovereign, as the guarantor of peace, remains forever in the state of nature – he does not enter into an agreement to create the state, being its product (Hobbes 1996: XVIII; 2003: V, 9). To put it in Schmitt's terms: The sovereign as the bearer of the united will of the state – that is to say, "a specific entity of a people" (CP: 19) – literally resides outside the law; he is not bound by any obligations, for it is the case not that the sovereign exists because of the law but, rather, that the law exists because of the sovereign (PT: 7, 13, 15; Vinx, 2015: 98, 103). Being in the state of nature, he has the right to everything and, at the same time, creates obligations for those who have achieved the peaceful life (Hobbes, 1996: XXI; 2003: X, 17, XIII, 7). Precisely because the law is guaranteed by what is outside it, "legality is in direct opposition to legitimacy" (LL: 9), and the sovereign, strictly speaking, cannot be "legal", only legitimate (Young, 2021: 169).

In the state of nature, in which the collective-individual finds itself, everything revolves around survival, for the state of nature is the "*bellum omnium contra omnes*" (Hobbes, 2003: Preface)¹⁴. The goal of each individual is the same – to survive (Hobbes, 2003: I, 7, II, 18; PT: 12)¹⁵. For the state, it means maintaining unity, i.e., peace within itself, represented by the united will of the people¹⁶, concentrated in the sovereign (Hobbes, 1996: XVII; 2003: V, 6–9). However, because, in the state of nature, everyone has the right to everything (Hobbes, 2003: I, 10) and therefore everybody is a potential enemy to everybody else (i.e., each individual is potentially dangerous to another (Hobbes, 1996: XIII; 2003: Dedication and I, 4)), the survival of the state directly correlates to the ability to independently (by its own will) determine who poses a mortal threat to it and eliminate this threat (CP: 29–30; PT: 9)¹⁷. That is why Schmitt notes that a collective that cannot determine its enemies by itself does not exist, i.e., it is not political (CP: 28). Moreover, Schmitt and Hobbes both emphasize that although the political/natural state is the state of hostility, this does not mean that it always involves armed struggle. The war of all against all consists of the possibility of armed fighting – in the ever-present possibility to eliminate the other, i.e., determine one's friend and enemy (Hobbes, 1996: XIII; CP: 37).

---

¹³ When some say that Schmitt's theory "seeks to nullify the rules of normal time" (Bredekamp, 1999: 253), they disregard the fact that it is precisely the appearance of the normal situation that is the most obvious and crucial effect of the creation of the state.

¹⁴ When McCormick says, "Schmitt's implicit reading of Hobbes, therefore suggests that a return to the state of nature is an ever-present possibility for any society" (2016: 278), he demonstrates an utter misunderstanding of Hobbes' and Schmitt's theories. All the states, all the collectives-individuals, as long as they exist, remain in the state of nature; this is not an extreme "possibility", but an inescapable reality. Yet, one can see why it is so hard for a man to understand why the death of the state would mean his personal demise.

¹⁵ McCormick here, once again, does not follow Hobbes'/Schmitt's logic by saying, "Schmitt will not even supply an account of the mechanisms, moral or not, that bring such people together to begin with and that keep them together" (2016: 280), although the mechanism seems rather obvious.

¹⁶ Hobbes introduced the term "will" into political theory through the notion of freedom. For "freedom or liberty indicates the human characteristic of being able to perform actions which proceed from the will" (Van den Enden, 1979: 187).

¹⁷ Norris tries to counter this conclusion by saying that "different regimes will be threatened by different things and in different ways, and these threats will not be self-evident" (1998: 84). Clearly, he is forgetting that from Hobbes' position every individual is, by nature, equally capable of understanding his, as well as others', situation and judging reasonably whether the situation requires actions "necessary to the preservation of his life, and members", or not (Hobbes, 2003: I, 9). This state of equality is very important. From Schmitt's point of view, there are no nations in the political. The Germans, Russians, or Americans do not exist in it; they could exist only outside it. That is to say, the collectives-individuals are faceless, as any and all identity belongs exclusively to peace and, taken by themselves, all collectives-individuals desire the same and possess the same rights of obtaining the desirable.

This makes it clear why Schmitt says that the concept of the enemy has a “concrete and existential sense” (CP: 27) and also why the friend/enemy distinction presupposes “the extreme case”, i.e., war (CP: 30, 35, 38, 48). In addition, this explains why Schmitt denies the possibility of justifying the physical killing through any rational explanation (CP: 36, 48). None such explanation can be valid in the state of nature, where one finds nothing but the dangerous nature of man¹⁸. The political (as well as the natural state) presupposes that, unlike other animals, which are dangerous on occasion, men are dangerous not due to some contingency but by the necessity of the natural desire to survive (CP: 58; Hobbes, 1996: XIII; 2003: Dedication, Preface, I, 4, 7). The fact that one collective-individual – through the sovereign as the focal point of its united will (CP: 45–47; GC: 168; PT: 24) – understands another collective-individual as a mortal threat and thus makes a decision about the enemy, without justifying itself in any way, but acting in “the heat of passion” (namely, the fear for its existence) – is the only possible situation of the political.

The enemy has only one property – that of “existential negation” (CP: 33). He must therefore be erased from existence; he must cease to exist. Schmitt should be understood here with a particular delicacy because he is talking not about men but about collectives (CP: 71). The enemy ceases to exist when it ceases to be a collective organized through a unified single will and not when all the members of it stop breathing¹⁹. The same, dialectically, is true for the friend – friendship between collectives as “the utmost degree of intensity of a union” implies the non-existence of the friend, his “existential association”²⁰. In other words, if some collective-individual wants to leave the state of nature, it can do this by joining another collective-individual, thereby losing its single will and ceasing to make independent decisions about friend and enemy, thus ceasing to exist (CP: 49)²¹. This corresponds exactly to Hobbes’ theory: If a collective-individual no longer wants²² to be in the state of nature, it can join another collective-individual, i.e., cease to exist, dissolving oneself in another (Hobbes, 1996: XIX, XXI; 2003: Dedication, VII, 18, IX, 12–13).

The collective-individual can freely determine with its will not only external but also internal enemies. However, just as Schmitt says, if a collective has internal enemies, this collective has already been destroyed, for some part of it has already reached the natural state, i.e., became a political unity (CP: 45–47). However, it can also do something else; because an individual in the state of nature has one main goal and the right to do everything to achieve it, and the collective-individual is in the state of nature, it, in order to achieve the goal of inner peace, i.e., its survival, can take any action to prevent other collectives from forming inside it (Hobbes, 1996: XVIII; 2003: VI, 13, XII–XIII). In Hobbesian language, the sovereign has the right to order his subject not only to kill another or die himself but also (under certain conditions) to commit suicide (Hobbes, 1996: XXI; 2003: VI, 13). In the end, individual men cannot enter the political and cannot have “enemies” (CP: 70–71). That is, their liquidation – no matter how large or small their number (as long as they do not represent a collective with a single will) – does not mean the destruction or death of the collective-individual. Moreover, this ability to demand everything from its members comes not only from the above-mentioned but also from the fact that the existence of all high things, from peace to culture, property, religion, and so forth, depends on the existence of the unified by a single will collective-individual. Being the basis for all sorts of high things, the collective-individual is more important in comparison with the human-individual: One can restore a culture or a faith if there is the state, but one who lost his state cannot have neither a culture nor a faith of his own.

The idea of the state as the collective-individual, that is, “having one will, and to whom one action may be attributed” (Hobbes, 2003: XII, 8), opens up the possibility of achieving the “qualitative total state” as opposed to the “quantitative” one (LL: 35). For if the goal of the state is to survive, that is, to maintain unity, then, taking into account the primordiality and autonomy of the political in contradistinction to the secondary character and dependence of all spheres of social life, one must admit that politics, as the activity of the state aimed at achieving its goal, permeates or should permeate all spheres of social life (GC:

¹⁸ Schmitt openly states that his vision of man as a problematic being is taken from Machiavelli and Hobbes (CP: 58–59; PT: 56; Cf. Young, 2021: 166; Harman, 2020: 261).

¹⁹ Schmitt deliberately places the category of the “absolute enemy” – the enemy that must be destroyed completely – to the last man (see TP: 93–95) “outside his criterion of the political” (Arditi, 2008: 10).

²⁰ McCormick is trying to separate the state of nature and the political by stating that “in the former, despite some occasional references by Hobbes to families or professions, there exist no friends and hence no antagonistic groupings” (2016: 286). What he does not realize is that in the political there are no groups of friends or enemies either, for the political, as with the state of nature, is filled exclusively with individuals – collective-individuals.

²¹ Sartori justly says that nations do not become friends by having a common enemy (1989: 65). One should always discern between an ally and a friend. That is to say, friendship between different collective-individuals historically looks like the Anschluss, and not like NATO or the EU. To put it in more simple language, friendship (like enmity) is a process, not a status.

²² I use the word “wants” because, as has been stated previously, the collective-individual has an individual will that resides in one particular entity – in the best case – in one person (Hobbes, 1996: XVII and XIX; 2003: X, 17; Cf. LL: 10).

131–132). Schmitt deliberately refuses to give even an approximate definition of politics, not because he “found it impossible to provide an exhaustive or even a general definition” of it (Schwab, 2007: 7). The reason for such a clearly noticeable move is the lack of any necessity to do it²³. Everything the state does is politics: “The state possesses the monopoly on politics” (CP: 22) and nothing that “political groups” within the state do is politics. Moreover, the very existence of these groups, as claiming to be political, marks the need for their dissolution (CP: 38). Nothing can exist within the collective-individual that would differ from it and, at the same time, would not threaten its essence as a unified whole. It is precisely this problem that confronts the collective-individual with the need to achieve “homogeneity”²⁴: to reject any possible group division within various spheres of social life. “Political life by necessity contains homogeneity which excludes *the other*” (Günsoy, 2016: 170–171; Cf. LL: 28). Thus, the state must permeate and control the economic, religious, moral, ethnic, etc. In Hobbesian language: The definition of good and evil belongs to the state, for if men are able to define good and evil (as well as other categories) by themselves, the state, as a unity, is destroyed (Hobbes, 1996: XVIII; 2003: VI, 11, XII, 1). The possibility of the total state becomes a necessity (GC: 132), dialectically transforming internal depoliticization (the absence of antagonism within various spheres of social life, which could reach the political (Böckenförde, 1997: 7)) into external politicization (the complete ability of the individual-collective to fight for its survival (GC: 172)).

Of course, equating human-individuals and states-individuals opens up a (theoretical) possibility of unifying the latter, similar to the unification of the former. Such a unification, however, would mean the cessation of the existence of the state of nature/political and, at the same time, the state as such: “A world state which embraces the entire globe and all of humanity cannot exist” (CP: 53). This is understandable, for the world state, humanity, taken as such, is not in the situation of fear for its own existence from the other; it is unproblematic, at least until non-humans are discovered (CP: 54). This means there could not be any politics in it: The “total depoliticalization” (CP: 54) that entails unified humanity means nothing but the death of the state (CP: 57). However, as Strauss shows (Strauss, 2006: §16–19), Schmitt, following Hobbes, rejects such a possibility: “The political can never be eliminated from human affairs” (McCormick, 2016: 271) as long as human nature remains problematic or “evil”. World peace is possible only if the man is, by nature, “good”. All teachings that proclaim the unproblematic character of man turn out to be apolitical – nothing more than a “critique of politics” (CP: 70).

Heirs of Hobbes – “by far the greatest and perhaps the sole truly systematic political thinker”²⁵ – in fact depoliticize liberal theory in two ways. On the one hand, some of them (K. Marx) abandoned the idea of the problematic nature of man. Others (J. Locke and B. Spinoza, who was closer to Hobbes in every sense²⁶), on the other hand, focused liberal theory on the individual man, thereby not abandoning the political but refusing to consider it – trying to hide the objective reality of the endless struggle of collectives behind a humanistic call for the protection of the rights and freedoms of men (CP: 70–71).

Schmitt’s theory, therefore, as an attempt to reinstate Hobbes, represents “liberalism with the opposite polarity” (Strauss, 2006: §32). Defending the primordiality of the state, which comes directly from the problematic character of human nature, Schmitt tries to return to the “inescapable political reality” (Bielefeldt, 1997: 67). At the same time, putting at the forefront the question of the survival of the collective-individual, he, as befits a liberal, can no longer raise the question of the good state²⁷. To put it somewhat better, Schmitt’s concept of the political turns out to be politically neutral rather than politically charged since it is wholly unable to answer the question: Who is the enemy?

²³ Cf. Schmitt’s claim: “The essence of the political does not concern the question whether politics can relieve all fighting or not (politics could not do so at all without ceasing to be politics), but the other question, what war and fighting derive their meaning from” (Schmitt, 1936: 549; cited by Meier (2006: 65–66)). Indeed, “for Schmitt the political lies ‘not in fighting itself’” (Meier, 2006: 32), for it is not war but survival that is the goal of the collective-individual.

²⁴ Schmitt calls it “substantial homogeneity” (CT: 116) or “social-psychological homogeneity” (CT: 207. Cf. AND: 88; Sorell, 2003: 227).

²⁵ Cited from the original version of *The Concept of the Political* of 1927 (Stanton, 2011: 160).

²⁶ When Schmitt attacks Spinoza in *The Leviathan*, he does so precisely because Spinoza (and not Locke) is the first heir of Hobbes’ theory. He is the closest to Hobbes historically and theoretically (Locke changes a lot to make Hobbes’ theory “more palatable” (Norris, 2000: 39)), and, yet, he completely switches the focus of Hobbes’ thought from the state-individual to the human-individual because of his explicit goal of protecting the individual freedom of thought (Spinoza, 1966: 200).

²⁷ “Schmitt’s new political perspectives were essentially amoral”, says Bendersky (1983: 87). However, it would be better to say that they were, in fact, immoral, as from Schmitt’s point of view, all moral positions are equally valid because they essentially belong to a particular will of a particular sovereign. They cannot exist outside of said will, in the political. However, some try to disagree with this conclusion. For example, Vatter (2004: 168–169), in his otherwise solid analysis of Schmitt’s thought, says that “only by leaving the state of culture... and returning to the state of nature will the individual be again confronted by absolute moral alternatives”, i.e. true or false faith. Thus, he completely ignores the fact that the sovereign cannot have any faith precisely because he resides in the state of nature. The same goes for Günsoy (2016: 169), who does not see “liberal universalism” in Schmitt’s conclusions.

Acknowledgments

This paper was originally presented at the 55th Annual Conference of the Northeastern Political Science Association. I am grateful for the insightful questions and enlightening comments from the discussants and audience, which helped me improve it.

References

- Adair-Toteff, C. (2020) *Carl Schmitt on Law and Liberalism*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Arditi, B. (2008) ‘On the Political: Schmitt contra Schmitt’, *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 142, pp. 7–28.
- Balakrishnan, G. (2000) *The Enemy. An Intellectual Portrait of Carl Schmitt*. London: Verso.
- Bellamy, R. (2000) *Rethinking Liberalism*. London: Pinter.
- Bendersky, J. W. (1983) *Carl Schmitt. Theorist for the Reich*. Princeton: Princeton University Press.
- Bendersky, J. W. (1987) ‘Carl Schmitt at Nuremberg’, *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 72, pp. 91–96.
- Bendersky, J. W. (1996) ‘Schmitt and Hobbes’, *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 109, pp. 122–129.
- Bielefeldt, H. (1997) ‘Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Systematic Reconstruction and Countercriticism’, *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*, X (1), pp. 65–75.
- Böckenförde, E.-W. (1997) ‘The Concept of the Political: A Key to Understanding Carl Schmitt's Constitutional Theory’, *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*, X (1), pp. 5–19.
- Bredekamp, H. (1999) ‘From Walter Benjamin to Carl Schmitt, via Thomas Hobbes’, *Critical Inquiry*, 25 (2), pp. 247–266.
- Cristi, R. (1998) *Carl Schmitt and Authoritarian Liberalism*. Cardiff: University of Wales Press.
- Croce, M., Salvatore, A. (2023) ‘The Plight of the Exception: Why Carl Schmitt Bid Farewell to Hobbes’, *History of European Ideas*, 7, pp. 1–15, DOI: 10.1080/01916599.2023.2185801.
- Fischer, K. (2010) ‘Hobbes, Schmitt, and the Paradox of Religious Liberality’, *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 13 (2-3), pp. 399–416.
- Galli, C. (2023) ‘Schmitt, Carl’ in Zanetti, G., Sellers, M., Kirste, S. (eds.) *Handbook of the History of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Vol. 3*. Cham: Springer, pp. 283–294, DOI: 10.1080/13698231003787828.
- Günsoy, F. (2016) ‘Whose Reason, Whose Law, Whose Public? “The Political” and “Hegemonic Sovereignty” in Carl Schmitt’, *Synthesis Philosophica*, 61 (1), pp. 169–180, DOI: 10.21464/sp31112.
- Harman, G. (2020) ‘Realism without Hobbes and Schmitt: Assessing the Latourian Option’ in Finkelde, D., Livingston, P. M. (eds.) *Idealism, Relativism, and Realism: New Essays on Objectivity Beyond the Analytic-Continental Divide*. Berlin: De Gruyter, pp. 257–273.
- Hobbes, T. (1996) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobbes, T. (2003) *On the Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Holmes, S. (1993) *The Anatomy of Antiliberalism*. Cambridge: Harvard University Press.
- Larmore, C. (1996) *The Morals of Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCormick, J. P. (1999) *Carl Schmitt's Critique of Liberalism. Against Politics as Technology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCormick, J. P. (1994) ‘Fear, Technology, and the State: Carl Schmitt, Leo Strauss, and the Revival of Hobbes in Weimar and National Socialist Germany’, *Political Theory*, 22 (4) pp. 619–652.
- McCormick, J. P. (2016) ‘Teaching in Vain. Carl Schmitt, Thomas Hobbes, and the Theory of the Sovereign State’ in Meierhenrich, J., Simons, O. (eds.) *The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. New York: Oxford University Press, pp. 269–290, DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199916931.013.001.
- Mehring, R. (2014) *Carl Schmitt: A Biography*. Cambridge: Polity.
- Mehring, R. (2017) ‘Carl Schmitt's Friend-Enemy Distinction Today’, *Filozofija i Društvo*, XXVIII (2), pp. 304–317, DOI: 10.2298/FID1702304M.
- Meier, H. (2006) ‘Carl Schmitt & Leo Strauss. The Hidden Dialogue’ in Meier, H. (ed.) *Carl Schmitt & Leo Strauss. The Hidden Dialogue*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 3–87.
- Meierhenrich, J., Loughlin, M. (2021) ‘Thinking about the Rule of Law’ in Meierhenrich, J., Loughlin, M. (eds.) *The Cambridge Com-*

- panion to the Rule of Law*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3-22.
- Neumann, F. (2009) *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism, 1933-1944*. Chicago: Ivan R. Dee.
- Norris, A. (1998) ‘Carl Schmitt on Friends, Enemies and the Political’, *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 112, pp. 68-88.
- Norris, A. (2000) ‘Locke Reading the Law of Nature. Lockean Hermeneutics and Political Judgment’ in Cope, K. L., Cahill, S. A. (eds.) *1650-1850: Ideas, Aesthetics, and Inquiries in the Early Modern Era. Vol. 5*. Lewisburg: Bucknell University Press, pp. 37-62.
- Palaver, W. (1995) ‘Schmitt's Critique of Liberalism’, *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 102, pp. 43-71.
- Sartori, G. (1989) ‘The Essence of the Political in Carl Schmitt’, *Journal of Theoretical Politics*, 1 (1), pp. 63-75.
- Schmitt, C. (2017) *Ex Captivitate Salus: Experiences, 1945-1947*. Cambridge: Polity.
- Schmitt, C. (2008) *Constitutional Theory*. London: Duke University Press.
- Schmitt, C. (2015) ‘The Guardian of the Constitution’ in Vinx, L. (ed.) *The Guardian of the Constitution: Hans Kelsen and Carl Schmitt on the Limits of Constitutional Law*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 79-124.
- Schmitt, C. (2004) *Legality and Legitimacy*. London: Duke University Press.
- Schmitt, C. (2007a) ‘The Concept of the Political’ in Schwab, G. (ed.) *The Concept of the Political*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 19-79.
- Schmitt, C. (2007b) ‘The Age of Neutralizations and Depoliticizations’ in Schwab, G. (ed.) *The Concept of the Political*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 80-96.
- Schmitt, C. (1996) *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes*. London: Greenwood Press.
- Schmitt, C. (2007c) *Theory of the Partisan. Intermediate Commentary on the “Concept of the Political”*. New York: Telos Press Publishing.
- Schmitt, C. (1985) *Political Theology*. Cambridge: MIT Press.
- Schmitt, C. (1936) ‘Politics’ in Franke, H. (ed.) *Handbuch der neuzeitlichen Wehrwissenschaften. Vol. I*. Berlin: De Gruyter.
- Schwab, G. (2007) ‘Introduction’ in Schwab, G. (ed.) *The Concept of the Political*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 3-16.
- Sollors, W. (2020) ‘Better to Die by Them than for Them: Carl Schmitt Reads “Benito Cereno”’, *Critical Inquiry*, 46 (2), pp. 401-420, DOI: 10.1086/706684.
- Sorell, T. (2003) ‘Schmitt, Hobbes and The Politics of Emergency’ *Filozofski Vestnik*, XXIV (2), pp. 223-241.
- Spinoza, B. (1966) *A Theologico-Political Treatise*. New York: George Routledge and Sons.
- Stanton, T. (2011) ‘Hobbes and Schmitt’, *History of European Ideas*, 37 (2), pp. 160-167, DOI: 10.1016/j.histeuroideas.2010.11.007.
- Strauss, L. (2006) ‘Notes on Schmitt's Concept of the Political’ in Meier, H. (ed.) *Carl Schmitt & Leo Strauss. The Hidden Dialogue*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 89-119.
- Teschke, B. (2011) ‘Decisions and Indecisions. Political and Intellectual Receptions of Carl Schmitt’, *New Left Review*, 67, pp. 61-95, DOI: 10.64590/nfn.
- Tralau, J. (2010) ‘Thomas Hobbes, Carl Schmitt, and three conceptions of politics’, *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 13 (2-3), pp. 261-274, DOI: 10.1080/13698231003787737.
- Traverso, E. (2017) ‘Confronting Defeat: Carl Schmitt Between the Victors and the Vanquished’, *History and Theory*, 56 (3), pp. 370-378, DOI: 10.1111/hith.12025.
- Van den Enden, H. (1979) ‘Thomas Hobbes and the Debate on Free Will. His Present-Day Significance for Ethical Theory’, *Philosophica*, 24 (2), pp. 185-216.
- Vatter, M. (2004) ‘Strauss and Schmitt as Readers of Hobbes and Spinoza: On the Relation between Political Theology and Liberalism’, *The New Centennial Review*, 4 (3), pp. 161-214, DOI: 10.1353/ncr.2005.0025.
- Vinx, L. (2015) ‘Carl Schmitt's Defense of Sovereignty’ in Dyzenhaus, D., Poole, T. (eds.) *Law, Liberty and State. Oakeshott, Hayek and Schmitt on the Rule of Law*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 96-122, DOI: 10.17863/CAM.71714.
- Young, J. (2021) *German Philosophy in the Twentieth Century*. New York: Routledge.

ЛИБЕРАЛИЗМ КАРЛА ШМИТТА

А. Н. Мишурин

Мишурин Александр Николаевич, научный сотрудник,
Институт философии РАН, Москва, Россия
E-mail: a.n.mishurin@iphras.ru (ORCID: 0000-0002-9942-772X. ResearcherID: N-2369-2016).

Аннотация

Предпринята попытка проследить четкую, пусть и предварительную, связь между мыслями Карла Шмитта и Томаса Гоббса через ключевую работу первого из них – «Понятие политического». Автор стремится доказать, что, несмотря на то что Шмитт является одним из самых глубоких критиков либерализма, он критикует его, оставаясь, как говорит Лео Штраус, «в горизонте либерализма». Иными словами, указывая на недостатки наследников Т. Гоббса, К. Шмитт одновременно пытается предложить продолжение политической теории Т. Гоббса, показать возможность альтернативного развития Гоббсовой мысли. Это развитие сосредотачивается не вокруг человека-индивида, но вокруг коллектива-индивида – «особого рода состояния народа», объединенного индивидуальной волей – государства, его свойств и прав. Чтобы раскрыть эту идею, автор в данной статье обобщает теоретический долг К. Шмитта перед Т. Гоббсом, показывая, что ключевые концепты его мысли, такие как политическое, человек, враг, государство, суверен и другие, были взяты именно у британского мыслителя. Таким образом, Шмитт оказывается в числе наследников Т. Гоббса, которых обычно причисляют к либералам.

Ключевые слова: Шмитт; Гоббс; государство; политическое; враг; человек; либерализм.

Обзоры и рецензии

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-144-153

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ВЛИЯНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫЖИВАНИЕ ЛИДЕРОВ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Я. С. Евсеев

Евсеев Ярослав Сергеевич, аспирант 1 курса, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: Evseev.Y.S@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9069-1091. ResearcherID: MZR-3827-2025).

Аннотация

В последние десятилетия экономические санкции, существенно изменившись по своей природе и использованию, стали более частым и точным инструментом внешней политики. Рост видов и направлений применения экономических санкций в современности ведет к переосмыслению их политических последствий. В частности, отсутствует согласие о характере и факторах влияния экономических санкций на политическое выживание лидеров страны – одной из ключевых политических категорий устойчивости правления. В статье представлен аналитический обзор предметного исследовательского поля с целью выявления аргументов о связи экономических санкций и политического выживания. Принципиальной выступает дискуссия об оценке эффективности экономических санкций с точки зрения политического выживания лидеров. Рассмотрение ключевых исследований показало, что: 1) последствия экономических санкций для политического лидера зависят от способа их реализации; 2) экономическое благосостояние целевого государства положительно влияет на устойчивость политического лидера под влиянием экономических санкций; 3) способность политического лидера удерживать власть зависит от размера и структуры селектората и выигрышной коалиции, а также от механизмов перераспределения ресурсов. Данная статья продолжает дискуссию о последствиях экономических санкций, предлагает новый подход к рассмотрению эффективности экономических санкций через их связь с политическим выживанием лидеров.

Ключевые слова: экономические санкции; эффективность экономических санкций; типологизация экономических санкций; последствия экономических санкций; политическая стабильность; политическое выживание; теория селектората.

Введение

Изменения в использовании экономических санкций как инструмента в международных отношениях повлекли за собой растущий научный интерес к их эффектам и механизмам. Ученые отмечают увеличение их частоты и видов, усложнение процедуры реализации (Felbermayr et al., 2020: 8). Меняется и сама логика использования экономических санкций как инструмента политического влияния на международной арене. Если еще в конце XX века санкции использовались исключительно как агрессивный, принудительный инструмент международной политики (в частности, с целью изменить дислокацию войск (Hufbauer et al., 1990: 10), то сегодня они выступают своего рода «швейцарским ножиком» внешней политики (Kahn, 2017). Экономические санкции теряют свою стратегическую составляющую: вопросы территории и вооруженного конфликта постепенно вытесняются вниманием к правам и свободам человека (Morgan et al., 2023: 8). А после 11 сентября 2001 года они активно используются как инструмент борьбы с терроризмом (*Ibid.*: 11). Помимо этого, целью экономических санкций может быть как выражение общего недовольства по отношению к целевой стране, так и попытка повлиять на ее внутреннюю и внешнюю политику. Особенно следует отметить рост «умных» санкций¹, накладывающих ограничения на отдельных физических или юридических лиц, в

некоторых случаях – на бизнес-сделки (Ahn, 2019). Появление новых видов экономических санкций требует переосмыслиния их эффективности (Grinberg et al., 2021). Для этого важно понимать политические последствия экономических санкций. Политическое рассмотрение экономических санкций не является новым феноменом. Еще в 1980 году Альберт Хиршман (Hirschman, 1980) в книге «Национальная мощь и структура внешней торговли»² одним из первых предложил фундаментальный политический анализ экономических санкций. Он показал, как крупные государства могут манипулировать торговыми отношениями для осуществления политического контроля, тогда как экономические санкции становятся инструментом политического принуждения. В этой дискуссии одной из ключевых категорий политических последствий санкций стало выживание политического лидера страны. Так, Николай Маринов утверждает, что при прочих равных любые экономические санкции увеличивают риск потери верховной власти на 28 % (Marinov, 2005: 565). С другой стороны, негативный эффект экономических санкций для политических лидеров может быть преувеличен из-за особенностей в базовой структуре рисков и угроз целевых стран (Licht, 2017). Например, выбор адресата может быть не случаен, а опосредован международным политическим климатом. В связи с этим проблемный вопрос данной статьи – отсутствие согласия о характере и механизмах влияния экономических санкций на выживание политического лидера в академической литературе. Ее целью является рассмотрение мнений о влиянии экономических санкций на политическое выживание лидеров в исследовательском поле. Для этого предлагается изучить научную литературу на предмет: 1) концепции экономических санкций, видов и подходов к пониманию их эффективности; 2) основных механизмов выживания политического лидера; 3) факторов, влияющих на связь экономических санкций и выживание политического лидера.

Изучение выживания политических лидеров представляет существенный интерес для специалистов, исследующих последствия экономических санкций. Оно может использоваться в качестве «жесткого» индикатора их результативности: эффективные политические санкции не всегда ведут к смене политического лидера, однако смена политического лидера выступает сигналом об их успехе. Рассмотрение различных изменений в общественных характеристиках целевой страны, возникших под влиянием экономических санкций, как «мостика» (переменной взаимодействия) в контексте политического выживания лидера может позволить лучше изучить их последствия.

Природа и виды экономических санкций

Определение экономических санкций

Несмотря на относительную популярность термина «экономические санкции» в публичной политике, лишь немногие специалисты смогут предложить полноценное объяснение данному феномену. В наиболее широком смысле их можно определить как «ограничения экономической деятельности, налагаемые одним международным субъектом на другой с определенной целью» (Özdamar, Shahin 2021: 1648). Хафбауэр (Hufbauer et al., 1990: 3) подчеркивает необходимость наличия намерения со стороны адресанта, определяя экономические санкции как «преднамеренное, инспирированное правительством прекращение или угрозу прекращения обычных торговых или финансовых отношений». Эти намерения являются основой для постановки целей экономических санкций. Хотя современные реалии показывают неверность предположения о том, что целью любых санкций является «смещение действующего инкумбента» (Marinov, 2005: 567), их цели действительно лежат за пределами экономического пространства – в сфере политического. Согласно классическим экономическим моделям Хекшера–Олина (см.: Leamer, 1995), страны извлекают наибольшую выгоду из свободной торговли. Различные товары требуют специфическую пропорцию факторов производства, что позволяет странам торговать на основе сравнительных производственных преимуществ. Следовательно, экономические санкции никогда не преследуют сугубо экономические цели, так как нарушают положение о свободной торговле, что ведет к недополучению выгоды как со стороны адресанта, так и со стороны адресата. Таким образом, с формальной точки зрения экономические санкции являются проявлением ситуации, когда польза от политических последствий санкций для адресанта превышает экономический ущерб для него. Согласно Джумелли (Giumelli, 2011: 32), «экономические санкции являются примером демонстрации власти во внешней политике, которая проявляется через способность побудить к действию в конфликте, ограничить альтернативы и определить нормаль-

² “National power and the structure of foreign trade”.

ность»³. Экономические санкции выступают в таком случае способом получения политического капитала в случаях, когда альтернативы (например, использование вооруженных сил) недостижимы. Таким образом, понятие «экономические санкции» содержит в себе как минимум три ключевые составляющие: 1) политическая намеренность адресанта экономических санкций; 2) метод реализации поставленных целей; 3) множество международных субъектов, которые могут быть участниками этого процесса.

Виды экономических санкций

Для полноценного понимания последствий экономических санкций и их возможной связи с политическим выживанием лидеров важно четко различать их виды, так как не все экономические ограничения являются санкциями. Например, страны могут вводить количественные ограничения – квоты – на определенные импортируемые из другой страны товары. В отличие от экономических санкций, квоты часто используются для защиты отечественной промышленности или управления торговым дефицитом без прямого запрета торговли. С точки зрения принципов воздействия на целевую страну можно выделить три типа экономических санкций: торговые, инвестиционно-финансовые и узконаправленные (Filipenko et al., 2020: 72). Они различаются как по эффективности достижения поставленных целей, так и по степени урона для экономики целевого государства. Торговый тип санкций предполагает ограничения на уровне нормативных актов именно между суверенными странами (Smeets, 2018: 4). К ним чаще всего относят так называемые бойкоты и эмбарго. Под бойкотом обычно понимают отказ от покупки товаров и услуг у поставщика, а под эмбарго – ситуацию, при которой покупателю не будут поставлены никакие товары и услуги. Инвестиционно-финансовые санкции являются более гибким вариантом, так как позволяют вводить ограничения не только против суверенных стран, но и против юридических и физических лиц. Тем не менее процедура их реализации осложнена необходимостью наличия сотрудничества со стороны негосударственных агентов страны адресанта. Фирмы чаще ориентируются на государственное регулирование при выборе целей для инвестиций, они могут пренебречь ограничениями в случае высоких потенциальных возвратов (Barry, Kleinberg, 2015: 885). К узконаправленным санкциям можно отнести ограничения на передвижение и доступ к финансовым активам. Хотя узконаправленные санкции являются примером «мягкой» формы принуждения и нацелены на нанесение наименьшего сопутствующего урона, они могут оказаться критическими для экономики целевой страны, если затрагивают ключевые отрасли в ней (Gordon, 2019: 305).

Эффективность экономических санкций

Экономические санкции могут быть привлекательным инструментом международной политики. Однако их эффективность остается под сомнением. Введение санкций всегда сопряжено с существенными экономическими затратами со стороны адресанта. Хорошим примером этому выступают США, которые претерпели сокращение финансовых потоков из-за вводимых ими же ограничений (Besedeš et al., 2017). При этом стоимость санкций различается как между странами-адресантами, так и между субъектами экономики внутри страны; нередко именно частные субъекты несут существенные расходы (Botterill, McNaughton, 2008).

Один из универсальных способов оценки эффективности экономических санкций – сама возможность достигать поставленных целей (Pala, 2021: 239). Однако такой подход не всегда удобен и очевиден. Во-первых, поставленные цели могут меняться с течением времени, что затрудняет интерпретацию «успеха» (Morgan et al., 2023: 12). Во-вторых, необходимо учитывать политические внешние эффекты санкций, что существенно затрудняет процесс исследования (Drezner, 2024). Наконец, такой подход негативно сказывается на качестве получаемых объяснений о связи экономических санкций и политического выживания лидеров. Страна может наносить экономический ущерб другим международным субъектам из-за агрессивной экономической политики, что является примером не-преднамеренных негативных последствий или сопутствующего урона. Более того, понимание эффективности экономических санкций также различается в зависимости от содержательного наполнения их политических целей. Можно различать экономические санкции как инструмент: 1) принуждения; 2) наказания; 3) дипломатического сигнала о занимаемой нормативной установке в международных отношениях; 4) продвижения внутренней политики. Классическим примером принудительных экономических санкций является ряд ограничений против Ирана. Дрезнер (Drezner, 2022) на примере двух исторических периодов («старый» – между войнами в Персидском заливе и «новый» – после формирования администрации Трампа в 2017 году) показал относительную неэффективность прин-

³ “Sanctioning is an exercise of power in foreign policy, and power has been described with three dimensions: winning conflicts, limiting alternatives and shaping normality which can be translated in coercing, constraining and signalling”.

тых против Ирана мер. Антироссийские экономические санкции, последовавшие после Крымских событий 2014 года, иллюстрируют феномен «санкции-наказания». Изучая этот пример, Алексеев и Хейл (Alexseev, Hale, 2020) попытались разобраться в причинах низкой (а в некоторой степени – отрицательной) эффективности экономических санкций. В качестве случая санкций как дипломатической позиции можно рассмотреть борьбу с терроризмом в мире. Так, США используют экономические санкции против «Аль-Каиды»⁴ для контролирования банковских финансовых потоков в период глобализации (Farrell, Newman, 2020: 72). Наконец, торговые ограничения, вводимые США против Китая (как пример продолжения внутренней политики президента Трампа), сказываются на росте цен и затрат на производство, что ведет к «потерям мертвого груза» для обоих государств (Guo, Wang, Xu, 2023).

В некоторых случаях суверенные государства склонны применять экономические санкции, даже если таковые не ведут непосредственно к достижению поставленных целей (Smeets, 2018: 15). В статье предлагается рассмотреть оценку политической эффективности экономических санкций через призму политического выживания лидеров. Этот подход обладает двумя преимуществами. Во-первых, изменение верховного руководства в целевой стране часто является целью экономических санкций, что позволяет интерпретировать часть оценок в рамках устоявшейся парадигмы. Во-вторых, использование политического выживания в качестве оценки эффективности экономических санкций позволяет сформировать их строгую оценку и посмотреть на факторы, влияющие на этот процесс.

Влияние экономических санкций на политическое выживание

Связь экономических санкций и политического выживания

Изучение последствий экономических санкций является предметом научной дискуссии многих десятилетий. На современном этапе толчком к прициальному изучению влияния экономических санкций на стабильность политических лидеров послужила статья Николая Маринова «Дестабилизируют ли экономические санкции лидеров стран?»⁵ (Marinov, 2005). Центральным тезисом работы выступает утверждение о повсеместном негативном характере этой связи. При этом вопрос политического выживания оказывается тесно связан с их эффективностью: политические лидеры готовы идти на уступки под влиянием экономических санкций, что соответствует достижению поставленных целей страной-адресантом. Однако Маринов подчеркивает, что экономические санкции вызывают реакцию со стороны правительства целевой страны, только если таковые действительно генерируют политическую угрозу (*Ibid.*: 564–566). Механизм влияния экономических санкций на политическое выживание лидеров также остается неочевидным. Одной из доминирующих точек зрения выступает аргумент о роли экономического благосостояния в целевой стране как промежуточного звена изучаемой связи. Отрицательная связь экономического роста с вероятностью ухода политического лидера (по крайней мере в краткосрочном периоде) была подтверждена эмпирическими исследованиями для различных типов политических режимов (Burke, 2012: 1). Экономический рост позволяет политическим лидерам быть более гибкими под влиянием экономических шоков на рынке сырьевых товаров (*Ibid.*: 32). Также фиксируется существенное негативное влияние санкций на темпы роста ВВП, а также на торговлю и прямые иностранные инвестиции (Gutmann et al., 2023). Связь остается значимой как при изучении сравнительного эффекта европейских и американских санкций (Neuenkirch, Neumeier, 2015), так и в рамках отдельной страны (Gharehgozli, 2017). При этом негативный эффект экономических санкций на ВВП оказывается наиболее выраженным в случае множественных санкций от нескольких суверенных государств и их последующей кооперации в ограничительной политике (Drezner, 2000). Примечательно, что именно инвестиционно-финансовые экономические санкции, нацеленные на банковскую структуру, могут оказаться наиболее эффективным рычагом влияния на экономику целевой страны (Hufbauer, Jung, 2020). Наконец, увеличение масштаба санкционного давления не всегда приводит к большему ущербу экономики целевой страны (Itskhoki⁶, Ribakova, 2024: 5, 12, 13).

Тем не менее богатство страны не всегда может являться удобным инструментом для объяснения влияния экономических санкций на политическое выживание лидеров. Во-первых, размер эффекта экономических санкций на ВВП целевой страны может быть преувеличен, особенно если адре-

⁴ Признана террористической организацией в РФ (Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003).

⁵ “Do economic sanctions destabilize country leaders?”

⁶ Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов 05.09.2025.

сант и адресат соразмерны между собой (например, в случае США и Китая) (Yang et al., 2004). В некоторых случаях экономические санкции не только не наносят ощутимый вред экономике целевой страны, но и способствуют формированию новых торговых отношений. Например, экономические санкции против Северной Кореи могли стать причиной развития ее торговли с Китаем, что можно оценивать как «укрепляющий» эффект (Park, 2014: 209–210). Во-вторых, сам негативный эффект экономических санкций для политических лидеров может быть преувеличен из-за особенностей в базовой структуре рисков и угроз целевых стран. Принципиальным оказывается механизм изучаемой связи: для анализа политических последствий санкций следует рассматривать как логику «внутреннего перераспределения»⁷, так и логику «внутреннего социально-экономического восприятия»⁸ (Terhalle, 2015). Под первой понимается изучение изменения структуры перераспределения экономических ресурсов правительством под влиянием экономических санкций, под второй – восприятия экономических потерь обществом. Наконец, устойчивость политических лидеров богатых стран может быть симптомом более фундаментальных политических характеристик. Так, изучение несмещенной оценки изменения роста ВВП под влиянием экономических санкций (то есть с учетом неоднородности выбора стран – адресатов санкций) говорит о малом их влиянии на устойчивость политических лидеров (Licht, 2017: 155). Примером такой фундаментальной характеристики является политический режим – множество принципов и способов организации власти в обществе. Так, недемократические лидеры оказываются более устойчивыми к санкционным угрозам (по сравнению с демократическими), если обладают достаточным уровнем диверсификации торговли.

Перераспределение и механизм политического выживания

Одним из наиболее важных элементов дискуссии о роли экономического богатства страны в стабилизации правления политического лидера под экономическими санкциями является структура перераспределения ресурсов в целевой стране. Де Мескита, Смит, Сиверсон и Морроу (De Mesquita et al., 2005) предлагают широкую и универсальную рамку для объяснения действий политических лидеров в вопросе о перераспределении ресурсов – концепцию политического выживания. В основе теории лежит представление о фундаментальной мотивации политического лидера – стремлении сохранить свою должность. Для этого требуется гарантировать поддержку достаточной коалиции из селектората – множества таких политических агентов, которые непосредственно принимают участие в выборе верховной власти в стране. Это предполагает решение ключевого вопроса: как политическому лидеру перераспределить наименьшее количество ресурсов таким образом, чтобы сохранить верховную власть в обществе? В дальнейшем Де Мескита и Смит показывают, что политическое выживание лидеров непосредственно зависит как от индивидуальных запросов политических агентов из селектората (и последующей конкуренции и кооперации), так и от правил игры – политических институтов (De Mesquita, Smith, 2009b). Институты позволяют политическим лидерам формировать выигрышные коалиции (то есть коалиции, достаточные для удержания власти), уменьшают трансакционные издержки, а также позволяют гарантировать достоверные обязательства. Такая логика подтверждается исследованиями роли партий в стабилизации политического режима в однопартийных авторитариях (Escribà-Folch, Wright, 2015). Политические партии сигнализируют о широте и характере селектората и выигрышной коалиции. Потенциальные бенефициары иностранной поддержки наиболее уязвимы к внешним ограничениям в странах с малой выигрышной коалицией в условиях широкого селектората (De Mesquita, Smith, 2007; De Mesquita, Smith, 2009a).

Богатые страны также могут быть уязвимы перед экономическими санкциями. Хорошим примером выступают «государства-рантье», которые получают существенную прибыль от продажи природных ресурсов на внешнем рынке. В «государстве-рантье» политический лидер часто может опираться на получаемую от продажи природных ресурсов прибыль для стабилизации выигрышной коалиции (Ross, 2015: 246). В таком случае экономические санкции резко уменьшают внешний доход, что нарушает устоявшиеся отношения патронажа в рамках выигрышной коалиции. Это создает существенную угрозу для политического выживания лидера в «государстве-рантье». Важную роль играет характер связи между экономическим капиталом и политической властью в стране: низкая мобильность капитала (Pepinsky, 2008) и пренебрежение правами собственности могут частично нивелировать политический ущерб от экономических санкций (Peksen, 2017). Таким образом, вне зависимости от располагаемых экономических ресурсов в государстве политический лидер может улучшить вероятность выживания при наличии надежной структуры перераспределения.

⁷ “Domestic distributional”.

⁸ “Domestic socioeconomic” perspectives.

Хотя теория селектората позволяет эффективно объяснить влияние через логику «внутренне-го перераспределения», она отрицает необходимость логики «внутреннего социально-экономического восприятия». Рациональный политический лидер будет склонен соглашаться на компромисс еще до введения экономических санкций, если последние действительно представляют реальную угрозу для политического правления. Иными словами, «политические лидеры, на которых санкции негативно скажутся, скорее всего, будут их избегать»⁹ (De Mesquita & Smith, 2012: 175). Следовательно, для объяснения «парадокса» проигравшего под влиянием экономических санкций лидера следует смотреть, с одной стороны, на факторы неопределенности в политическом принятии решений, с другой стороны, на методы самого правления.

Одним из таких факторов неопределенности является появление политических протестов граждан на фоне негативного влияния экономических санкций на экономику страны. Протестная активность носит эмерджентный характер (Porta, 2008) и не сводима к рациональным интересам политического лидера. Политические протесты могут оказаться «окнами возможности» для дестабилизации правления политического лидера (Major, 2012). В этом смысле экономические санкции используются как принудительный инструмент посредством одобрения протестного движения (Grauvogel et al., 2017). Однако повышение протестной активности в связи с ростом недовольства экономической ситуацией в стране не всегда ведет к ощущению давлению в сторону политического лидера (Peksen, 2021). В особенности это свойственно для недемократических политических лидеров, которые оказываются более свободны в выборе стратегий сопротивления санкциям из-за малого количества институциональных ограничений (Allen, 2008). Примечательно, что при определенном осмыслиении обществом экономических санкций они могут вызывать обратный эффект в целевой стране. Некоторые ученые подчеркивают возможность появления феномена «сплочения вокруг флага» – консолидации общественных настроений вокруг фигуры политического лидера с целью борьбы с внешней агрессией (Kazun, 2016; Fruye, 2017; Han et al., 2020). Более того, экономические трудности среди населения, которые часто являются непреднамеренными последствиями санкций, могут быть использованы как инструмент борьбы с оппозицией (Peksen, Drury, 2010). Так, недемократический политический лидер может делать выбор в пользу уменьшения уровня общественных благ, снижая тем самым ресурсы потенциальных конкурентов (Oechslin, 2014).

Методы реализации власти политическим лидером также отвечают за вероятность его выживания под влиянием экономических санкций. Например, недемократические режимы имеют возможность нарастить использование репрессивного аппарата с целью подавления оппозиции в условиях внешнего давления. Насильственные репрессии способствуют выживанию политического лидера, однако часто ведут к эскалации конфликта в обществе (Escribà-Folch, 2013: 557). При этом внутри недемократических режимов также есть разница в инструментах противодействия эффектам санкций: персоналистские режимы склонны снижать расходы на общественные блага, однопартийные режимы увеличивают расходы в рамках патрон-клиентских отношений, военные режимы увеличивают общие бюджетные (в том числе оборонные) расходы (Escribà-Folch, 2012: 23). Однако только персоналистские режимы оказываются гораздо более уязвимыми под санкционным давлением (по сравнению с военными и однопартийными) из-за отсутствия сильного институционального потенциала (Escribà-Folch, Wright, 2010; Peksen, 2019). При этом важно учитывать поведение ключевых агентов опорного селектората. Несогласие с методами политического лидера может привести к феномену «безбилетника» – попытке переложить обязанности по поддержке политического лидера на других (Kaempfer, Lowenberg, 2007: 887). Наконец, дестабилизирующий эффект оказывается сильнее в тех типах недемократического политического режима, где наблюдается высокий уровень глобализации в обществе (Tan, 2025).

Заключение

В современном мире мы все чаще можем наблюдать использование экономических санкций как инструмента в международных отношениях. Однако в научной дискуссии отсутствует согласие об их эффективности, в особенности с точки зрения последствий для политической сферы целевого общества. В статье указаны основные концептуальные элементы и виды понятия «экономические санкции» в науке, представлен аналитический обзор предметного исследовательского поля с целью выявления аргументов о связи экономических санкций и политического выживания. Влияние эконо-

⁹ “Those leaders most likely to be adversely affected by sanctions are the ones most likely to avoid them”

мических санкций на устойчивость политического лидера представляет собой сложный феномен. Оно зависит как от видов и способов реализации самих экономических санкций, так и от связанных экономических и социальных характеристик в целевой стране. Одним из ключевых элементов указанной взаимосвязи выступает экономическое богатство страны, которое играет роль модерирующей переменной взаимодействия. Так, экономические санкции оказывают негативный эффект на ВВП, снижают размер торговли и инвестиций, нарушают целостность финансовой системы в целевой стране. Все они тесно связаны с устойчивостью правления политического лидера. Особенno следует отметить «государства-рантье», где невозможность получать существенную прибыль от продажи природных ресурсов может напрямую привести к гибели политического лидера. При этом политическое выживание зависит не только от экономического богатства страны, но и от размера и структуры селектората и выигрышной коалиции. Экономические санкции могут привести к смене верховной власти, если они нарушают устоявшиеся каналы перераспределения ресурсов. Политические партии играют важную роль в стабилизации правления политического лидера, так как являются примером институционально закрепленной формы перераспределения ресурсов. Наконец, влияние экономических санкций на выживание политического лидера содержит в себе факторы неопределенности. Так, политические протесты являются примером эмерджентной реакции общества, которая характеризует его сложившееся восприятие санкционного давления.

Список литературы / References

- Ahn, D. P. (2019) ‘Economic sanctions: past, present, and future’, *Geo. J. Int'l Aff.*, 20, p. 126. DOI: 10.1353/gia.2019.0000
- Alexseev, M. A., & Hale, H. E. (2020) ‘Crimea come what may: Do economic sanctions backfire politically?’, *Journal of peace research*, 57(2), pp. 344–359. DOI: 10.1177/0022343319866879
- Allen, S. H. (2008) ‘Political institutions and constrained response to economic sanctions’, *Foreign Policy Analysis*, 4(3), pp. 255–274. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2008.00069.x
- Barry, C. M., & Kleinberg, K. B. (2015) ‘Profiting from sanctions: Economic coercion and US foreign direct investment in third-party states’, *International Organization*, 69(4), pp. 881–912. DOI: 10.1017/S002081831500017X
- Besedes, T., Goldbach, S., & Nitsch, V. (2017) ‘You're banned! The effect of sanctions on German cross-border financial flows’, *Economic Policy*, 32(90), pp. 263–318. DOI: 10.1093/epolic/eix001
- Botterill, L. C., & McNaughton, A. (2008) ‘Laying the foundations for the wheat scandal: UN sanctions, private actors and the Cole inquiry’, *Australian Journal of Political Science*, 43(4), pp. 583–598. DOI: 10.1080/10361140802429221
- Bueno de Mesquita, B., & Smith, A. (2012) ‘Domestic explanations of international relations’, *Annual Review of Political Science*, 15(1), pp. 161–181. DOI: 10.1146/annurev-polisci-070209-174835
- Burke, P. J. (2012) ‘Economic growth and political survival’, *The BE Journal of Macroeconomics*, 12(1). DOI: 10.2139/ssrn.1845464
- De Mesquita, B. B., & Smith, A. (2007) ‘Foreign aid and policy concessions’, *Journal of Conflict Resolution*, 51(2), pp. 251–284. DOI: 10.1177/0022002706297696
- De Mesquita, B. B., & Smith, A. (2009) ‘A political economy of aid’, *International Organization*, 63(2), pp. 309–340. DOI: 10.1017/S0020818309090109
- De Mesquita, B. B., & Smith, A. (2009) ‘Political survival and endogenous institutional change’, *Comparative political studies*, 42(2), pp. 167–197. DOI: 10.1177/0010414008323330
- De Mesquita, B. B., Smith, A., Siverson, R. M., & Morrow, J. D. (2005) *The logic of political survival*. MIT press. DOI: 10.7551/mitpress/4292.001.0001
- Drezner, D. W. (2000) ‘Bargaining, enforcement, and multilateral sanctions: when is cooperation counterproductive?’, *International organization*, 54(1), pp. 73–102. DOI: 10.1162/002081800551127
- Drezner, D. W. (2022) ‘How not to sanction’, *International Affairs*, 98(5), pp. 1533–1552. DOI: 10.1093/ia/iiac065
- Drezner, D. W. (2024) ‘Global economic sanctions’, *Annual Review of Political Science*, p. 27. DOI: 10.1146/annurev-polisci-041322-032240
- Escribà-Folch, A. (2012) ‘Authoritarian responses to foreign pressure: Spending, repression, and sanctions’, *Comparative Political*

- Studies*, 45(6), pp. 683–713. DOI: 10.1177/0010414011427883
- Escribà-Folch, A. (2013) ‘Repression, political threats, and survival under autocracy’, *International Political Science Review*, 34(5), pp. 543–560. DOI: 10.2139/ssrn.1705508
- Escribà-Folch, A., & Wright, J. (2010) ‘Dealing with tyranny: International sanctions and the survival of authoritarian rulers’, *International studies quarterly*, 54(2), pp. 335–359. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2010.00590.x
- Escribà-Folch, A., & Wright, J. G. (2015) *Foreign pressure and the politics of autocratic survival*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198746997.001.001
- Farrell, H., & Newman, A. L. (2020) ‘Chained to globalization’, *Foreign Affairs*, 99(1), pp. 70–80.
- Felbermayr, G., Kirilakha, A., Syropoulos, C., Yalcin, E., & Yotov, Y. V. (2020) ‘The global sanctions data base’, *European Economic Review*, 129, p. 103561. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2020.103561
- Filipenko, A., Bazhenova, O., & Stakanov, R. (2020) ‘Economic sanctions: theory, policy, mechanisms’, *Baltic Journal of Economic Studies*, 6(2), pp. 69–80. DOI: 10.30525/2256-0742/2020-6-2-69-80
- Frye, T. (2017) *Do Economic Sanctions Cause a Rally around the Flag?* Columbia/SIPA Center on Global Energy Policy.
- Gharehgouzi, O. (2017) ‘An estimation of the economic cost of recent sanctions on Iran using the synthetic control method’, *Economics Letters*, 157, pp. 141–144. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.06.008
- Giumelli, F. (2011) *Coercing, constraining and signalling: explaining UN and EU sanctions after the Cold War*. ECPR press.
- Gordon, J. (2019) ‘The not so targeted instrument of asset freezes’, *Ethics & International Affairs*, 33(3), pp. 303–314. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0892679419000315>
- Grauvogel, J., Licht, A. A., & Von Soest, C. (2017) ‘Sanctions and signals: How international sanction threats trigger domestic protest in targeted regimes’, *International Studies Quarterly*, 61(1), pp. 86–97. DOI: 10.1093/isq/sqw044
- Grinberg, R. S., Belozyorov, S. A., & Sokolovska, O. (2021) ‘Effectiveness of economic sanctions: assessment by means of a systematic literature review’, *Ekonomika Regiona = Economy of Regions*, (2), p. 354. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-1
- Guo, L., Wang, S., & Xu, N. Z. (2023) ‘US economic and trade sanctions against China: A loss-loss confrontation’, *Economic and Political Studies*, 11(1), pp. 17–44. DOI: 10.1080/20954816.2021.1920195
- Gutmann, J., Neuenkirch, M., & Neumeier, F. (2023) ‘The economic effects of international sanctions: An event study’, *Journal of Comparative Economics*, 51(4), pp. 1214–1231. DOI: 10.1016/j.jce.2023.05.005
- Han, B., Rhee, I., & Tabakis, C. (2020) ‘Rally Around Which Flag?: Investigation of the Impact of Sanctions on the Rally Around the Flag Effects Using Focused Group Discussion with North Korean Defectors’, *KDI School of Pub Policy & Management Paper Forthcoming*. DOI: 10.2139/ssrn.4054309
- Hirschman, A. O. (1980) *National power and the structure of foreign trade* (Vol. 105). Univ of California Press.
- Hufbauer, G. C., & Jung, E. (2020) ‘What’s new in economic sanctions?’, *European economic review*, 130, p. 103572. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2020.103572
- Hufbauer, G. C., Schott, J. J., & Elliott, K. A. (1990) *Economic sanctions reconsidered: History and current policy* (Vol. 1). Peterson Institute.
- Itskhoki, O., & Ribakova, E. (2024) ‘The Economics of Sanctions’, *Brookings Papers on Economic Activity*.
- Kaempfer, W. H., & Lowenberg, A. D. (2007) ‘The political economy of economic sanctions’, *Handbook of defense economics*, 2, pp. 867–911. DOI: 10.1016/S1574-0013(06)02027-8
- Kahn, R. (2017) ‘Have sanctions become the Swiss Army knife of US foreign policy?’, *Council on Foreign Relations*.
- Kazun, A. (2016) ‘Rally-around-the-flag and the Media: Case of Economic Sanctions in Russia’, *Basic Research Program Working Papers*, 33.
- Leamer, E. E. (1995) *The Heckscher-Ohlin model in theory and practice*. Princeton, N. J.: International Finance Section, Department of Economics, Princeton University.
- Licht, A. A. (2017) ‘Hazards or hassles the effect of sanctions on leader survival’, *Political Science Research and Methods*, 5(1), pp. 143–161. DOI: 10.1017/psrm.2015.25

- Major, S. (2012) 'Timing is everything: Economic sanctions, regime type, and domestic instability', *International Interactions*, 38(1), pp. 79–110. DOI: 10.1080/03050629.2012.640253
- Marinov, N. (2005) 'Do economic sanctions destabilize country leaders?', *American Journal of Political Science*, 49(3), pp. 564–576. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2005.00142.x
- Morgan, T. C., Syropoulos, C., & Yotov, Y. V. (2023) 'Economic sanctions: Evolution, consequences, and challenges', *Journal of Economic Perspectives*, 37(1), pp. 3–29. DOI: 10.1257/jep.37.1.3
- Neuenkirch, M., & Neumeier, F. (2015) 'The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth', *European Journal of Political Economy*, 40, pp. 110–125. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2015.09.001
- Oechslin, M. (2014) 'Targeting autocrats: Economic sanctions and regime change', *European Journal of Political Economy*, 36, pp. 24–40. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2014.07.003
- Özdamar, Ö., & Shahin, E. (2021). 'Consequences of economic sanctions: The state of the art and paths forward', *International Studies Review*, 23(4), pp. 1646–1671. DOI: 10.1093/isr/viab029
- Pala, T. (2021) 'The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review', *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 14(1), pp. 239–259. DOI: 10.2478/nispa-2021-0009
- Park, J. S. (2014) 'The key to the North Korean targeted sanctions Puzzle', *The Washington Quarterly*, 37(3), pp. 199–214. DOI: 10.1080/0163660X.2014.978444
- Peksen, D. (2017). 'How do target leaders survive economic sanctions? The adverse effect of sanctions on private property and wealth', *Foreign Policy Analysis*, 13(1), pp. 215–232. DOI: 10.1111/fpa.12077
- Peksen, D. (2019) 'Autocracies and economic sanctions: The divergent impact of authoritarian regime type on sanctions suc-cess', *Defence and Peace Economics*, 30(3), pp. 253–268. DOI: 10.1080/10242694.2017.1368258
- Peksen, D. (2021) 'Economic sanctions and political stability and violence in target countries', *Research handbook on economic sanctions*, pp. 187–201. Edward Elgar Publishing. DOI: 10.4337/9781839102721.00016
- Peksen, D., & Drury, A. C. (2010) 'Coercive or corrosive: The negative impact of economic sanctions on democracy', *International Interactions*, 36(3), pp. 240–264. DOI: 10.1080/03050629.2010.502436
- Pepinsky, T. B. (2008) 'Capital mobility and co-alitional politics: authoritarian regimes and economic adjustment in Southeast Asia', *World Politics*, 60(3), pp. 438–474. DOI: 10.1017/s0043887100009059
- Porta, D. D. (2008) 'Eventful protest, global conflicts', *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, 9(2), pp. 27–56. DOI: 10.1080/1600910X.2008.9672963
- Ross, M. L. (2015) 'What have we learned about the resource curse?', *Annual review of political science*, 18(1), pp. 239–259. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052213-040359
- Smeets, M. (2018) 'Can economic sanctions be effective?'. DOI: 10.30875/0b967ac6-en
- Tan, D. (2025). 'The causal effect of economic sanctions on political stability: A two-stage difference-in-differences analysis', *International Journal of Social Welfare*, 34(1), pp. 1–23. DOI: 10.1111/ijsw.12707
- Terhalle, M. (2015) 'Why revolutionary states yield: International sanctions, regime survival and the security dilemma. The case of the Islamic Republic of Iran', *International Politics*, 52, pp. 594–608. DOI: 10.1057/ip.2015.31
- Yang, J., Askari, H., Forrer, J., & Teegen, H. (2004) 'US economic sanctions against China: Who gets hurt? ', *World Economy*, 27(7), pp. 1047–1081. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2004.00640.x

Статья поступила в редакцию: 22.07.2025
Статья принята к печати: 30.10.2025

WHAT WE KNOW ABOUT THE IMPACT OF ECONOMIC SANCTIONS ON LEADERS' POLITICAL SURVIVAL: AN ANALYTICAL LITERATURE REVIEW

Y. Evseev

Yaroslav Evseev, PhD Student, Doctoral School of Political Science,
National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
E-mail: Evseev.Y.S@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9069-1091. ResearcherID: MZR-3827-2025).

Abstract

In recent decades, economic sanctions have become an increasingly frequent and precise foreign policy tool, and the expansion of their types and application has prompted a reevaluation of their political consequences. There is still no consensus on the nature and factors through which economic sanctions influence the political survival of a country's leaders, a central aspect of government stability. This article provides an analytical review of the research field to explore arguments concerning the relationship between sanctions and political survival. The discussion on assessing the effectiveness of economic sanctions in terms of political leaders' survival remains highly relevant. Examination of key studies demonstrates that the consequences of sanctions for a political leader largely depend on the methods of their implementation. Moreover, the economic well-being of the target state positively influences a leader's stability under sanctions, while the ability to retain power is also shaped by the size and structure of the electorate and the winning coalition, as well as by the specific mechanisms of resource redistribution. This article continues the discussion on the consequences of economic sanctions and offers a new approach to considering the effectiveness of economic sanctions through their connection with the political survival of leaders.

Keywords: economic sanctions; economic sanction effectiveness; typology of economic sanctions; consequences of economic sanctions; political stability; political survival; electorate theory..

УДК-324

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-154-157

**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В США
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: TAUNA S. SISCO, JENNIFER C. LUCAS, CHRISTOPHER J.
GALDIERI (2023) IDENTITY POLITICS IN US NATIONAL ELECTIONS)**

К. В. Гаврюсова

Гаврюсова Карина Викторовна, старший преподаватель кафедры политических наук историко-политологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: k.gavryusova@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-5137-4147. ResearcherID: C-5912-2019).

Аннотация

Авторы коллективной монографии «Политика идентичности в контексте национальных выборов в США» под редакцией Таун С. Сиско, Дженифер К. Лукас, Кристофера Дж. Гальдьери акцентируют свое внимание на изучении взаимосвязи политики идентичности и электоральных процессов в США в 2020 году. Работа представляет собой восемь отдельных исследований, в которых акцент сделан на изучении таких аспектов идентичности, как раса, гендер, возраст, культурные и ценностные ориентиры. Авторы используют как теоретические, так и эмпирические подходы для комплексного объяснения того, почему политика идентичности стала ключевым элементом электорального поведения в США. Коллективная монография является результатом работы научной конференции «Американский симпозиум по выборам» 2020 года.

Ключевые слова: политика идентичности; электоральные процессы; электоральное поведение; политическое поведение; национальные выборы в США; Республиканская партия; Демократическая партия.

Политика идентичности является одной из ключевых детерминант электоральных процессов в современных демократиях. Этнические, расовые, гендерные, культурные и иные аспекты самоидентификации становятся важным элементом политического поведения, трансформируя модели электорального выбора, основанные на структурных обстоятельствах (партийная принадлежность, класс, доход, образование). В результате этого в электоральных процессах политика идентичности оказывается как инструментом мобилизации избирателей, так и фактором трансформации политической среды.

Авторы монографии «Политика идентичности в контексте национальных выборов в США» предпринимают попытку охарактеризовать роль политики идентичности в период национальных выборов в США в 2020 году. Работа представляет собой междисциплинарную коллективную монографию одиннадцати ученых в областях политологии, социологии и психологии. Она опубликована в 2023 году издательством «Палгрейв Макмиллан» (Palgrave Macmillan) в серии «Исследования Палгрейва на выборах в США», в рамках которой собраны результаты работы научной конференции «Американский симпозиум по выборам» 2020 года, посвященной связи идентичности и поведения избирателей, мобилизации социальных движений и партийных стратегий. Данная работа вносит важный вклад в исследование взаимосвязи структурных изменений в американском обществе и механизмов политического участия групп, которые определяют себя через грани идентичности.

В главах коллективной монографии используются как количественные, так и качественные методы анализа, например, регрессионный анализ, геоинформационные данные о протестах, опросы, контент-анализ и социологические наблюдения. Междисциплинарный подход, сочетающий в себе политологию, социологию и психологию, позволяет охватить различные аспекты анализа и сформулировать более полную картину того, как идентичность становится инструментом политической артикуляции.

Структурно работа состоит из введения, восьми глав и заключения. Во введении авторы отмечают значимость концепта политики идентичности в электоральных процессах. В первой главе «Политика идентичности в контексте национальных выборов в США» (Т.С. Сиско, Дж.К. Лукас, К.Дж.

Галдиери) авторы характеризуют развитие концепта «политика идентичности» с конца 1970-х годов. Большое внимание уделяется тому, как политика идентичности выходит на передний план в контексте электоральных процессов. Вопросы расы, пола, гендера, социальной справедливости становятся ключевыми инструментами мобилизации избирателей в период выборов 2020 года в США. Далее в главе формулируются ключевые вопросы монографии: как политика идентичности влияет на исход выборов? как трансформируются стратегии партий исходя из идентичности избирателей?

Проблема гендерного неравенства поднимается в двух аспектах: в целом участие женщин в политике и участие в политике женщин-афроамериканок, что раскрывается во второй и третьей главах.

В главе «Гендерные установки и поддержка Элизабет Уоррен на праймериз Демократической партии 2020 года» автор Дж.К. Лукас исследует то, как влияют гендерные установки на поддержку сенатора США от Массачусетса Элизабет Уоррен в праймериз 2020 года. Элизабет Уоррен имела высокий уровень компетентности и поддержки либеральных СМИ, но тем не менее не смогла добиться широкой поддержки на праймериз. Автор использует данные опросов и показывает, что гендерные стереотипы о женской кандидатуре являются значимым фактором электоральных предпочтений. Несмотря на то что избиратели Демократической партии выступают за гендерное равенство, мы видим, что модели патриархального мышления сохраняют свою актуальность. Автор использует данные опросов, проведенных в период праймериз 2020 года, которые включают в себя показатели «уровень доверия», «симпатия к кандидату», а также шкалы гендерных и феминистских установок. Использование количественного анализа, а именно многомерной регрессии, доказывает, что представление американского общества о «приемлемом кандидате» и неготовность голосовать за «женщину-кандидата» являются латентной формой сексизма. Автор считает, что это не прямая форма дискриминации, а глубокие культурные паттерны и представления о том, что женщина-кандидат не может быть избрана. Проигрыш Хилари Клинтон на выборах 2016 года стал одним из факторов, подтверждающих укорененность данной идеи в обществе.

Таким образом, политика идентичности, которая строится на гендере, имеет различные эффекты. Она может как создавать пространство для политического участия, так и ограничивать возможности кандидата. Глава показывает, что гендер является важным элементом политического участия, который, в свою очередь, может быть катализатором различного рода политических конфликтов.

Концептуально углубляясь в проблематику участия женщин в политике, авторы предлагают рассмотреть расовый аспект в дополнении к гендерному – участие женщин-афроамериканок в политике.

Третья глава «Афроамериканские женщины в 2020 году. Политика США: пройден тернистый путь» У. Браун-Фостера посвящена роли афроамериканских женщин в политике США. Автор ставит важный вопрос: почему афроамериканские женщины системно исключены из политического представительства? Упомянутый в названии работы «тернистый путь» прослеживается в историческом контексте: от рабства женщин и отсутствия избирательного права до политического участия женщин в XXI веке и избрания Камалы Харрис вице-президентом. Автор приходит к выводу о том, что успех афроамериканских женщин в 2020 году не внезапный, а является результатом длительной и сложной борьбы за политическую субъектность. Однако не стоит рассматривать это как окончательную победу. По мнению автора, Камала Харрис стала фигурой компромисса, но не гарантом дальнейших изменений, таким образом, создавая новую веху борьбы за устойчивое представительство афроамериканских женщин в политике США. Автор приходит к выводу о том, что политическая идентичность афроамериканских женщин является источником единства и солидарности.

Однако проблематика расовой идентичности не исчерпывается только вышеуказанными проблемами женщин-афроамериканок. Расовый аспект идентичности в целом является значимым элементом электорального поведения в США. Данная проблематика поднимается в четвертой и пятой главах и строится на исследовании движения *Black Lives Matter*.

Глава «Выражение поддержки движению *Black Lives Matter* в Конгрессе» авторов Дж. Гулати, Л. Кормак посвящена изучению взаимосвязи между поддержкой движения *Black Lives Matter* (*BLM*) членами Конгресса и их электоральными результатами. Авторы отмечают, что *BLM* стало не просто времененным социальным движением, а важным элементом политической идентичности.

В рамках исследования проанализированы публичные заявления, посты в одной из социальных сетей и пресс-релизы членов Палаты представителей и Сената в период с мая по декабрь 2020 года. Также приняты во внимание результаты выборов в 2020 году и социально-демографические характеристики округов. Авторы используют статистический анализ и регрессионные модели для сопоставления уровня поддержки и изменений в голосовании.

Исследование показало, что поддержка *BLM* имеет ярковыраженный партийный характер (преимущественно от демократов афроамериканских и латиноамериканских представителей). Большинство республиканцев от прямых высказываний воздерживалось. В результате анализа удалось выявить корреляцию между открытой поддержкой *BLM* и ростом электоральной активности в афроамериканских сообществах, а также снижение поддержки среди остального избирателя в пригородных и сельских районах. Таким образом, исследователи приходят к выводу, что поддержка *BLM* стала важным аспектом выражения идентичности, которая может одновременно как укреплять электоральную базу, так и обострять поляризацию в обществе.

Пятая глава расширяет тему *BLM* и носит название «Роль *Black Lives Matter* на президентских выборах 2020 года» (К. Доран, Т. Сиско). Авторы изучают влияние данного движения на электоральное поведение на президентских выборах в 2020 году. Цель исследования – выявить, как отношение к *BLM* и географическая близость к протестам соотносятся с изменением результатов голосования за Дональда Трампа и Республиканскую партию в 2016 и 2020 годах. Авторы используют данные опросов и данные о протестах. В результате им удалось выявить, что поддержка движения *BLM* стала причиной отказа от поддержки Трампа, тогда как негативное восприятие движения коррелирует с сохранением/усищением поддержки Трампа.

Важную роль играет и территориальная близость к акциям *BLM*. Те, кто были территориально близки к протестам, чаще голосовали против Трампа, однако в округах с усиленным полицейским контролем, наоборот, поддерживали Трампа сильнее. Данный факт показывает, что политизация конфликтов имеет сложный характер. Важна не только идея борьбы с расизмом, но и ее встраивание в порядок и безопасность.

Авторы приходят к выводу о том, что движение BLM как форма гражданского протеста против полицейского насилия в контексте выборов стало важным аспектом политики идентичности. Результаты выборов как реакция на *BLM* стали отражением групповой солидарности и самоидентификации.

Проблема сексуальных меньшинств отражена в главе шестой, в которой представлен анализ процесса нормализации сексуальной идентичности в политическом пространстве, а именно то, как участие кандидатов с нетрадиционной сексуальной ориентацией в политике меняет риторику и повестку политических партий. Исследование доказывает, что активизация сексуальных меньшинств является реакцией на угрозу репрессий со стороны Трампа.

Социально-демографическое измерение политики идентичности представлено в главе седьмой «Предпочтения и детерминанты политического поведения пожилых избирателей на президентских выборах США 2020 года». Авторы Э. Рикенбах, Ж. Фасси, К. Доран описывают эlectorальное поведение избирателей пожилого возраста через призму демографии, возрастных различий и пандемии COVID-19. Авторы утверждают, что пожилые избиратели – одна из самых влиятельных групп эlectorата в связи с высокой явкой и растущей численностью. Стоит отметить, что в 2020 году пожилой эlectorат (65+) составлял примерно 23 % эlectorата и продемонстрировал уровень участия около 74 %. В исследовании отмечено, что сложилась ситуация, при которой белые пожилые избиратели склоняются к Республиканской партии, однако в период с 2016 по 2020 год их поддержка республиканцев снизилась, а доля голосов за демократов возросла. Таким образом, в связи с растущим этническим и социальным разнообразием пожилого населения наблюдаются изменения в устоявшихся предпочтениях среди возрастного эlectorата.

Отдельное внимание удалено пандемии COVID-19. Это важный аспект, повлиявший на электоральные предпочтения пожилого избирателя, поскольку именно они пострадали сильнее иных возрастных групп. Реакция Дональда Трампа на пандемию (например, отказ от масок, занижение угрозы) вызвала неоднозначный отклик среди населения. Для одних пожилых республиканцев это стало показателем стойкости, для других – пренебрежением жизнью старшего поколения. Байден же воспринимался как кандидат, который действует с позиции сострадания и заботы, благодаря чему он повысил свою популярность среди пожилых избирателей.

Таким образом, авторы выделяют три ключевых фактора, определивших поведение пожилых избирателей на выборах в 2020 году: во-первых, это влияние пандемии; во-вторых, отсутствие политических программ для возрастного населения; в-третьих, роль медиа. Медиа служат площадкой как для информации, так и для дезинформации, тем самым усиливая политическую поляризацию в группе пожилого избирателя. Авторы приходят к выводу о том, что влияние возрастного избирателя будет определяться демографическими и культурными изменениями (например, ростом числа небелых пожилых граждан). Таким образом, политика идентичности в этой группе будет становиться все более многомерной и сложной, в ней будут сочетаться возраст, раса, класс, гендер и различные кризисные ситуации.

Заключительная часть монографии «Политика идентичности после 2020 года» резюмирует результаты исследования. К. Галдиери, Т. Сиско, Дж. Лукас размышляют о том, что из себя представляют политика идентичности после выборов в 2020 году. Авторы приходят к выводу о том, что политика идентичности становится важным элементом американских избирательных процессов последних лет.

Коллективная монография «Политика идентичности в контексте национальных выборов в США» представляет собой комплексное исследование того, как идентичность связана с избирательным поведением самого избирателя и субъектов политики (кандидатов, партий). Гендер, раса, возраст, география – все это является важными аспектами идентичности, которые так или иначе встраиваются в политическую борьбу.

Работа дает понимание того, как политика идентичности стала базовой категорией политического пространства США, которая способна мобилизовать избирателей на основе социальной идентификации.

Практическая значимость данной монографии заключается в возможности анализа избирательных процессов с точки зрения идентичности. В работе продемонстрирован переход от теории избирательного поведения, основанной на национальном выборе, к политической антропологии, которая строится на самоидентификации кандидата. Авторы приходят к выводу, что идентичность не разрушает устоявшуюся систему, а обеспечивает ее обновление. Таким образом, идентичность – это не вторичный фактор, а фундамент современного политического действия.

Однако стоит отметить и недостатки данной коллективной монографии. В работе отсутствуют общая теоретическая рамка и концептуализация понятия «идентичность». В связи с этим разные исследования в ней скорее не дополняют друг друга, а размыают этот концепт. Иными словами, отсутствует взаимосвязь между выделенными элементами идентичности (раса, гендер, возраст). Таким образом, коллективная монография представляет собой скорее разрозненную серию статей, а не единый, цельный труд.

Несмотря на вышеизложенное, результаты исследований, собранных в восьми главах, могут помочь при анализе целевых групп избирательной мобилизации, а также при формировании избирательных стратегий кандидатов или партийных программ партий. Стоит отметить, что данная работа может стать теоретико-методологической основой для научной деятельности в области исследований взаимосвязи политики идентичности и избирательных процессов.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

IDENTITY POLITICS IN THE CONTEXT OF US NATIONAL ELECTIONS

**(A REVIEW OF TAUNA S. SISCO, JENNIFER C. LUCAS, CHRISTOPHER J. GALDIERI. (2023)
IDENTITY POLITICS IN US NATIONAL ELECTIONS)**

K. Gavryusova

Karina Gavryusova, Senior Lecturer, Department of Political Science, Faculty of History and Political Science,
Perm State University, Perm, Russia.
E-mail: k.gavryusova@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-5137-4147 ResearcherID: C-5912-2019).

Abstract

The authors of the collective monograph "Identity Politics in US National Elections," edited by Tauna S. Sisco, Jennifer C. Lucas, and Christopher J. Galdieri, focus on the correlation between identity politics and electoral processes in the United States in 2020. The research comprises eight separate studies focusing on aspects of identity such as race, gender, age, culture, and value orientations. The authors use both theoretical and empirical methods to provide a comprehensive explanation for why identity politics has become a key element of voting behavior in the United States. This collective monograph was produced as a result of the 2020 American Election Symposium.

Keywords: identity politics; electoral processes; electoral behaviour; political behavior, national elections in the United States; Republican party; Democratic party.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется **Библиографический список / References**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный **DOI**, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и боснийского языков*.

(Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol. 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия.

[Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [*Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost` gosudarstva i prava etnicheskix men`shinstv*]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) ‘Soft power’ in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) ‘Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий’ в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) ‘The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies’ [*Konstruirovaniye granic i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij*] in: Panov, P.V. (eds.) ‘Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights’ [*Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost` gosudarstva i prava etnicheskix men`shinstv*]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [*Bol'shaya sovetskaya encyclopediya*] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) ‘Higher Education in the Digital Age’ [*Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu*] Moskva: Izdatel'skij dom

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) ‘Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community’, *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. ‘How citation changed the research world’, *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) ‘Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике’, *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) ‘Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics’ [Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engelgardt, G. (2005) ‘*Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)*’ [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, end-notes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

- (Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)
(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)
(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)
(Smith, 2006a)
(Smith, 2006b)
(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).
(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) ‘Soft power’ in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) ‘Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community’, *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. ‘How political order changed?’, *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2025. Том 19. № 4

Bulletin of Perm University.
Political Science
2025. Vol. 19. № 4

Научное издание

Редактор *M. A. Капустина*
Корректор *M. A. Капустина*
Компьютерная верстка *K. П. Турцевой*

Подписано в печать 18.12.2025

Выход в свет 23.12.2025

Формат 60x84/8. Усл. печ. 19,07

Тираж 500 экз. Заказ 144

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006